

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск VIII

Ставрополь
2016

УДК 941/949 (470+438) “18, 19”
ББК 63.3. (2/4) (4 Пол)
К 76

Редакционная коллегия

И. В. Крючков – отв. за вып. (СКФУ),
С. А. Польская – отв. ред. (СКФУ),
П. Цихорацкий (Вроцлавский университет),
И. К. Ким (ВГСПУ),
М. Е. Колесникова (СКФУ),
А. С. Стыкалин (Институт славяноведения РАН)

К 76 Российско-польский исторический альманах. Выпуск VIII. –
Ставрополь-Волгоград: Изд-во СКФУ, 2016. – 154 с.

ISBN 978-5-88648-763-3

Представленное издание посвящено различным аспектам истории Польши, проблемам её внутреннего развития и внешним связям – от эпохи средневековья до настоящего времени. Особое место в нём отводится проблеме идентичности в польской истории.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей, а также для всех интересующихся проблемами истории Польши.

УДК 941/949 (470+438) “18, 19”
ББК 63.3. (2/4) (4 Пол)

ISBN 978-5-88648-763-3

© ФГАУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2016
© ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет», 2016

MINISTERSTWO WYKSZTAŁCENIA I NAUKI FEDERACJI ROSYJSKIEJ
FEDERALNA PAŃSTWOWA AUTONOMICZNA INSTYTUCJA
WYŻSZEGO WYKSZTAŁCENIA
«PÓŁNOCNO-KAUKASKI UNIWERSYTET FEDERALNY»
FEDERALNA PAŃSTWOWA BUDŻETOWA INSTYTUCJA KSZTAŁTĄCA
WYŻSZEGO WYKSZTAŁCENIA
«WOŁGOGRADZKI PAŃSTWOWY UNIWERSYTET
SOCJALNO-PEDAGOGICZNY»

ROSYJSKO-POLSKI ALMANACH HISTORYCZNY

ZESZYT VIII

Stawropol
2016

УДК 941/949 (470+438) “18, 19”
ББК 63.3. (2/4) (4 Пол)
К 76

Zespół redakcyjny

I. W. Kriuczok – odp. za wyd. (PKUF),
S. A. Polskaja – odp. red. (PKUF),
P. Cichoracki (Uniwersytet Wrocławski),
I. K. Kim (WPUSP),
M. E. Kolesnikowa (PKUF),
A. S. Stykalin (Instytut Słowianoznawstwa RAN)

Na okładce: Szczerbiec – miecz koronacyjny monarchów polskich
(Foto: Michta S. Muzeum «Wawelski Zamek Królewski», Kraków, Polska)

K 76 **Rosyjsko-polski almanach historyczny. Zeszyt VIII.** – Stawropol-Wołgograd:
Wyd-wo PKUF, 2016. – 154 s.

ISBN 978-5-88648-763-3

Prezentowany zbiór poświęcony różnym aspektom historii Polski, zagadnieniom jej wewnętrznego rozwoju oraz stosunkom zewnętrznym od epoki średniowiecza do czasów obecnych. Specjalną uwagę zwrócono na zagadnienie tożsamości w historii Polski.

Zbiór może być przydatny dla naukowców, wykładowców, doktorantów kierunków humanistycznych oraz dla wszystkich zainteresowanych historią Polski.

УДК 941/949 (470+438) “18, 19”
ББК 63.3. (2/4) (4 Пол)

ISBN 978-5-88648-763-3

© Północno-Kaukaski
Uniwersytet Federalny, 2016
© Wołgogradzki Państwowy Uniwersytet
Socjalno- Pedagogiczny, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	9	
Раздел I. Проблемы идентичности в польской истории		
	12	Польская С. А. «Osoba pańska umiera, korona nie umiera»: французские коннотации польского политического церемониала
	18	Цвиркун В. И. К истории зарождения гусарских формирований в России. Балканские, венгерские и польские влияния
	32	Боголюбов А. Г. Россия и русские люди, а также вопросы единения славян в работах польских политических и общественных деятелей XVIII–XIX вв.
	35	Островский Л. К. Польское население Новониколаевска (1890-е гг. – февраль 1917 г.)
	42	Волобуев В. В. «Мать Иоанна от ангелов» и казус Католической Церкви в ПНР
	45	Коровицына Н. В. Варшавские мелодии: культурные эффекты системной трансформации
Раздел II. Личность в контексте эпохи		
	56	Шафраньский П. Мария Добронега – супруга из Руси. Пример польско-русских отношений в XI в.
	61	Адамска Д. Дипломатическая деятельность вроцлавского мещанина Николая фон Попплау и его посольства ко двору Великого князя Московского Ивана III: постановка проблемы
	68	Ковальчик М. Э. Путешествие Анны Плятер в Москву на коронацию Павла I
	73	Матвеев О. В. Забытое имя в истории и историографии кавказского казачества
Раздел III. Польша в межвоенный период		
	80	Цихорацкий П. Лидеры Коммунистической партии Польши о самых острых социальных выступлениях в Польше периода Великого кризиса (в свете советских публикаций)
	85	Ким И. К. Манифестации Центролева 14 сентября как эпизод предвыборной кампании 1930 г. в Польше
	91	Кретинин С. В. Поляки и немцы в первые годы Второй Республики: межэтнические конфликты и контакты
	96	Лещиньский Р. Модель «кресового воспитания» во Второй республике в Польше: просвещение в Тернопольском воеводстве в 1923–1938 гг.

Раздел IV. Экономическая парадигма польской истории

- 103 **Крючков И. В.** Материалы торгового представительства СССР в Германии об экономическом развитии Польши в 1924 г.
- 108 **Маркс Б. П.** Из истории польско-российских торговых отношений в последнем десятилетии XX в.

Раздел V. Польские историки Варшавского университета: служение науке и образованию

- 113 **Беликов А. П.** Лидия Винничук – выдающийся представитель польской науки
- 118 **Казаров С. С.** Профессор Александр Мартынович Придик в Варшаве (1904–1915)
- 125 **Птицын А. Н.** Австро-венгерские преподаватели-иммигранты на историко-филологическом факультете Варшавского университета

Методические материалы

- 131 **Волобуев В. В.** Польша 1956–1989 гг. Основные тенденции эволюции политического развития (основа для спецкурса)

Некрологи

- 149 Памяти Александра Михайловича Орехова

Список принятых сокращений

152

Сведения об авторах

153

TREŚĆ

Od redakcji	9	
Rozdział I. Zagadnienia tożsamości w historii Polski		
	12	Polskaja S. A. «Osoba pańska umiera, korona nie umiera»: konotacje francuskie polskiego ceremoniału politycznego
	18	Cwirkun W. I. O historii stworzenia oddziałów husarskich w Rosji. Bałkańskie, węgierskie i polskie wpływy
	32	Bogolubow A. G. Rosja i Rosjanie oraz kwestie jedności Słowian w pracach polskich działaczy politycznych i społecznych XVIII–XIX w.
	35	Ostrowskij L. K. Polska ludność Nowonikołajewska (lata 1890 – luty 1917 r.)
	42	Wołobujew W. W. «Matka Joanna od aniołów» a kazus Kościoła katolickiego w PRL
	45	Korowicyna N. W. Melodie warszawskie: kulturalne efekty transformacji systemowej
Rozdział II. Jednostka w kontekście epoki		
	56	Szafrański P. Maria Dobroniega – małżonka z Rusi. Przykład polsko-ruskich stosunków w XI w.
	61	Adamska D. Działalność wrocławskiego mieszczanina Mikołaja von Popplau i jego poselstwo na dwór moskiewski Iwana III: zarys problemu
	68	Kowalczyk M. E. Podróż Anny Platerowej do Moskwy na koronację Pawła I
	73	Matwiejew O. W. Zapomniane imię w historii i historiografii kozactwa kaukaskiego
Rozdział III. Polska w okresie międzywojennym		
	80	Cichoracki P. Liderzy KPP wobec najostrzejszych wystąpień społecznych w II Rzeczypospolitej okresu Wielkiego Kryzysu (w świetle publikacji sowieckich)
	85	Kim I. K. Manifestacje Centrolewu 14 września jako epizod akcji wyborczej 1930 r. w Polsce
	91	Kretinin S. W. Polacy i Niemcy w pierwszych latach Drugiej Rzeczypospolitej: konflikty i kontakty międzyetniczne
	96	Leszczyński P. Model «kresowego wychowania» w Drugiej Rzeczypospolitej w Polsce: edukacja w województwie tarnopolskim w latach 1923–1938

**Rozdział IV. Paradygmat
gospodarczy historii Polski**

- 103 **Kriuczkow I. W.** Materiały misji handlowej ZSRR w Niemczech o rozwoju gospodarczym Polski w 1924 r.
108 **Marks B. P.** Z historii polsko-rosyjskich stosunków handlowych w ostatniej dekadzie XX w.

**Rozdział V. Polskie
historycy uniwersytetu
Warszawskiego: służba
nauce i wykształceniu**

- 113 **Bielikow A. P.** Lidia Winniczuk – wybitny przedstawiciel nauki polskiej
118 **Kazarow S. S.** Profesor Aleksander Martynowicz Pridik w Warszawie (1904–1915)
125 **Pticyń A. N.** Austro-węgierscy wykładowcy-imigranci na wydziale historyczno-filologicznym Uniwersytetu Warszawskiego

Materiały metodyczne

- 131 **Wołobujew W. W.** Polska lat 1956–1989. Główne tendencje ewolucji rozwoju politycznego (podstawa dla kursu specjalnego)

8

In memoriam

- 149 Świętej pamięci Aleksandra Michajłowicza Orechowa

Używane skróty

152

Dane o autorach

153

ОТ РЕДАКЦИИ

Проблемы польской истории и польско-российских отношений традиционно являются ведущими в стратегии издания «Российско-польского исторического альманаха». Однако настоящий выпуск сосредоточил наше внимание на несколько иных ракурсах и сюжетах, предложенных коллегами из ведущих научных центров двух стран. Это обстоятельство в значительной мере демонстрирует исследовательский профиль современного полоноведения и смежных с ним аспектов исторического знания.

Доминирующей выступила *проблема поисков идентичности в польской истории*, а также её трансформации на собственно польском и российском материале. Цивилизационный вектор Польши определил её интегративный статус, связывающий запад и восток Европы, её модель форпоста и геополитической вовлечённости одновременно и в славянский мир (особую роль здесь играет притяжение его православной, восточнославянской составляющей), и в западноевропейскую систему, единство с которой обусловлено прежде всего общностью религиозного, римско-католического, поля.

Последняя связующая позиция предопределила общность понимания прерогатив светской власти, в том числе законности её потестарных функций посредством санкционированной Церковью теизации, выраженной в попытках заимствования и трансформации с польской традицией самой влиятельной монархической модели Запада – французской (статья С. А. Польской «*Osoba pańska umiera, korona nie umiera*»: французские коннотации польского политического церемониала»). Особая роль Римской Католической Церкви в целом и Костёла как его польской составляющей является одной из признанных черт идентичности поляков. Даже социалистическая эпоха мало смогла трансформировать эту традицию, остававшуюся частью культуры Польши, в том числе искусство кинематографии. Сложностям восприятия такого рода произведений социалистической идеологией, в том числе советской, посвящена статья В. В. Волобуева «*Мать Иоанна от ангелов*» и казус Католической Церкви в ПНР».

Идентичность является достаточно масштабной категорией исторической науки и включает в себя сюжеты восприятия внешних влияний, тем более – превосходящих базовые. Систему такого рода заимствований в сфере военного дела на примере возникших в Венгрии, усовершенствованных в Речи Посполитой и принятых в России отрядов лёгкой кавалерии – гусар раскрывает подробная статья В. И. Цвиркуна «*К истории зарождения гусарских формирований в России. Балканские, венгерские и польские влияния*».

Встречное восприятие Россией потенциалов польских переселенцев в Сибири и сибирских богатств польской диаспорой в условиях модернизации региона на примере строительства и развития инфраструктуры г. Новониколаевска (современного Новосибирска) исследовано в статье Л. К. Островского «*Польское население Новониколаевска (1890-е гг. – февраль 1917 г.)*». Этот сюжет тем более интересен в контексте как жизнеспособности польской общины в русском окружении, сохранения или размывания параметров её идентичности, так и вклада поляков в экономику, социальную и культурную жизнь отдельного российского города.

Как известно, одна из самых болезненных тем для польской истории – это проблема поиска, сохранения и утраты национальной идентичности в условиях одновременной принадлежности к славянскому и западному миру. Практика существования между двух геополитических гигантов – Россией и Германией – предопределила конфликтность политической идентичности Польши. Осмыслению этого парадокса одновременной общности и конфликтности посвящена статья А. Г. Боголюбова «*Россия и русские люди, а также вопросы единения славян в работах польских политических и общественных деятелей XVIII–XIX вв.*», представляющая известный научный интерес.

Современная Польша унаследовала все вышеперечисленные особенности самоидентификации. Гетерогенное историческое наследие, модернизационные процессы XX в. заставляют специалистов смежного гуманитарного знания (в том числе социологов) прослеживать, классифицировать и синтезировать проявления самоидентификации поляков. Такого рода исследование, отвечающее на вопросы о национальной, конфессиональной, социальной, гендерной, репродуктивной и пр. сторонах идентичности, проведено в статье Н. В. Коровицыной «*Варшавские мелодии: культурные эффекты системной трансформации*».

Традиционное место в стратегии альманаха занимает *микроистория и история биографий*. В настоящем выпуске она представлена двумя работами с гендерным уклоном: акцент на изучение «женского» поля истории реализован в политической биографии супруги Казимира Восстановителя Марии-Добронеги как первой матримониальной практике Польши и России (статья П. Шафраньского «Мария Добронега – супруга из Руси. Пример польско-русских отношений в XI в.»). Не менее перспективным является и анализ меморативных данных, особенно в столь редком женском изложении. Такого рода изыскания были проведены на примере воспоминаний польской аристократки Анны Плятер, оставившей специфические, но тем не менее любопытные для историка впечатления о России и её населении конца XVIII в. (статья М. Э. Ковальчик «Путешествие Анны Плятер в Москву на коронацию Павла I»).

Продолжает тему поляков при российском дворе биографическое исследование о посольстве Николая фон Попплау к Ивану III, чьё правление, как известно, пришлось на период нарастания противоречий между Польшей и Московским государством при скрываемой, но оттого не менее заметной, вовлечённости немецкой стороны. Дипломатическая игра эпохи, на фоне которой представлен жизненный путь одного из её участников, в полной мере презентует статья Д. Адамска «Дипломатическая деятельность вроцлавского мещанина Николая фон Попплау и его посольства ко двору Великого князя Московского Ивана III: постановка проблемы».

Наконец, не обойдённым вниманием оказался и микроисторический срез, посвящённый полякам на русской военной службе. Графский род Ржевусских – один из самых известных – представлен посредством биографического изучения наиболее значимого деятеля, блестящего генерала, атамана Терского казачьего войска Л. А. Ржевусского, оставившего, помимо собственно военных заслуг, значительное интеллектуальное наследие (статья О. В. Матвеева «Забытое имя в истории и историографии кавказского казачества»).

Тематика представленных в редакцию работ позволяет резюмировать, что особенное место в польской истории занимает т. н. *межвоенный период* – время становления самостоятельной государственности. Именно тогда попытки выстраивания собственной модели развития, стремление к национальному единству под эгидой польского большинства обострили зародившиеся в предшествующий период этноконфессиональные проблемы, а трансграничное положение Польши определило их изначально. В первом случае это означало втягивание в орбиту польского влияния территорий и народов непольского происхождения: украинцев и белорусов на востоке, немцев на западе. Спектру исторических практик и проблем, вызванных этим обстоятельством, посвящены статьи Р. Лещиньского «Модель «кресового воспитания» во Второй республике в Польше: просвещение в Тернопольском воеводстве в 1923–1938 гг.» и С. В. Кретирина «Поляки и немцы в первые годы Второй Республики: межэтнические конфликты и контакты».

Кроме того, межвоенный период стал временем обострения не только этноконфессиональных, но и социально-политических противоречий. Последнее обстоятельство вызвало к жизни столкновения интересов различных слоёв польского общества и попытки государства и политических организаций использовать их своих интересах, что на примере одного из проявлений такого рода рассматривает И. К. Ким в своей статье «Манифестации Центролева 14 сентября как эпизод предвыборной кампании 1930 г. в Польше». Не менее важное значение социальная напряжённость имела и для деятельности польского коммунистического движения, которое оказалось неизбежно втянутым в орбиту влияния Советского государства. Именно такой ракурс событий и оценок представлен в статье П. Цихорацкого «Лидеры Коммунистической партии Польши о самых острых социальных выступлениях в Польше периода Великого кризиса (в свете советских публикаций)».

Продолжая изучать проблемы польской истории, некоторые исследователи сфокусировали своё внимание на её *экономической парадигме*, состоящей из специфики находящейся под советским контролем реализации польской модели хозяйствования 20-х гг. (статья И. В. Крючкова «Материалы торгового представительства СССР в Германии об экономическом развитии Польши в 1924 г.») и постсоциалистического развития, заставившего встраиваться в мировые рыночные отношения и иначе строить отношения с постсоветской Россией (статья Б. П. Маркса

«Из истории польско-российских торговых отношений в последнем десятилетии XX в.»). Интерес к подобным проблемам тем более примечателен, что он поворачивает исследовательскую мысль в сторону изучения экономической истории – достаточно забытого за последние годы направления, однако представляющего в свете растущего влияния производства на социальную, политическую и даже повседневную жизнь современного общества одним из наиболее перспективных направлений исторической науки в целом, славистики и полоноведения в частности.

Ещё одним профилем, сформировавшимся в редакционном портфеле альманаха, является *история интеллектуальной (в том числе, исторической) мысли Польши*. Отрадно отметить сохраняющийся интерес к деятельности польских историков в их преподавательской (гимназической или университетской) и научной деятельности. В полной мере интеграционные сюжеты польской и российской истории отражены в судьбах и исследовательском наследии профессоров, трудившихся в Варшавском университете. Среди них – объединённые славистскими изысканиями представители Австро-Венгрии: чехи Ф. И. Иезбера, И. И. Первольф и русин Ф. Н. Дьячан (статья А. Н. Птицына «Австро-венгерские преподаватели-иммигранты на историко-филологическом факультете Варшавского университета»), прибалтийский немец А. М. Придик (статья С. С. Казарова «Профессор Александр Мартынович Придик в Варшаве (1904–1915)») – один из видных антиковедов своего времени, к плеяде которых примыкает и Л. Винничук (статья А. П. Беликова «Лидия Винничук – выдающийся представитель польской науки»).

Новым и достаточно важным разделом альманаха редакция полагает издание *методических материалов* по истории Польши и российско-польских отношений, которые открывает элективное пособие В. В. Волобуева «Польша 1956–1989 гг. Основные тенденции эволюции политического развития (основа для спецкурса)». Превращение этого нововведения в традицию представляется одним из наиболее перспективных начинаний, поскольку учебные пособия, методические разработки в сфере славистики неизбежно способствуют актуализации преподавания истории зарубежных славянских народов в вузах России, где в последнее время прослеживается печальная тенденция угасания этой традиции, – чрезвычайно важной переломной точкой вызовов современной геополитической ситуации.

Печальным, но неизбежным обстоятельством являются некрологи, отдающие дань памяти и уважения ушедшим из жизни коллегам. В данном случае речь идёт о выдающемся историке-слависте, ведущем научном сотруднике Института славяноведения РАН А. М. Орехове.

* * *

Резюмируя, своим приятным долгом редакция считает выражение благодарности польским коллегам из университетов Вроцлава и Варшавы; представившему научную мысль Молдовы профессору В. И. Цвиркуну; российским историкам, сотрудникам научных и образовательных центров Москвы, Новосибирска, Воронежа, Краснодара, Ростова-на-Дону, Волгограда, Пятигорска и Ставрополя. Отдельная наша признательность – доценту И. К. Киму, осуществившему перевод серии статей польских коллег на русский язык.

Редколлегия

РАЗДЕЛ I ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИИ

С. А. Польская

«OSOBA PANSKA UMIERA, KORONA NIE UMIERA»: ФРАНЦУЗСКИЕ КОННОТАЦИИ ПОЛЬСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕРЕМОНИАЛА

12

В день Сошествия Святого Духа 21 февраля 1574 г. в Кракове, в стенах Вавельского собора архиепископ, интеррекс и примас *Regnum Poloniae* Якуб Уханский короновал 23-летнего французского принца Генриха Валуа на польский престол: этот факт является пусть в своем роде единственным, но хрестоматийным для истории Польши. Не менее широко известен и инцидент, произошедший во время церемонии, когда, прервав её, глава польских протестантов Великий коронный маршал Ян Фирлей с фразой на латыни *Jurabis, rex, promisisti* («Поклянись, король, ты обещал») вынудил новоявленного монарха подписать три документа, известные как «Пакты» и «Генриховы артикулы». Они во многом определяют дальнейшее развитие страны, «золотые шляхетские вольности»¹, что заставляет исследователей до сегодняшнего дня розниться в оценках этого шага: их амплитуда колеблется от интегративных до стагнационных теорий.

Однако в данном случае речь пойдет об иных последствиях, а именно об отклике польского политического церемониала (прежде всего королевской инаугурации и похорон) на наиболее законченное его проявление – французскую (ранее – франкскую) традицию. В силу целого ряда причин он являлся маркером для всей католической Европы, и Польша не стала исключением из этого правила.

Прежде всего это проявилось в инаугурации. Разумеется, генезис ее кульминационных ритуалов – помазания и коронации польских монархов – сложился задолго до избрания Валуа на престол Пястов. К концу XVI в. церемониал, как и всякий иной, сложился в драматургию жестов и слов, соответствующих сакральной задаче теизации и потому легитимации высшей политиче-

¹ См.: Champion P. Henri III, roi de Pologne (1573–1574). Paris, 1943.

ской власти. Польские коронационные чины (*ordnes coronationes*) как официальный протокол инаугурации берущие свое начало в правление Пржемысла II² и пролонгированные до коронации Станислава II Августа³ в своей основе сложились одновременно с французским аналогом в XIII в.

При этом польские *ordines*, хранящиеся в Краковском соборе и датируемые концом XIV в.⁴, содержат не только французские ритуальные и литургические элементы. Исследователи обнаруживают в рукописях с королевским инициалом «W»⁵ заимствования из немецких и даже английских чинов⁶. В XV в. некоторые дополнения были взяты из знаменитого «Понтификала» Г. Дюрана 1357 г.⁷ В итоге *ordines* стали в два раза объемнее, что их исследователи связывают с коронацией Владислава III 25 июля 1434 г., ставшего, в свою очередь, основой для протокола инаугурации чешский королей⁸. Кроме того, в *ordo* Владислава (*ordo coronandae reginae*) прослеживаются и английские параллели, равно как и заимствования от немецкого чина⁹.

² Пржемысл II, происходивший из рода великопольских Пястов, в стремлении присоединить Малую Польшу, покидая её столицу г. Краков, увёз регалии Болеслава II, хранившиеся в Вавельском замке. Среди них имелся и венец Болеслава I. Это дало Пржемыслу II легитимные основания короноваться в древнем Гнезненском соборе 26 июня 1295 г. *Acta Poloniae Historica*. Vol. 95. Semper, 2007. P. 250.

³ Она состоялась 25 ноября 1764 г.

⁴ *Ordo coronandi Regis Poloniae* / wyd. S. Ktrzeba. Craków, 1910.

⁵ *Wladislas* – т. е. Владислав III.

⁶ *Zródła polskiego ceremonialu koronacyjnego* / wyd. S. Ktrzeba // *Przegląd Historyczny*. Vol. 12. Warsaw, 1911. S. 71–83, 285–307.

⁷ *Koronacja królów i królowych w Polsce*. Warsaw, 1918.

⁸ Schramm P. E. *Das polnische Königtum // Herrschaftszeichen und Staatssymbolik*. Vol. 3. Stuttgart, 1956. S. 939–962.

⁹ *Ordo coronandae reginae* / ed. S. Ktrzeba // *Corpus iuris Polonici* / ed. O. Balzer. Vol. 3. Warsaw, 1906. S. 208–212.

Все описанные в них процедуры содержат и общий христианский контекст, типичный для католической традиции *imitatio Dei*. Так же, как и все западноевропейские монархи, польский король накануне инаугурации держал пост, исповедовался и раздавал милостыню. Вполне держащейся в семантических рамках образа власти особенностью выступает паломничество (крестных ход) из Краковского (Вавельского) королевского замка до церкви св. Станислава, известное как «Королевская дорога». Монарху вменялось идти пешком, в полном одиночестве и молчании, что можно расценить и как акт сосредоточения на предстоящей церемонии, и как покаяние за гибель архиепископа Краковского от руки Болеслава II¹. В любом случае, этот жест смирения и самообладания становился достоянием всего города, делая фигуру короля максимально публичной и одновременно привлекательной в своем смирении христианина.

Далее мы встречаем прямые аналогии франкских и созданных на их основе французских *ordines* XIII в. Они касаются комплекса ритуалов пробуждения короля. Так же, как и в капетинских *ordines coronationes*, польский король в молитвах проводил ночь в Вавельском соборе, утром в сопровождении процессии из своего ближайшего окружения шёл в Вавельский замок². Сходным образом предписывалось действовать и французскому монарху: «Он (король. – С. П.) провел часть ночи в соборе с несколькими молодыми сеньорами, сходными с ним в летах ... обычай предписывал им не выходить из собора, но эту строгость смягчили из милосердия к их возрасту ... Через некоторое время после наступления утра они ушли из притвора»; «... в субботу, в канун воскресенья, когда король должен быть посвящён и коронован, после его причастия поверенные посланцы посылаются к государю вместе с охраной. Затем в молчании ночи король приходит молиться в собор и остается в молитве столь долгое время, как пожелает. Охрана короля

должна следить за входом в собор и остальными воротами, чтобы они были прочно закрыты, дабы, согласно обычаю, ночь прошла в полной тишине. Бесшумно король должен пройти в собор читать «Вечно всемогущ Господь» и провести остаток времени, в каких ему будет угодно, молитвах. Поют заутреню. Затем звонит *Prime* (т. е. первый колокол к заутрене. – С. П.)»³.

Далее же прослеживаются весьма любопытные разногласия, симезис которых заставляет задуматься о значительной теизации власти польских государей. Так, краковские *ordines* предписывают королю ждать делегацию епископов для последующего препровождения на инаугурацию, что вполне перекликается и с французской традицией: «И они (епископы Лана и Бовэ. – С. П.) отправятся за принцем, который должен принять посвящение в главные покои [*in camera magna*], где он находится на подготовленном для этого ложе в положении полусидя или полулежа»⁴. Так же ждал их и польский король, но при этом он оказывался облачённым по епископскому литургическому чину и сидел-полулежал не в постели, а в епископском кресле: сандалиях, оплечье, манипуле, столе, далматике, мантии, перчатках и омофоре⁵. Следует заметить, что и последний коронационный чин 1764 г. предписывал облачить Станислава II Августа примерно в том же ракурсе: в «сандалии, тунику, сорочку для хиротонеи, амик, альбу, далматику и каппу»⁶. Это дает основания полагать, что и Генрих Валуа был одет соответствующим

³ Godefroy Th. Le cérémonial français. T. 1. Contenant les cérémonies observées en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne. Comme aussi a leurs Entrées soulennelles et a celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recueilly par Théodor Godefroy et mis en lumiere par Denys Godefroy. Paris, 1649. P. 191.

⁴ Ibid. P. 195.

⁵ Ordo coronandi Regis Poloniae. S. 175, 185. Dłudosz J. Historia // Opera / ed. A. Przedziecki. Vol. 13. Cracow, 1873–1878. P. 546.

⁶ Ordo coronandi Regis Poloniae. S. 195. Хотя исследователи не исключают, что в течение XVIII в. использовалось только епископское кресло, и для Станислава II Августа было сделано исключение, учитывая политический контекст его коронации. – Gieysztor A. Gesture in the Coronation Ceremonies of Medieval Poland // Coronations Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / ed. by J. M. Bak. Berkeley – Los Angeles – Oxford, 1990. P. 152–164.

¹ Согласно агиографии св. Станислава (Щепановского), Болеслав обвинил архиепископа в измене и поразил его мечом, разрубив тело на куски. Однако оно чудесным образом срослось, знаменовав тем самым будущее Польши: разделённая князьями, она вновь объединится. В 1253 г. Станислав был канонизирован папой Иннокентием III и признан святым покровителем Польши. – Calendarium Romanum. Vaticana, 1969. P. 122.

² Ordo coronandi Regis Poloniae. S. 162, 175.

образом! Далее протокол предписывал архиепископу Краковскому подойти к королю, окропить его святой водой и обвести кадиллом, протянуть руку и помочь подняться. Тем самым ритуал ничем не отличался от посвящения самого князя Церкви – почесть, данная протоколом и для французской короны. Затем короля от дворца к собору под руки практически несли два епископа («Епископ Лана подносит кропильницу к королю..., а когда заканчивают ее, епископы (Лана и Бовэ, что являлось их привилегией. – С. П.) ... поднимают короля с постели и, поддерживая с правой и левой стороны, ведут в собор»¹, – предписывает капетингский чин).

Дальнейшее развитие событий вновь демонстрирует особенности польской традиции. Дело в том, что регалии (знамя, скипетр, державу и коронационный меч²) протокол указывает Великому маршалу и его приближенным нести, высоко поднося на подушках или золотых подносах направленными книзу: скипетр и державу – главой, меч – острием, а знамя – ещё и свёрнутым)³. Это был жест, не нуждающийся в дополнительных комментариях, – монарх ещё не помазан и не коронован, и регалии не принадлежат ему по праву. Подобного рода процедурное решение не прослеживается во французских протоколах – регалии «ждали» короля на алтаре Реймского собора.

Польские же регалии вносились в Вавельский собор и размещались на его алтаре в ходе церемонии, а король, проходя мимо высшей церковной и светской знати (приглашение иных лиц на королевскую инаугурацию не было принято и во Франции, что превращало его в сугубо элитарное зрелище), усаживался в кресло, расположенное рядом с алтарем. Из контекста французских чинов, которые напрямую ничего не пишут

о подобном, становится очевидным, что посвящаемый монарх все время стоял в полный рост или коленопреклоненным (или ложился плашмя в ходе ритуала королевской прострации⁴).

В любом случае польский король тоже сидел недолго. Он вставал, чтобы принести клятву верности Церкви, которая в лице архиепископа Краковского испрашивает мнения собравшихся, и те отвечают торжественной аккламацией: «Советуем!» («*Radzi, radzi, radzi!*»)⁵. Французские *ordines* отличались немногим. Уже с правления Людовика II сформировался ритуал прошения епископов к королю и его ответное обещание Церкви – *promissio*⁶, затем в ответ на призыв архиепископа: «Если это вам по нраву, откликнитесь своими голосами», – следовали возгласы одобрения – *collaudatio*. Однако они претерпели значительное изменение, когда вместо воинственного франкского приветственного клича «Хайе!» и выкриков «Мы желаем его!» и т. д. совместно произносилась *Te Deum laudamus* – одна из центральных молитв литургии⁷. Последнее обстоятельство заставляет характеризовать эту часть ритуала как более архаичную в польском варианте.

Кульминацией церемонии в обоих случаях выступало помазание. Вот как предписывалось оно французской стороной. Производясь после вручения коронационного меча (поскольку это исключительно светская воинская регалия), оно имело следующий порядок. «Архиепископ выливает миро на дискос и золотой иглой освящает его Святым Елеем из Святой Скланки, посланной небесами, которую аббат святой Реми возложил на открытый алтарь, тщательно подготовленное миро берется с дискоса пальцем, чтобы помазать короля, единственного из всех королей земли удостоенного славной привилегии Помазания готово, и король должен быть по-

¹ Godefroy Th. Op. cit. P. 195.

² Коронационный меч польских государей – знаменитый «Щербец» – считается единственной из сохранившихся до настоящего времени регалией Пястов. Легенда приписывает ему зазубрины, оставшиеся от попытки Болеслава I вонзить его в Золотые ворота Киева в 1018 г. Однако его возраст датируется только XIV в., что согласуется с данными нарративных источников, сообщающими, что он использовался на коронации Владислава I в 1320 г. – Swoger G. The Strange Odyssey of Poland's National Treasures, 1939–1961. Toronto, 2004. P. 21, 53, 61, 77, 93, 141, 158, 163. Żygulski Z. Jr., Daniel D. The Szczerbiec. The Polish Coronation Sword // *Artibus et Historiae*. Vol. 32. № 63 (2011). P. 285–309.

³ Dłudosz J. Op. cit. P. 33.

⁴ «Prostratio regis: должно (королю. – С. П.) подойти со священником к алтарю и крестообразно простереться перед ним и подняться перед преподобным архиепископом» // Paris Bibl. Nat. MS lat. 12052. fo 21 v (the Ratold Sacramentary). – Ward P. L. An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // *English Historical Review*. 1942. № 57. P. 350.

⁵ Ordo coronandi Regis Poloniae. S. 185.

⁶ Ordo coronationis Karoli II. In regno Hlotharii. Factae // MGH. Capitularia regum francorum / ed. Al. Boretius, V. Krause. Bd. 22. № 2. – Hannover, 1897. S. 156.

⁷ Ibid.

мазан архиепископом, для чего разрезы на рубашке должны быть расшнурованы спереди и сзади [...] Архиепископ помазывает в первую очередь голову, во вторую – грудь, в третий раз – между плеч и сразу сомкнутые руки – в четвертый, и каждый раз произносит: «Помазываю тебя на царство Священным Елеем во имя Отца, Сына и Святого Духа». Все говорят «Аминь»¹.

В Вавельском соборе протокол предписывает двум аббатам в митрах вынести из придела большую золотую чашу, наполненную освященным Елеем и поставить над ней навес. Взмахом правой руки архиепископ помазывает королю голову, грудь, плечи и кисти рук. *Ordo* требует полной тишины и неподвижности от собравшихся (примечательно, что во французских чинах такого отдельного дисциплинарного требования нет)². Но более примечательная разница состоит в том, что французские короли, единственные из западноевропейских, помазывались Священным Елеем из т. н. Священной СклЯнки, по легенде принесенной Св. Духом в виде голубя во время крещения Хлодвига. Именно поэтому помазание оказывалось напрямую сакральным, максимально теизируя власть государя. Польские монархи не имели столь значимой поддержки, компенсируя ее отсутствием епископским облачением.

Далее следовало вручение регалий, первой из которых выступал меч, что сразу вызывает вопрос о платье короля. Протоколы не упоминают об этом, но, видимо, раздевшись для помазания, посвящаемый монарх оставался в сорочке для хиротонии и впоследствии переодевался в светский костюм. Важность этой детали в том, что первым в череде регалий вручался меч, который не приличествовал лицу в духовном одеянии. Любопытно, что *ordines* предписывают монарху не только принять меч из рук архиепископа, но и прочертить им в воздухе крест на все стороны света («*Et rex accepto ense vibrat illum*»), затем вернуть в ножны и передать оруженосцу с тем, чтобы тот опо-

ясал его с формулой «Прими меч» («*Accipe gladium*»)³.

Затем следовало вручение аналогичной с французской традицией регалии – коронационного кольца, надеваемого на безымянный палец правой руки, и отсутствующей – армиллы, надеваемой на шею и оба запястья⁴.

Процедура коронации имела совсем иную жестикулятивную символику: над коленопреклоненным королем держали корону два епископа, с помощью которых архиепископ Краковский опускал её на голову государя⁵. Ни о каком участии магнатории польские *ordines* не упоминают, хотя, по верному замечанию А. Гейштора, иллюстративный материал (в частности, миниатюры рукописей XVI в., иллюстрирующие коронацию Яна Казимира 1649 г.) позволяет предположить косвенное участие светской знати в коронации: два её представителя держат наготове следующие регалии: скипетр и державу (рис. 1)⁶.

Но всё же они ритуально отделены от сферы сакрального, в то время как французская традиция предписывает отдельный ритуал, получивший название «ритуал прикосновения к короне»: «После прочтения молитвы, канцлером, если он присутствует, или, в противном случае, архиепископом, вызываются пэры. Первыми – миряне, затем – священнослужители, которым следует выйти и встать кругом. Архиепископ берёт корону с алтаря, надевает (её. – С. П.) на голову короля и только тогда, когда она находится над (головой. – С. П.), духовенство, а также миряне потягивают руки, и все вместе пэры поддерживают (корону. – С. П.). Тогда архиепископ говорит молитву, он держит корону, достаточно высоко над королевской головой»⁷ и только после совместного прикосновения всех рук к ободу опускает коронационный венец (рис. 2).

Очевидный паритет светского и церковного начал в наделении монарха главным символом его власти: такое заключение может быть уточнено только одним – светские пэры стоят по правую руку от короля,

³ Ibid. S. 204. Dłudosz J. Op. cit. P. 645.

⁴ Ordo coronandi Regis Poloniae. S. 205. Примечательно, что вручение армиллы сохранилось у английских королей. См.: Nelson J. L. Politics and Ritual in Early Medieval Europe. London, 1986.

⁵ Ordo coronandi Regis Poloniae. S. 205.

⁶ Gieysztor A. Op. cit. P. 159–160.

⁷ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 302.

¹ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. Ordo ad inungendum et coronandum Regem // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789 / éd. de A.-J.-L. Jourdan, F. A. Isambert, Decrusy, A.-H. Taillandier: 29 vol. Paris, 1821–1833. Vol. 5. P. 237–253.

² Ordo coronandi Regis Poloniae. S. 187–188.

а пары Церкви – по левую, что в конечном итоге демонстрирует их полномочия как более очевидные и одновременно подчеркивают мирской статус монарха¹. Вавельская церемония вновь настаивает на большей теизации потестарных полномочий монарха, выводя коронацию как сугубо священническую prerogative.

Рис. 1. Коронация Яна Казимира. Миниатюра. 1649 г. Staniatki near Cracow

отсутствия, так и из суеверных соображений во время её недолгого пребывания в Польше⁴. В подобных условиях санкция исключительно со стороны Церкви в ритуале коронации была совершенно оправдана.

Возвращаясь к теме тождеств и различий польской и французской инаугурации, заметим, что её дальнейшее развитие повторяет

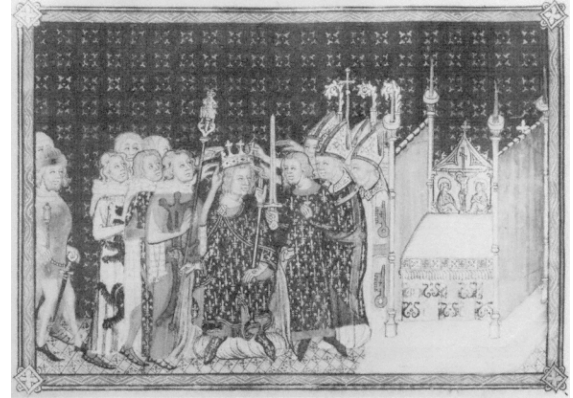

Рис. 2. Коронация Карла V. Миниатюра из «Коронационной книги Карла VI. 1384 г. London, B.L., Cottonian Ms. Tiberius B. VIII, fol. 59 v. C. 1365

Причины этого кроются, возможно, в том обстоятельстве, что сама регалия – корона Пястов (*corona privilegiata*) – была утрачена. Она приписывалась Болеславу I, впервые увенчанного ею в 1025 г. Однако в 1036 г. она была увезена в Германию невесткой Болеслава Рыксой Лотарингской. Изготавливаемые копии нередко становились предметом усобиц в борьбе за престол². В 1320 г. была изготовлена новая реплика короны, но Людвик Венгерский (Лайош I), опасаясь усобиц, вывез все регалии Пястов (корону, державу, скипетр и меч) в г. Буду – столицу своего объединённого польско-венгерского государства. Они вернулись в Краков только в 1412 г. усилиями Владислава II Ягелло и были помещены в церкви св. Марии³. Эти перипетии позволяют исследователям с уверенностью утверждать существование многочисленных реплик *corona privilegiata*, изготавливаемых как по практическим причинам во время её

основные ритуалы двойной евхаристии короля, «поцелуй мира» и интронизацию. Двойная евхаристия, наличествующая только священникам, – *super oblata* – более чем явно подчеркивает исключительный статус государя как мирянина и посвящённое лицо одновременно: «затем король целует Евангелие и рукой архиепископа причащается хлебом и вином»⁵. «Поцелуй мира» – *pacis tecum, osculum pacis* – является частью практики *Imitatio Dei*: король «... целует архиепископа, который поздравляет и наставляет государя с ответным поцелуем⁶». Интронизация, т. е. публичное восшествие на трон является актом вступления в потестарные права: «архи-

¹ Это не единственное свидетельство активного участия представителей светской знати, в частности, шести пэров, в инаугурации. См. подробнее: Польская С. А. Пэры Франции в регламенте королевской инаугурации (по данным *ordines* IX–XIV вв.) // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал / гл. ред. И. В. Крючков. 2014. Вып. 3. С. 64–69.

² См. ссылку 2 настоящей статьи.

³ Długosz J. Op. cit. S. 144.

⁴ Завершая обзор, следует заметить, что в XVI в. корона видоизменилась: она была увенчана двумя скрещенными арками с шаром и крестом на навершии, что символизировало единство Речи Посполитой. Однако при её третьем разделе *corona privilegiata* была конфискована Пруссией и переплавлена в 1811 г. в условиях планов Наполеона Бонапарта относительно Польши. См. подробнее: Estreicher C. The Mystery of the Polish Crown Jewels. – London, 1945. Schramm P. E. Op. cit. S. 957, 986. Gieysztor A. «Non habemus Caesarem nisi regem»: La couronne fermée des rois de Pologne à la fin du XVe et au XVIe siècle // Bibliothèque de l'École des chartes. 1969. Vol. 127. № 127 (1). P. 5–26.

⁵ Paris Bibl. Nat. P. 358.

⁶ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 250.

епископ, держа короля за руку, подводит его к трону и с фразой: «Посвящаю тебя на единоличное правление», усаживает его. Затем он трижды повторяет «Да здравствует король вечно!» (*Vivat Rex in aeternum!*), ему вторят все пары и присутствующие в соборе¹; или «И затем восхваляет (его) весь клир и народ, и каждый провозглашает: «Да здравствует король счастливо вечно!» (*Vivat rex feliciter in sempiternum*). Трижды провозглашается: «Да здравствует король над нами!» (*Vivat rex ut supra*)²». Краковские *ordines* аналогично указывают монарху, чтобы он взошёл по ступенькам на трон при содействии епископов, архиепископ посадил его на трон, произнеся *Stā et retine*, даёт ему поцелуй мира и после мессы провозглашает его королем, трижды восклицая «*Vivat rex!*», что трижды повторяется присутствующими»³.

Еще более значительные параллели прослеживаются в церемонии королевских похорон, с той разницей, что польская традиция размещала похоронную и инаугурационную церемонии максимально близко по времени, чтобы не допустить анархии. Если присовокупить к тому принятые в Польше правила выборности монарха, то похоронная процедура нередко затягивалась относительно даты физической смерти короля. А вот инаугурация могла назначаться уже через день – в воскресенье (тогда днём похорон выступала пятница). Рано сложившийся во Франции принцип примогенитур не оставил шансов такому порядку, хотя тело усопшего государя надолго выставлялось для публичного прощания.

Для обеих систем было характерно наличие королевских некрополей – собора святых Станислава и Вацлава в Кракове и аббатстве Сен-Дени в Иль-де-Франс.

Что касается самой процедуры, то для неё уже с похорон Казимира III в 1370 г. характерны ломание древков знамен и наличие представляющего покойного всадника – «безликого рыцаря» (его лицо было закрыто забралом шлема)⁴. «Он ехал на лучшем и любимом коне Казимира, покрытом «пурпурной» (а значит, надо полагать, королев-

ской) попоной. На рыцаре был шитый золотом камзол покойного короля. Когда всадник вслед за знаменосцами въехал верхом в храм, хронист ещё раз недвусмысленно подчеркнул: «рыцарь сей представлял персону сего короля»⁵.

В известном более широко французском похоронном церемониале главный майордом (или канцлер) также ломает королевский жезл со словами «Король умер, да здравствует король!» («*Mortuus est autem rex salve rex*», «*Le roi est mort vive le roi!*»), а ближайшее окружение покойного ритуальным движением одновременно опускают свои жезлы в могилу⁶, иногда даже бросают их, знаменуя прекращение вассальных отношений⁷. Польский ритуал тоже описывает сходную формулу преемственности власти: «*osoba pańska umiera, korona nie umiera*»⁸.

Прощание – *potpa funebris* – происходило в крипте собора, затем тело подлежало захоронению, и иногда – и перезахоронению. Так, Казимир III был торжественно перезахоронен его преемником Людвигом Венгерским с применением уже упомянутого ритуала «безликого рыцаря». Он публично заявил, что является покойным королём, затем рухнул со страшным шумом, сломав древко копья. Одновременно была сломана и королевская печать⁹. Исторический контекст подсказывает это решение Людвига Венгерского как попытку присутствовать на похоронах своего дяди¹⁰ для утверждения легитимности своих полномочий наследника по женской линии.

Резюмируя, следует выделить следующее. Во-первых, польская инаугурационная церемония отличается двумя во многом про-

⁵ Бойцов М. А. Политический церемониал в Священной Римской империи XIV – начала XVI в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 688.

⁶ Описание церемония королевских похорон во Франции см.: Giesey R. *Le roi ne meurt jamais*. P., 1987. Бойцов М. А. Указ. соч. Гл. 4. С. 670–812. Цатурова С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. (по тексту).

⁷ Цатурова С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. С. 380.

⁸ Cit.: Gieysztor A. *Gesture in the Coronation Ceremonies* ... P. 153.

⁹ Joannis de Czarnkow *Chronicon Polonorum // Pomniki dziejowe Polski (Monumenta Poioniac historica)* / red. A. Bielowski. D. 2. Warszawa, 1872. S. 648.

¹⁰ Мать Людвига Венгерского Елизавета приходилась сестрой покойному Казимиру III.

¹ Godefroy Th. Op. cit. P.17.

² Paris Bibl. Nat. P. 358.

³ Ordo coronandi Regis Poloniae. S. 206–2107.

⁴ Borkowska U. The Funeral Ceremonies of the Polish Kings from the Fourteenth to the Eighteenth Centuries // *Journal of Ecclesiastical History*. Vol. 36. 1985. P. 553–516.

тиворечивыми чертами: она более архаична в исполнении светских ритуалов (например, приветственных аккламациях или регальных символах), но подчеркнута сакральна, обряжая короля по епископскому литургическому чину, практически исключая магнатию их участия в ритуалах и нарочито подчеркивая роль Церкви в легитимизации власти мо-

нарха, получающего, как священник право двойной евхаристии). Во-вторых, королевские похороны максимально хронологически подведены к дате следующей инаугурации – обстоятельство, вынужденное учитывать объективные сложности наследственного статуса королевской власти в Польше.

В. И. Цвиркун

К ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ ГУСАРСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В РОССИИ. БАЛКАНСКИЕ, ВЕНГЕРСКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ВЛИЯНИЯ

18

Вопреки кажущемуся интересу к колоритному образу гусара, воспетому в стихах, романах и художественных кинолентах, история возникновения и развития этого вида кавалерии в вооружённых силах России продолжает оставаться не слишком изученной темой в современной историографии.

Относительно времени и места появления первых гусарских формирований, а также происхождения самого термина «гусар» существует множество гипотез и версий. На протяжении долгого времени российские и зарубежные исследователи традиционно придерживались мнения, что гусары как особый вид кавалерии впервые появились в середине XV в. в Венгрии во времена правления короля Матяша Хуняди (Корвина). Некоторые искали этимологические корни слова «гусар» в венгерских словах *húsz* (двадцать) и *ár* (цена, жалованье, плата)¹. К сторонникам этой версии долгое время принадлежал и автор этих строк. Однако, волею судьбы оказавшись в продолжительной командировке в Венгрии и приступив к изучению языка страны пребывания, мы усомнились в справедливости такого тол-

кования. Знакомство с фундаментальными трудами самих венгерских исследователей по истории гусар дало возможность по-иному взглянуть как на этимологические корни этого слова, так и на истоки возникновения самого этого вида кавалерии.

Более убедительной представляется версия, согласно которой термин «гусар» ведет истоки от позднелатинского *cursor* или *cursarius*, т. е. быстро передвигающийся; позже оно приобрело также иное значение: «хищник», «грабитель», «мародёр». В странах Леванта в XIV–XV вв. словом *cursor* именовался легко вооруженный всадник. Из латыни слово перешло в языки разных народов Средиземноморья и Балкан, и хотя оно звучало по-разному, однако сохраняло то же значение. На Балканах оно трансформировалось в «хусар» или же «гусар»². В венгерский язык слово *huszár*, очевидно, попало из сербского аналога³. Приведённую точку зрения разделяют польские исследователи истории гусар – Я. Чиховский и А. Шулчинский⁴, а также сербский историк Душан Бабац⁵.

¹ Денисон Дж. История конницы. Кн.1. Изд. 1-е. СПб., 1897. Изд. 2-е. М., 2001. С.226; Энциклопедия военных и морских наук / гл. ред. Г. А. Леер. СПб., 1885. Т.2. С.613; Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993. Т.1. С. 55; Большая Российская энциклопедия (далее – БРЭ). М., 2007. Т.8. С.177.

² Ujldök Lexikona. Budapest, 1939. Kötet 13–14. 3275–3276 о.

³ Sagvari G., Somogyi G. Nagy huszárkönyv. Budapest, 1999. 6 о.

⁴ Cichowski J. Szulczynski A. Husaria. Warszawa. 1977. S. 7–8.

⁵ Бабац Д. Српски хусар. Београд, 2010. С.12–13.

К числу авторов, придерживающихся сходной точки зрения, относится румынский историк К. Резакевич¹. Однако в отличие от своих коллег он считает, что проникновение термина «гусар» в европейские страны проходило через Византийскую империю и греческий язык, где это слово обозначало – бандит, разбойник, нападающий исподтишка². Мы склонны придерживаться первой версии, хронологически более ранней. Однако в любом случае все упомянутые авторы сходятся во мнении, что изначально термин «гусар» применялся к определённой категории людей, живущих грабежом и разбоем.

Местом рождения гусар также являются Балканы. Во второй половине XIV в. Османская империя находилась уже в опасной близости к Венгрии, и наездники турецкой армии представляли непосредственную угрозу южным окраинам королевства. Венгерскую границу охраняли укрепления, возведённые вдоль рек Савы и Дравы. Однако находившимся в них пехотным гарнизонам было не под силу справиться с необыкновенно подвижными отрядами турецкой лёгкой конницы. «Муслимы», «дели», «акинджи» – все эти легко вооружённые турецкие всадники без особых помех разъезжали и стремительными набегами опустошали, грабили эти местности. Чтобы успешно противостоять им, нужно было располагать конными частями, обладающими теми же качествами и способностями.

В Венгерском королевстве первую попытку создания похожих конных отрядов предпринял король Жигмонд Люксембургский (1387–1437). В 1396 г. по его распоряжению Государственное собрание в Темешваре (в настоящее время – г. Тимишоара в Румынии) приняло закон о тягловых солдатах, согласно которому, каждые 100 крестьянских наделов должны были выставить 3-х хорошо снаряжённых конных лучников³. В случае исполнения принятого закона венгерское войско получило бы 12 тыс. воинов лёгкой конницы, так необходимой для защиты границ. Однако планам короля Жигмонда не удалось претвориться в жизнь.

¹ Rezachevici C. Despre evoluția husarilor (hînsarilor) la români în Evul Mediu, în legătură cu instituția similară la popoarele vecine // Studii și materiale de muzeografie și istorie militară. №. 4–5. București, Muzeul Militar Central. 1971–1972. P. 79–94.

² Ibid. P. 79–80.

³ Sagvari G., Somogyi G. Op. cit. S. 6.

Тем не менее, решение проблемы надёжной защиты венгерской границы нашлось. Пришло оно с Балкан, где народы Юго-Восточной Европы уже многие десятилетия вели борьбу против османской экспансии. В кровопролитных сражениях с неприятелем выросло новое поколение воинов, которое изучило и с успехом стало использовать боевые приёмы турецкой лёгкой конницы. Переняв их вооружение, приёмы и поведение в бою, эти лёгкие всадники были дики и необузданны, а по сути являлись обычными разбойниками с большой дороги. Они мало чем отличались от опустошавших всё на своем пути турецких грабителей – своих врагов. Истинным их пристанищем служили приграничные области, где защита границы и обычная набеговая экспансия часто не отличались друг от друга и откуда легко было исчезнуть, уйдя в другие владения. Так же, как турецкие конники, они совершали набеги, грабили, разбойничали, врывались на чужую территорию и устраивали небольшие стычки с врагом.

Расширяя свои границы вглубь Европы, турки оттеснили этих всадников на север, и после переправы через реки Дунай и Саву территория Венгрия стала для них ближайшим тылом. Но они по-прежнему оставались вольными наездниками, которых боялись и преследовали как с той, так и с другой стороны границы. Примерами могут служить предпринятые против них действия властей и Сербии, и Венгрии. Так, в 30-е гг. XIV в. Великий Жупан Сербии Стефан Душан издал закон, согласно которому пойманного гусара следовало казнить, повесив вниз головой⁴. В Венгрии король Лайош I в 1378 г. приказал Темешскому бану «укротить этот служилый люд, известный под названием “хунзар”, поскольку они разбойничают в Эбрешском лесу, за что должны понести суровое наказание»⁵.

Потребовалось несколько десятилетий и военный гений венгерского короля Матяша Хуняди (Корвина), чтобы отношение к термину «гусар» и его носителю претерпело коренное изменение. Будучи выдающимся политическим деятелем и талантливым полководцем, он в полной мере оценил и использовал боевые качества лёгкой кавалерии, способной осуществлять стремительные на-

⁴ Sagvari G., Somogyi G. Op. cit. S. 6.

⁵ Ibid.

беги на неприятеля, проникать к нему в тыл и разрушать коммуникации, изматывать его в авангардных и арьергардных боях.

В конце 50-х – начале 60-х гг. XV в. его усилиями в венгерском войске были созданы первые гусарские отряды. В их состав входили как наёмные воины – секейские конные стрелки, вооружённые луком и стрелами, молдавские калараша (всадники), так и представители венгерского дворянского ополчения. Матяш Корвин высоко оценивал боевые качества новых формирований. В послании к своему тестю Фердинанду Арагонскому он отмечал, что в его армии «... лёгкая конница, которую мы зовем гусарами – это второй род войск»¹. Другими словами, король относил гусар к составной единице своей кавалерии, находящейся в боевом строю, а не в качестве вспомогательного подразделения, приданного тяжёлой коннице или пехоте, что свидетельствует о стратегическом значении этого рода войска. Впервые в истории военного искусства раннего нового времени Матяш Корвин начал использовать лёгкую конницу в качестве существенного дополнения к «рыцарскому бою», подспорьем нападающей в сомкнутом строю тяжёлой кавалерии, расширив свободно передвигавшимися гусарами фронт конной атаки.

Не прошло и 10 лет, как о гусарах Матяша Корвина и их стремительных рейдах против неприятеля стали говорить при дворах глав европейских государств, а летописцы Венгрии начали заносить их ратные деяния на страницы своих хроник. Так, хронист Гашпар Хелтаи в описании войны между Венгерским и Польским королевствами отмечал, что «... гусары врываются в Польшу, скачут по всей стране, поджигают одну за другой деревни и города, ... рубят всё подряд и со страшной свирепостью опустошают всё вокруг огнём и оружием»².

Успешное использование боевых качеств гусар в многочисленных войнах с неприятелем, возможность применения их в действиях как против кавалерии, так и против пехоты противника придавали этому новому виду кавалерии известность и привлекательность. Не случайно вслед за Венгрией гусарские отряды и полки стали возникать в

армиях других европейских стран, в том числе и в России.

История появления гусар в военной организации Российского государства, их ратной службы и героического прошлого давно обсуждается в научной литературе. Несмотря на то, что история гусар в России пока не стала темой самостоятельного исследования, она постоянно фигурирует как в многочисленных трудах, посвящённых общей истории войн и военного искусства России, так и в специальных работах по истории русской конницы и отдельных кавалерийских полков. Среди многочисленных вопросов, разрабатываемых и исследуемых историками этой темы, особое место занимает определение исходной даты первых гусарских формирований русского войска.

Здесь мы сталкиваемся с большим разбросом мнений, версий и предположений. Одни историки относят её к 1634 г.³, другие – к началу 50-х гг. XVII в.⁴, третьи – к 1707 г.⁵, четвёртые – к 1723 г.⁶, пятые – к 1741 г.⁷. При этом если сторонники последних трёх версий пытаются аргументировать свою позицию, опираясь на документальные свидетельства, в том числе архивные, то авторы первых двух, как правило, не утруждают себя ссылками на использованные данные. При-

³ Гусары // Энциклопедический словарь. Изд. 7-е, пер. М., 1914. Т. XVII. С. 407. Советский военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 218; Жалнин Л. С. Форменный костюм. Форма гусарских полков // Сценическая техника и технология. М., 1981. № 6. С. 26; Selivanov V. Les hussards en Russie en XVIII siècle // Vivat Hussar. Tarbes. 1983. № 18. P. 21.

⁴ БСЭ. 1-е изд. М., 1930. Т. 20. С. 26. См. также: БСЭ. 2-е изд. М., 1952. Т. 13. С. 223; Украинская Советская Энциклопедия. Киев, 1980. Т. 3. С. 219; Каптерев Н. Характер отношений России к православному Востоку в XVI–XVII столетиях. М., 1885. С. 265.

⁵ Иванов П. А. Обзор состава и устройства регулярной русской кавалерии. СПб., 1864. С. 37; Бегунова А. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М., 2000. С. 29. Рабинович М. Д. Полки петровской армии. 1968–1725 гг. Краткий справочник // Труды ГИМ. Вып. 48. М., 1977. С. 84.

⁶ Хевролина В. М. Из истории создания и боевой деятельности сербских воинских формирований в России в первой половине XVIII века // Югославянские земли и Россия в XVIII в. Научные конференции Сербской Академии Наук и Искусств. Кн. XXXII. Отделение исторических наук. Кн. 8. Белград. 1984. С. 200–201.

⁷ Манзей К. Н. История лейб-гвардии Его Императорского Величества гусарского полка. 1775–1857 гг. СПб., 1859. Ч.1.; Соловьев Р. И. Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761 гг.). Вып.1. СПб., 1900. С. 26.

¹ Ibid. S. 7.

² Sagvari G., Somogyi G. Op. cit. S. 7.

ятым исключением являются недавние публикации российских историков А. В. Малова и И. Б. Бабулина, исследовавших вопрос о начальной дате появления гусар в России¹.

Значительное расхождение точек зрения в вопросе об исходной дате объясняется, на наш взгляд, рядом причин: с одной стороны, слабой разработанностью самой темы, которая никогда не выступала в качестве самостоятельного предмета исследования², с другой – узостью и ограниченностью используемой источниковой базы.

Если вопрос о времени появления гусар в российском войске породил множество мнений и версий в среде историков, то сама история гусар, их роли и места в военной организации Российского государства не является ареной жарких научных дискуссий и споров. Хотя поводов и оснований для них имеется предостаточно.

Впервые обзорный очерк истории формирования и службы гусар в русском войске был представлен в работе Ивана Русанова «Известия о начале учреждений и состояний регулярного войска в России с показанием перемен, какие повременам и обстоятельствам во оном производимы были по 1794 год»³. Труд этот, к сожалению, не был опубликован, однако текст его полностью использован при составлении сборника, изданного в Санкт-Петербурге в 1830 г.⁴

По сути, обе упомянутые работы представляют собой хронологическое обозрение истории создания и развития регулярной русской армии, где гусарские формирования упоминаются в контексте этой хронологии. К положительным сторонам этих произведений следует отнести богатый фактологический материал, а также широкое использова-

ние законодательных актов, определявших и регламентировавших образование, структуру, состав и дальнейшую судьбу гусарских отрядов и полков русской армии на протяжении всего XVIII столетия. К сожалению, авторы не задавались вопросом о причинах их появления в России, этническом составе, системе комплектования, вооружения и обучения. Не нашёл в них отражение и боевой путь этих формирований в летописи войн и кампаний русской армии.

Пробудившийся после наполеоновских войн интерес к истории вооружённых сил Российского государства не обошёл стороной и тему гусар. Наряду с обобщающими трудами по истории российской армии, на страницах которых нашли отражение основные вехи их ратной службы⁵, появились фундаментальные исследования по истории русской конницы, где теме возникновения, организации и участия в военных действиях гусар посвящены отдельные главы. В представленном списке особое место занимает работа П. А. Иванова «Обозрение состава и устройства регулярной русской кавалерии от Петра Великого до наших дней»⁶, в которой впервые в российской историографии принята попытка представить комплексную историю создания и развития регулярной кавалерии, в том числе и гусарских формирований. Особое значение представляет информация о времени создания, переформирования, слияния или же упразднения тех или иных гусарских полков, списки их шефов и полковых командиров, а также места их дислокации и квартирования.

Существенный вклад в историю российских гусар внесли полковые истории, возникшие как жанр военно-исторической литературы в середине XIX в. В большом перечне изданий, посвящённых этой теме, особое место занимают такие работы как: «Исто-

¹ Бабулин И. Б. Гусарские полки в русской армии XVII века: О дате появления гусар // Рейтар. Военно-исторический журнал. №12. М., 2004. С. 27–44; Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1665–1671 гг. М., 2006.

² В настоящее время можно отметить лишь одну исследовательскую работу, посвящённую истории российских гусар 2-й трети XVIII столетия. См.: Печейкин А. В. Российские гусарские и пандурские полки на Юго-Западной границе империи. 1741–1784 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

³ Рукописный отдел Российской Национальной Библиотеки. Ф. Эрмитажное собрание. Д.177а.

⁴ Записки заключающие в себе сведения, собранные по повелению блаженной памяти государя императора Павла I сначала регулярного войска, о военном поселении и военных школах в России. СПб., 1830.

⁵ Императорская российская армия 1832–1844. Часть 1–4. СПб., б/д.; Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 1–30. СПб., 1841–1862; Хроника российской армии с приложением рисунков знамён и штандартов, составленная по высочайшему повелению. Кн. 1–20. СПб., 1834–1842; Соловьёв Р. И. Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761 гг.). Вып.1. СПб., 1900; и др.

⁶ Иванов П. А. Обозрение состава и устройства регулярной русской кавалерии от Петра Великого до наших дней. СПб., 1864.

рия лейб-гвардии Гродненского гусарского полка»¹, «История Ахтырского полка»², «Памятка 11-го гусарского Изюмского полка»³, «История Харьковского полка»⁴, «История 7-го гусарского Белорусского полка»⁵ и др.

Наряду с изложением богатого фактологического материала, относящегося к истории образования и службы гусарских полков, авторы упомянутых произведений провели колоссальную археографическую работу. Ими были систематизированы и упорядочены полковые архивы, перешедшие затем в фонды государственных хранилищ. В большом объёме использовались материалы местных городских, уездных и губернских архивов, а также личные архивы сослуживцев, исчезнувшие, со временем, в огне революций и войн или же по небрежению и некомпетентности чиновников и родственников.

Крушение и распад Российской империи в 1917 г. на долгие десятилетия исключили не только историю гусарских формирований, но и саму многовековую историю её вооружённых сил из перечня тем научно-исследовательских работ советской исторической науки. Лишь после победоносного завершения Великой Отечественной войны и разгрома милитаристской Японии ситуация стала меняться кардинальным образом.

В конце 40-х – середине 50-х гг. был опубликован ряд монографических исследований, прямо или косвенно относящихся к истории гусар в составе русского войска⁶. Следует отдать должное кропотливой работе учёных, собравших и систематизировавших многочисленные материалы по различным родам российского войска XVII–XVIII столетий и представивших их роль и место в фор-

мировании централизованного государства. К сожалению, история гусар представлена ими крайне скупой, отрывистой, без рассмотрения условий и причин их возникновения, а также вклада в развитие и упрочение обороноспособности страны. Спорными являются утверждения упомянутых авторов и о начальной дате появления гусарских полков в России, а также высказанная ими негативная оценка их участия и роли в военных кампаниях первой половины XVIII в.⁷

Вслед за выходом выше приведённых работ тема гусар в русской армии на несколько десятилетий выпала из перечня исследований советских историков. Лишь с начала 80-х годов прошлого столетия она постепенно начала обретать интерес среди исследователей истории русского военного мундира⁸ и военной организации Российского государства⁹.

Из перечисленных работ особое место занимает статья В. М. Хевролиной. Впервые в советской и российской историографии она подняла вопрос о создании в русском войске отдельных легкоконных формирований из балканских переселенцев. Используя многочисленные документальные материалы Архива внешней политики Российской империи, В. М. Хевролина выявила условия зарождения Сербского гусарского полка и рассмотрела его развитие в составе российской армии первой половины XVIII в. Тем не менее, наряду со многими позитивными сторонами, обогатившими эту работу, она не свободна от ряда неточностей и упущений. Так, повествуя о начальном этапе создания Сербского гусарского полка русской

¹ Елец Ю. Л. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Т. 1–2. СПб., 1889.

² Одинцов С. И., Потто В. А. История Ахтырского полка. 1765–1796. (12 гусарский Ахтырский полк). СПб., 1902.

³ Соколовский М. К., Эрстов А. С. Памятка 11-го гусарского Изюмского полка. СПб., 1912.

⁴ Альбовский Е. А. История Харьковского полка. Т. 1. Кн. 1–2. СПб., 1914–1915.

⁵ Федотов А. И. История белорусцев. Материалы (7-й гусарский Белорусский полк). Т. 1. 1738–1796 гг. Варшава, 1903.

⁶ Чернов А. В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. с образования централизованного государства до реформ при Петре I. М., 1954; Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII в. М., 1954; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958; и др.

⁷ Так, Л. Г. Бескровный относит «первое появление легкой гусарской конницы в России к 1707 году», в то время как А. В. Чернов – к 1662 г. См.: Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 47–48. Чернов А. В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 148.

⁸ Жалнин Л. С. Форменный костюм. Форма гусарских полков // Сценическая техника и технология. М., 1981. № 6. С. 26; Космолинский П. Ф. Гусары Елизаветы Петровны. 1741–1762 гг. [Электронный ресурс] // URL: www.kulichki.com/gusary/istoriya/uniform/russia/kosmolinskij/

⁹ Хевролина В. М. Из истории создания и боевой деятельности сербских воинских формирований в России в первой половине XVIII века // Югославянские земли и Россия в XVIII в. Научные конференции Сербской Академии Наук и Искусств. Кн. XXXII. Отделение исторических наук. Кн. 8. Белград. 1984; Цвиркун В. И. Молдаване в русском войске 1-й четверти XVIII в. // Военно-исторический журнал (далее – ВИЖ). М., 1984. № 12; Он же. Гусары в русском войске XVII века // ВИЖ. 1993. № 6; Беловинский Л. В. Указ. соч. С. 174–180.

армии, автор отмечала, что «после окончания Северной войны русское правительство ... стремилось создать на своих южных рубежах укрепленные линии для защиты от опустошительных набегов татар ... а также использования их в случае войны с Османской империей. В связи с этим правительство приступило к осуществлению своего плана, намеченного ещё указом Петра от 31 января 1715 г., к созданию гусарских полков из югославянских выходцев и поселения их на южных территориях»¹.

Между тем упомянутый автором указ Петра I предписывал следующее: «При сём объявить им мунтяном, волохом и сербом, его царского величества соизволение, что для лучшего им, офицером, впредь удовольствования и пожитку даны будут тамо из порожних мест земли, на которых могут они поселить людей из своих народов. И для того б таких людей к себе призывали и писали, и послали для того в свой край нарочно, над которыми людьми будут они, ежели в военное время случай позовёт, иметь команду, а в протчее мирное время от них пожиток»². Таким образом, речь шла о призыве не одних лишь представителей югославянских народов, а обо всех единоверцах Балкан и Дунайских княжеств. Кроме того, вопреки утверждению В. М. Хевролиной о том, что «массовый набор добровольцев проводился в югославянских землях»³, многочисленные документы свидетельствуют о том, что набор и вербовка в гусарские формирования проводились на протяжении всего XVIII столетия как среди подданных империи Габсбургов, так и среди военно-служилых людей с земель, подвластных Османской империи (не только славянских)⁴.

Помимо вышеозначенных, есть ещё одно, принципиально важное для понимания истории иноземных формирований русской армии, утверждение автора, с которым нельзя согласиться. По мнению В. М. Хевролиной, все созданные в России гусарские хоронги и полки «являлись однонациональными»⁵. Более того, автор утверждает,

что российские власти «принимали меры по сохранению их однонационального характера»⁶. Однако проведённый нами анализ именных и формулярных списков гусарских частей, состоявших в русской армии на протяжении всего XVIII столетия, позволяет утверждать, что в рассматриваемое время в составе военной организации России не существовало мононациональных гусарских формирований⁷. Наряду с молдаванами, сербами, черногорцами, мунтянами (т. е. жителями валашской Мунтении), в их состав входили русские, украинцы, крещёные турки и евреи, а также представители других народов. Причём пропорциональное соотношение этнического состава менялось в зависимости от военно-политической обстановки в сопредельных с Россией странах, а также политических, экономических и военных приоритетов и положения внутри страны.

Несомненным вкладом в изучение истории гусар в России является работа А. Бегуновой⁸. Систематизировав и обобщив многочисленные труды российских и советских историков, собрания опубликованных документов по истории организации и устройства вооружённых сил Российской империи XVIII–XIX вв., она впервые предприняла попытку создания работы, посвящённой исключительно истории этого вида кавалерии.

Привлекательная по своему содержанию и полиграфическому исполнению книга А. И. Бегуновой заметно выиграла бы в качестве, не будь в ней досадных оплошностей и ошибок. К их числу относится утверждение автора о том, что Пётр I, реформируя вооружённые силы, «... полагал необходимым завести в своей регулярной армии именно лёгкую конницу, сходную с ополчением короля Матвея Корвина ...»⁹. Проводя параллель между Петром Великим и Матвеем Корви-

⁶ Там же.

⁷ Цвиркун В. И. Молдаване в русской армии 1-й четверти XVIII в. // ВИЖ. 1984. № 12; Он же. Молдавские формирования в русской армии 1-ой половины XVIII в. Кишинев, 1988; Он же. Иноземные войска // Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года: Энциклопедия / гл. ред. В. Л. Янин. М., 1996. С. 355. Исключением может служить попытка создания на Кавказе в 20–30-е гг. XVIII в. отдельных гусарских полков Грузинского и Армянского, в основу формирования которых действительно был заложен принцип этнической идентичности.

⁸ Бегунова А. И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М., 2000.

⁹ Там же. С. 28.

¹ Хевролина В. М. Указ. соч. С. 199.

² См. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы / отв. ред. А. Л. Нарочницкий, Н. Петрович М., 1984. С. 51.

³ Хевролина В. М. Указ. соч. С. 199.

⁴ Цвиркун В. И. Молдавские формирования в русской армии 1-й половины XVIII века. Кишинёв, 1988.

⁵ Хевролина В. М. Указ. соч. С. 209.

ном, не следует забывать, что их разделяли без малого 250 лет, в течение которых легкоконные части претерпели значительные изменения, как в организации, экипировке и вооружении, так и в тактике и стратегии ведения боя. Кроме того, в австрийской армии первой четверти XVIII в. гусарские формирования, которые российский император брал за образец, являлись не ополчением или иррегулярными частями, а входили в состав регулярной армии.

Нельзя согласиться и с утверждением автора о том, что относительно первых легкоконных хоронгов петровской армии «... не сохранилось никаких сведений о численности, организации, снаряжении и вооружении ... Неизвестно также, в каких боевых действиях они принимали участие»¹. В течение последних трёх десятилетий, в различных странах, были опубликованы исследования, освещающие как историю создания под началом молдавского, а не сербского, как написано у А. И. Бегуновой, полковника Ф. П. Апостола-Кигеча волошских хоронгвей, так и их боевой путь в составе русской армии на протяжении первой четверти XVIII столетия².

Следствием растущего интереса российских исследователей к истории вооружённых сил Российской империи, в том числе создания и службы гусарских формирований, явились диссертационные работы последнего десятилетия. Среди них, в первую очередь, необходимо отметить кандидатскую диссертацию А. В. Печейкина³, защищённую в Московском пограничном институте Федеральной службы безопасности. На основе широкого круга документальных материалов, извлечённых из различных архивохранилищ России, научной и мемуарной литературы, автор проделал скрупулезную

работу по воссозданию истории формирования гусарских полков в русской армии середины и второй трети XVIII столетия, а также их участия в защите юго-западных рубежей государства.

Наряду с публикациями советских и российских специалистов, история гусар в составе русской армии привлекала внимание исследователей Западной Европы. В первую очередь к ним относятся авторы российского происхождения, эмигрировавшие из страны после революции и гражданской войны. Следует особо отметить фундаментальные труды военного историка В. В. Звегинцова⁴. В результате многолетней кропотливой работы им была создана уникальная хроника регулярной русской армии, охватывающая два столетия. Наряду с многочисленными данными о создании, составе, боевом пути и эволюции различных частей и формирований, в том числе гусарских, автор представил обширную информацию по истории военного костюма, экипировки, вооружения и полковых знамён.

В течение второй половины прошлого столетия в периодическом журнале *Vivat Hussar* международного музея гусар (г. Тарб, Франция) были опубликованы статьи, посвящённые истории российских гусар XVII–XVIII вв.⁵ Особую значимость данным публикациям придает тот факт, что впервые эта тема была представлена зарубежному читателю в специализированном военно-историческом издании. Кроме того, такие её аспекты, как служба венгров в составе гусарских формирований российской армии, а также описание их полковых знаков, были впервые рассмотрены в исторической литературе.

В последнее время библиография трудов, посвящённых истории гусар, в том числе в составе российской армии, пополнилась двумя значительными, уже упомянутыми выше, исследованиями. Первое

¹ Бегунова А. И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М., 2000. С. 29–30.

² Цвиркун В. И. Молдаване в русской армии; Он же. У истоков русско-молдавского боевого содружества // Кодры. Кишинев, 1986. № 4; Он же. Про час и місце формування перших національних легкокінних формувань російської армії // Тези до повідей. Вінниця, 1990; Он же. Гусары // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. С. 660–661; Idem. Dimitrie Kantemir'in kısa biyografisi. Ankara, 2003. Он же. Гусары // БРЭ. Т. 8. М., 2007; Он же. Участие молдаван в Северной войне 1700–1721 гг. // Полтава: К 300-летию Полтавского сражения: сб. ст. / отв. ред. О. Г. Агеева, В. А. Артамонов и др. М., 2009. С. 200–219.

³ Печейкин А. В. Российские гусарские и пандурские полки на Юго-Западной границе империи. 2006.

⁴ Звегинцов В. В. Хронология Русской армии 1700–1917 г. Ч. 1–3. Париж. 1959–1962; Он же. Русская армия 1700–1917 гг.: в 7 ч. Ч. 1–3, 7. Париж, 1967.

⁵ Andolenco C. R. Les Hussards Russes // *Vivat Hussar*. 1967. № 2. P. 31–41. Idem. Insignes regimentaires des Hussards Russes // *Vivat Hussar*. 1970. № 5. P. 20–28; Selivanov V. Les hussards en Russie en XVIII siècle // *Vivat Hussar*. 1983. № 18. P. 21; Tardy L. Les Hussards Hongrois en Russie // *Vivat Hussar*. № 25. 1990. P. 109–111; Tsvirkun V. Les hussards dans la guerre russe du XVII – me siècle // *Vivat Hussar*. № 30. 1995.

принадлежит перу венгерских историков Дёрдя Шагвари и Дёзо Шомоди¹, второе – сербскому исследователю Душану Бабацу². Неоспоримой заслугой упомянутых авторов является предпринятая ими попытка представить историю национальных гусарских формирований Сербии и Венгрии в контексте общей истории этого вида кавалерии в военной организации европейских стран. С другой стороны, каждая из опубликованных работ содержит в себе очерк возникновения и становления ратной службы венгерских и сербских гусар в русской армии XVIII столетия. К сожалению, никто из авторов не задался вопросом о причинах и предпосылках появления гусар в русской армии, а также об их роли и месте в военной структуре России. Помимо этого, остался незамеченным тот значительный факт, что описанные гусарские формирования русской армии никогда не были мононациональными.

В военной организации Российского государства гусары появились в середине 30-х гг. XVII в.³, когда, преодолевая последствия Смутного времени и польско-шведской интервенции, страна приступила к укреплению своей экономической и военно-политической мощи. Однако в царствование Михаила Фёдоровича наблюдались лишь первые попытки приступить к реформам. Лишь в следующее царствование, Алексея Михайловича, преобразовательные стремления, как в целом, так и в военной области, получили более активное развитие, приобрели большую устойчивость и определённость. Это, прежде всего, проявилось в том, что преобразовательное движение не ограничилось стремлениями правительства к назревшим реформам, но широко захватило и общество, что стало следствием цивилизационного влияния западных народов и государств.

Во главе такого общества стоял целый ряд лиц, теоретиков и практиков, которые посредством научных знаний и личного опыта познали успехи западноевропейской цивилизации. К их числу принадлежали такие выдающиеся представители общественной,

культурной и научной жизни Московской Руси, как Юрий Крижанич и Григорий Котошихин. К когорте выдающихся деятелей-практиков, оказавших особенное влияние на реформационное движение в русском обществе, относились также Ф. М. Ртищев, А. Л. Ордын-Нащёкин и в особенности А. С. Матвеев, который, по мнению современников, являлся совершенно «западным» человеком. В его доме, где всё было поставлено на европейский манер, воспитывалась будущая царица Наталья, мать Петра Великого. Не случайно именно в этой среде зародилась и получила реальное воплощение мысль о том, что сила государства зависит «от строев военных», которые требуют улучшения, что военное искусство зависит не от одной лишь «природы», но и от уровня развития образования.

С одобрения и при поддержке царя в это время была издана книга, в которой проповедовалась мысль, что «ратная премудрость, oprичь богословия, паче и превыше всех иных премудростей»⁴. Необходимо, однако, заметить, что государственные лица, которых под влиянием западной культуры в большей или меньшей степени захватило преобразовательное движение, обладали одной общей характерной чертой: все они, «находя необходимыми заимствования с запада», считали, что не следует перенимать всё буквально, использовать лишь формальную сторону, только внешнюю суть. Напротив того, они считали полезным брать прежде всего идеи, их сущность, и затем уже воплощать в ту или иную форму, соответствующую особенностям родной обстановки.

Уже к 1630 г. московское правительство ясно сознавало необходимость иметь войска, прошедшие строевую подготовку в соответствии с современными европейскими стандартами. Результатом явилась государева грамота, направленная в этом же году некоторым городам, с требованием об отправке в Москву желающих детей мелкопоместных дворян для обучения их ратному делу у немецких полковников Александра Лесли и Франца Пицнера. Однако по различным причинам детей боярских и дворянских, желающих поступить в полки солдатского

¹ Sagvari G., Somogyi G. Op. cit.

² Бабац Д. Op. cit.

³ Цвиркун В.И. Молдаване в русской армии в 1-й четверти XVIII в. // ВИЖ. 1984. № 12. С. 79–81. Бабулин И. Б. Гусарские полки в русской армии XVII века; Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя.

⁴ Учение и хитрость ратного строения пехотных людей / ред., прим., доп. и указ. В. Н. Рогожина. Т. 1–2. Ч. 1–5. СПб., 1904.

строю, оказалось недостаточно. Тогда же было принято решение в целях их комплектации набирать «всяких охочих людей».

Предпринятые царской администрацией меры принесли желаемые плоды, в результате чего в 1632 г. в составе московского войска появились четыре солдатских пехотных и один рейтарский полк, общей численностью до 9 500 человек, из которых – 6 500 русских солдат, а 3 000 – иноземных инструкторов. Все упомянутые полки тотчас по завершении их комплектации были двинуты под Смоленск, в помощь русским войскам, бывшим под начальством боярина М. Б. Шеина, которые в это время осаждали город. В 1633 г. на прежних основаниях были сформированы ещё два солдатских полка.

Непосредственная польза от новообразованных полков во время осадных действий у Смоленска была невелика, а недостаток денег и административная неурядица показали их отрицательные качества – крайнюю склонность и требовательность к деньгам, сомнительную надёжность и весьма своеобразные взгляды на воинский долг – служим, пока платят, что весьма неблагоприятно отразилось на состоянии солдатских и рейтарских полков.

При отсутствии постоянного, хорошо вооружённого и обученного войска правительству Михаила Фёдоровича (1613–1645) неоднократно приходилось обращаться к обычной для европейских государств практике использования наёмных войск. Однако, как отмечалось выше, в отличие от западноевропейских стран в России иноземцев, нанятых в драгунские, рейтарские и солдатские полки «нового строя», а также гусар, «желали видеть не столько чужеземными наёмниками, сколько русскими»¹. В связи с этим правительство, наряду с выплатой иностранцам жалованья, переводило наиболее отличившихся в ратном деле или оказавших государству какие-либо услуги, из категории «кормовых» (состоящих только на жалованье) в категорию «поместных», т. е. наделяло землёй². Поместьями одаривались также иностранцы, которые желали навсегда остаться на русской

¹ Русская военная сила / под ред. А. Н. Петрова: в 2 т. 2-е изд. М., 1892. Т. 1. С. 393.

² Беляев И. О русском войске в царствование Михаила Фёдоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. С. 2.

службе³. Размер жалованного земельного надела зависел от воинского чина. Так, прапорщик получал в «замосковных, польских и украинских городах» 20, рядовой – 15 четвертей земли⁴.

К числу иностранцев, пожелавших принять российское подданство и остаться в ратной службе, относился Христофор Фёдорович Рыльский. Выходец из знатного шляхетского рода, он покинул Польшу и поступил на русскую службу в 1629 г. В течение 1631–1635 гг. числился в Белгородском разряде в чине ротмистра «служилых иноземцев». Командуя ротой «поляков и литвы», в задачу которой входила защита южных границ от вторжений крымских татар, Х. Ф. Рыльский проявил себя хорошим организатором и командиром. На средства казны он изготовил специальную «обозную телешку, что бывает годна к бою с пищальною стрелбою»⁵. В 1632 г. отличился при отражении нападения татар на южные рубежи страны. По завершении кампании в послужном списке Христофора Фёдоровича записали: «... бился явственно, убил татарина, а под ним ранили коня»⁶.

Согласно указу царя Михаила Фёдоровича от 7 января 1634 г., ротмистр служилых иноземцев Христофор Рыльский был назначен ротмистром «у гусарсково да у рейтарсково, да у драгунского строю». Когда формирование рот было завершено, под руководством Х. Ф. Рыльского они выступили в Можайск для прикрытия от поляков одного из главных путей на столицу.

Первое документальное упоминание об участии гусар в пограничных дозорах относится к весне 1635 г. Тогда отряд из 735 человек «всяких чинов под началом стольника князя Ивана Хованского и со князем Микифором Мещерским и ротмистром Христофором Рыльским» выступил к южной границе Российского государства. Царским указом

³ Устрялов Н. Русское войско до Петра Великого. Б/м., б/д. С. 61–63. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 150. Оп.1. 1619–1696 гг. Д. 4. Л. 247 об.

⁴ Дополнения к актам историческим. Собранные и изданные Археографической Комиссией (далее – ДАИ). СПб., 1848. Т. 3. № 36. С. 135.

⁵ Бабулин И.М. Гусарские полки в русской армии XVII века. С. 27–41.

⁶ Реляция о военном походе его царского величества Алексея Михайловича в Литву против Польского короля Яна Казимира, 1654 г. / пер. с польск. // Витебская старина. Т. 4. Отд. 2. Витебск, 1885. С. 347–352.

ему предписывалось к 23 апреля 1635 г. «стать на Туле» для «обережения государевой Украины от крымских и ногайских людей и от черкас»¹.

Командовали гусарскими шкwadронами (ротами) ротмистры, которым вменялось в обязанность «на станех, и на походах, и о крепких местах промышляти всякими обычай, чтоб однолишно над воинскими людьми поиск учинить и языков добыть, чтоб государю ... от тех языков про крымского царя, и про царевича, и про больших воинских людей ведати тотчас»². Вместе с тем, гусары должны были укреплять границы искусственными заграждениями, «копаты починять рвы», заваливать лесом «худые места», создавать крепкие засеки, «чтоб воинские люди чрез те не прошли и уездов не повоевали»³. Гусары вместе с рейтарскими, стрелецкими и казачьими полками направлялись на оборону южных рубежей из Москвы поочередно, заменяясь дважды в год – в первых числах апреля и октября⁴. Сменившиеся в дозоре уезжали на отдых в Тулу или Москву, а имевшие поместья – в свои имения⁵.

Сначала гусарские роты русского войска формировались главным образом из иностранцев. Но далеко не каждый из изъявивших такое желание мог быть принят на службу. Правительство отдавало предпочтение, в первую очередь, единоверцам (сербам, грекам, молдаванам), а также кальвинистам и лютеранам, «опричь французов и иных, которые римской веры»⁶. Порядок вербовки был строго регламентирован⁷. Необходимые России люди набирались с разрешения правителей европейских государств, и только в том случае, если у них имелись положительные отзывы о прежней службе. От каждого вербовщика требовалось «призывать к себе полковников и капитанов добрых, которые в полковниках и в капитанах

служат не внове и которым бы ратное дело было за обычай ...»⁸.

Всем завербованным по прибытии в Россию устраивался смотр и проверка знания «воинского артикула». Не выдержавшие испытания возвращались назад на родину⁹. Принятым выдавали т. н. выходную плату, соответствующую их чину. Рядовым обыкновенно выплачивали от 15 до 20 руб., а также два отреза материи (камки и сукна), «с прибавлением иногда мехов»¹⁰.

Окладное жалованье гусар, также как рейтаров и копейщиков, было вдвое выше, чем у солдат полков «нового строя». В мирное время оно выплачивалось ежемесячно, в военное – за поход, причём разница в сумме была довольно значительной. Так, для «начальных людей» (полковников и капитанов) жалованье мирного времени начислялось в семь раз меньше, чем в военное, для средних и низших чинов – в три раза¹¹. Помимо основного оклада гусарам выдавались кормовые и питейные деньги, часто заменяемые натурой: хлебом, мясом, дровами, а также сеном и овсом для содержания лошадей. Деньги, провиант и питьё поступали из Иноземного приказа¹².

Гусары принимались на службу конными со своим вооружением, подобным тому, которое имелось у польских гусар, но с доспехами меньшего веса и без крыльев. В польском войске гусары составляли тяжёлую конницу, а притороченные к спинам всадников крылья, выполненные из орлиных или лебяжьих перьев, служили в качестве средства психологического воздействия на противника. Экипировка и вооружение русских гусар состояли из лат, шишака (металлической шапки), наручей, короткого копья, сабли и двух пистолетов¹³. Во время военных действий оружие могло прийти в негодность,

¹ Книги разрядные по официальным оним спискам изданные с высочайшего соизволения II отделением собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1865. Т. 2. Стб. 764–765.

² Там же. Стб. 37.

³ Там же. Стб. 41.

⁴ Там же. Стб. 109–112, 211–212, 217–219.

⁵ Беляев И. Указ соч. С. 77.

⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1885. Т. 9. С. 74.

⁷ ДАИ. Т. 8. № 74. Т. 12. № 5. С. 18.

⁸ Калиничев Ф. И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII в. М., 1954. С. 64.

⁹ См.: ДАИ. Т. 8. № 74. Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. 8. С. 282.

¹⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. 89. РИБ. Т. 8. С. 131, 140, 151, 167, 177, 179.

¹¹ ДАИ. Т. 3. № 58. С. 215–217.

¹² Котошихин Г. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI–XVII вв. / сост. Ю. А. Лабынцев. М., 1984. С. 260.

¹³ Чернов А. В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 148–149.

в этом случае правительство возмещало ущерб за счёт казны¹.

В таком виде гусарские формирования существовали в русском войске до конца 30-х гг. XVII в. К этому времени, в результате обострения конфликта с Крымским ханством, возросла угроза южным рубежам страны. Вместе с тем, сократился приток иностранцев (из-за дороговизны их содержания и противодействия их найму со стороны сопредельных государств). Всё это заставило царскую администрацию изменить численность гусарских частей и систему их комплектования. Гусарские роты, как и сходные с ними по боевым качествам, предназначению и социальному статусу рейтарские и копейные полки, стали пополняться детьми боярскими, городовыми дворянами, жильцами и охочими вольными людьми, достигшими 18 лет, «кои собою добры и лета не стары»². Государство брало на себя обеспечение их ружьями, пистолетами, порохом и свинцом, оставляя за гусарами приобретение за собственный счёт лошади и платья³.

Предпринятые правительством меры привели к резкому увеличению гусарских формирований в XVII в. Если в 1635 г. было всего несколько шкvadронов, то к середине 50-х гг. насчитывалось уже шесть полков⁴, в каждом в среднем по 400 человек⁵. Не случайно, находившийся в 1656–1657 гг. в Венеции с дипломатической миссией переяславский наместник И. И. Чемоданов на вопрос флорентийского князя Фердинанда Козмы о численности царской рати отвечал, что «у великого государя ... против его недругов рать собирается многая ... различными строениями и ученьем; перво устроены многие тысячи копейных рот гусарского строя ... рейтарского строя»⁶.

¹ Котошихин Г. Указ. соч. С. 280.

² Соборное уложение 1649 года / комм. Г. В. Абрамовича и др., гл. ред. А. Г. Маньков. Л., 1987. С. 26; Полное Собрание Законов Российской Империи: Изд. 1-е / под ред. М. М. Сперанского (далее – ПСЗ). Т. 2. № 745; Котошихин Г. Указ. соч. С. 280.

³ Котошихин Г. Указ. соч. С. 280.

⁴ Татищев В. Н. Лексикон Российской исторической, политической и гражданской // Избранные произведения. Л., 1979. С. 251.

⁵ Чернов А. В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 148.

⁶ Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии, России касающихся. 2-изд. М., 1788. Т. 4. С. 192.

Популярности гусарских и других кавалерийских полков «нового строя» способствовало то, что гусары, наряду с рейтарами и копейщиками, получали денежное и кормовое жалованье вдвое выше, чем служащие в солдатских полках. Кроме того, гусарская и рейтарская служба считалась почётней, нежели солдатская, и воспринималась служилым сословием сродни дворянской коннице, что значительно повышало социальный статус служащих гусарских полков⁷. Надо заметить, что гусары (отряд из 40 человек) входили в личную охрану Алексея Михайловича в период польской кампании 1654 г.

Российское законодательство рядом актов закрепляло их преимущество перед другими военно-служилыми людьми. Так, если гусары, копейщики или рейтары прибывали к полкам «на худых лошадях, с худым ружьём или без ружья», то они подлежали наказанию – переводу в «солдатскую службу навечно, бесповоротно»⁸. Такая же участь ожидала и тех гусар, которые не являлись за получением государева жалованья⁹. Вышеозначенные положения неоспоримо свидетельствуют о более привилегированном статусе гусар, копейщиков и рейтар по сравнению с другими представителями военно-служилого сословия.

Со времени своего возникновения в русском войске гусары, наряду с рейтарами, находились в ведении Иноземного приказа. С созданием же в 1649 г. новой структуры в государственном аппарате управления страны – Рейтарского приказа – все текущие дела по гусарам, рейтарам и другим видам конницы нового строя «попытались сосредоточить в нём»¹⁰. Тем не менее, как свидетельствуют многочисленные материалы, Рейтарский приказ так и не стал единственным государственным органом, ответственным за полки нового строя. На протяжении второй половины XVII в. функцию управления, а также обеспечения амуницией, боеприпасами, провиантом и фуражом гусар, рейтар и копейщиков, помимо Иноземного и Рейтарского, выполняли Оружейный, Тайный, Коношенный, Пушкарский, территориальные и некоторые другие приказы¹¹.

⁷ Чернов А. В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 136.

⁸ ПСЗ. Т. 2. № 1148.

⁹ ПСЗ. № 1327. С. 974.

¹⁰ Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя. С. 57.

¹¹ Там же. С. 58.

С середины XVII в. гусарские полки комплектовались уже практически из россиян. По полковым спискам, составленным на ежегодных осенних смотрах или при выплате жалованья, выявлялось число вакансий. На эти места выбирались люди «из недорослей гусарских же и копейщиковых и рейтарских детей, самые добрые и лутчие», достигшие 19-летнего возраста. Кроме них в состав полков зачислялись и те «дети гусарские, копейщиковы и рейтарские», которые прибывали к смотру или денежной выдаче, не будучи включёнными в полковые списки. Однако в отличие от недорослей, выбранных по списку, они получали жалованье не сразу, а только по прибытии в полк¹.

Переход к новой системе комплектования гусарских частей отнюдь не означал полного отказа царского правительства от использования иностранцев. Набор наёмных солдат производился значительно реже, главным образом, в критические моменты военного времени.

В начале 50-х гг. XVII в. русско-польские отношения вновь грозили перерасти в военное столкновение. Среди многочисленных мер, предпринятых правительством Алексея Михайловича по усилению боеспособности войска, явилось увеличение числа гусар. По повелению царя, ротмистр Х. Ф. Рыльский в 1650 г. был произведён в полковники и возглавил гусарский полк, организованный по образцу польских «крылатых гусар». К полку была придана драгунская шквадрона в 600 драгун, расписанных в 6 рот, которым тогда же были выданы 600 «мушкетов драгунских» и 12 протазанов начальным людям². Экипированные и оснащённые вооружением гусарские части были готовы выступить в поход.

Ян Млоцкой, посланник короля Яна Казимира при московском дворе, являлся очевидцем выступления в 1654 г. русских войск в военный поход против Речи Посполитой, оставив его описание. Среди прочего он отмечал, что в составе армии Алексея Михайловича «... полковник Рыльский (*Rylski*) вёл 1 000 гусар, обмундированных по польскому образцу, с барабанами и свирелями. У его лошади были: на голове султан, на спине крылья и дорогой, шитый золотом

чапрак ...»³. В продолжение описания церемониального шествия царских войск автор отмечал: «Несомненно, что этот поход открыл Москве глаза и показал ей, до какой степени она могущественна ... московскую молодежь более десяти лет обучали иностранные не последние офицеры. Теперь-то, конечно, польские паны узнают ... каким неприятелем так пренебрегали»⁴.

Заметное место полка в походе, а также «близость к царю», свидетельствовали о его элитарности. Гусары должны были иметь хороших турецких коней, приобретаемых на собственные средства, хотя, по мнению российского историка И. Б. Бабулина, «возможно, для первого похода они получали их из государевой конюшни»⁵.

Как элитная конная часть, гусарский полк снабжался соответствующим его статусу оружием и доспехами. Образец такой экипировки сохранился в Московской Оружейной палате и представлен в Переписной книге 1686–1687 гг. следующим образом: «Латы с нарамками и с наколенками, в лице высподи по три доски прикреплены гвоздьми медными репейчатыми, на передней доске орёл двоеглавой с коруною, опушкою около всех лат бархат червчатой, прикреплен гвоздьми репейчатыми; привяска и обшит червчатым бархатом, в том числе на верхних по плащу железному, в лице исподние привяски пришиваны золотом пряденым, у передней доски две пряжки медных, у задней – одна, гвозди все золочены; наручи в лице в длину по четыре дола поперег протерто, у тех наручей по три доски медных, прикреплены на красном бархате гвоздьми медными золочены, рукавицы бархатные червчатые, на них шиты травы пряденым золотом, шапка чешуйчатая воронёная, на ней десять орлов, наушники медные, на них выбиты лошаки, по ним дол опушен бархатом червчатым, покреплен гвоздьми медными репейчатыми, золо-

³ Берх В. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831. Ч. 1. С. 88; Курбатов О. А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII века; Реорганизация конницы (на материалах Новгородского разряда 1650-х – 1660-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 114.

⁴ Реляция о военном походе его царского величества Алексея Михайловича в Литву против польского короля Яна Казимира в 1654 г. // Витебская старина. Т. IV. Отд. II. Витебск, 1888. Док. № 89. С. 348.

⁵ Бабулин И. Б. Гусарские полки в русской армии XVII века. С. 27–32.

¹ ПСЗ. № 1327. С. 974.

² Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя. С. 55.

чён, полка медная, нос железной, в лице наверху репей медный золочён»¹.

При составлении описи Московской Оружейной Палаты в 1861 г. данный полудоспех был собран по вышеуказанному описанию с использованием деталей, взятых «из лома». Согласно ей, вновь собранный доспех был назван «полудоспехом с орлами, русским, XVII века».

Составитель «Описи» замечает: «Этот полудоспех устроен по образцу польских доспехов XVI и начала XVII века, и судя по качеству работы и по роду украшений, можно полагать, что он был прислан в дар одному из Русских Государей начала XVII века от какого-либо Польского Короля; или же, что ещё вероятнее, сделан был в Оружейной палате»². Изготовленные из железа, медного сплава и кожи, они весили 28,3 кг.

По способу изготовления, техникековки, литья и золочения есть основания утверждать, что эти латы представляют собой комплект классического польского защитного снаряжения, именовавшийся «гусарским полудоспехом», который можно отнести к типу, существовавшему в 1640–1675 гг.; они вполне могли принадлежать одному из гусарских полковников. Возьмём на себя смелость предположить, что их владельцем мог быть полковник гусарского строя К. П. Нарышкин, тесть царя Алексея Михайловича.

К началу русско-польской войны гусары уже не упоминаются в числе войск, оборонявших южную окраину России. Местом их проживания и защитно-пограничной службы в течение всей второй половины XVII в. стали западные и северо-западные рубежи государства – новгородские и псковские земли.

Причина их передислокации, на наш взгляд, объясняется качественными изменениями в содержании и обороне южной границы страны. В 1651 г. царь Алексей Михайлович разрешил там поселиться бежавшим из-за Днепра от притеснений польской шляхты малороссийским казакам. Спустя несколько лет, когда их количество умножилось благодаря новым переселенцам, из них составили 5 слободских казачьих полков³.

¹ Государева Оружейная палата. Сто предметов из собрания российских императоров: Альбом / вступ. ст. И. А. Комарова; кратк. описание И. А. Комарова, А. К. Левыкина, Е. А. Яблонской, О. И. Мироновой, А. Н. Чубинского, Л. П. Кириллова. СПб., 2002. С. 324.

² Там же. С. 325.

³ Хроника Российской императорской армии. СПб., 1840. Кн. 11. С. 30.

На них и легла основная тяжесть защиты южных границ России от набегов крымских и ногайских татар.

Перемещённые к западным рубежам страны, гусары принимали непосредственное участие в боевых действиях против Речи Посполитой, в первом (1654) и втором (1655–1656) ливонских походах, в сражениях под Юрьевом-Ливонским (Тарту) и других кампаниях русско-польской войны⁴.

Российские гусары эффективно и действительно боролись с легкоконными отрядами крымцев и ногайцев, но по-прежнему значительно уступали в мастерстве и боеспособности польским гусарам. Видимо, последнее обстоятельство и послужило причиной резкого сокращения этого вида кавалерии в российском войске. Уже в январе 1661 г. из 6 полков сохранился только один, в составе 20 начальных и 352 рядовых гусар, под командой подполковника Никифора Караулова, входивший в состав армии князя И. А. Хованского.

Стремясь усилить боевую мощь гусар, воевода проявлял особую заботу об их экипировке и оснащении. Так, в отписке от 6 июля 1661 г. Хованский сообщает царю о присылке ему из Москвы в Псков рейтарских лат: «360 лат у меня в полк приняты. Из этого числа отдано гусарам 91 латы, по нужде на время, покамест по Твоему (царскому) указу присланы будут ко мне гусарские латы, а достальные 269 латы отданы в полк полковника Давыда Зыбина рейтарам ... А гусарские латы и шишаки ко мне в полк июля по 7 число не бывали, а гусаром без лат и шишаков и без наручной отнюдь нельзя быть»⁵. В ответ на это обращение «... Государь указал гусарские латы и шишаки послать к боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому с товарищи ... сколько на гусар надобет, и о том в Оружейный приказ послать «память» – послать 400 лат с наручи и шишаки». «Память» о высылке к Хованскому «400 гусарских лат с наручниками и шишаками» была послана в Оружейный приказ 21 июля того же года⁶.

⁴ Иванов А.И. Список гусарского, копейного, рейтарского и солдатского строя, полковникам, подполковникам и иных чинов начальным людям русским, с кормовыми их месячными оклады и с их службами. Сочинён в 1696 г. в Иноземном приказе при сидении думного дьяка Автамона Ивановича Иванова с товарищи. Кострома, 1789. Ч. 5. С. 3–4.

⁵ Чернов А. В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 356.

⁶ Там же. С. 357.

В составе армии воеводы И. А. Хованского гусары сражались с польско-литовскими войсками С. Чарнецкого и К. Жеромского у Кушликовых гор 25 октября 1661 г. Разбитое в бою литовское войско К. Жеромского укрепились в своём обозе в селе Кушликовы горы в 30 верстах от Полоцка. Хованский осадил литовцев, но не решился на немедленный штурм неприятельских позиций. Подошедшая вскоре польская дивизия С. Чарнецкого соединилась с хоругвями К. Жеромского. Польско-литовские части окружили малочисленные полки И. А. Хованского, который попытался прорваться к Полоцку. В этом сражении воевода потерпел тяжёлое поражение, потеряв только убитыми около 1500 человек. Тем не менее, остатки разбитого войска достигли Полоцка. В «отписке» воеводы князя Тимофея Щербатова факт участия гусар в минувшей битве подтверждается следующим образом: «а как во Псков служилые люди съедутся, и нам велено дворяном и детям боярским и гусаром и рейтаром, которые с последнего бою из Кушликовых гор с боярином и воеводами со князь Иваном Андреевичем Хованским с товарищи в Полоцк отошли ... Твоего (государева. – В. Ц.) жалованья дать всем»¹.

По перечневым спискам на 1673 и 1679 гг. гусарский полк, состоящий из пяти рот, насчитывал соответственно 417 и 465 человек². В этот период во главе их стоял дед Пе-

тра I по матери гусарский полковник Кирилл Полуектович Нарышкин, обладавший, по мнению современников, «весьма обширными сведениями» в военном деле³. В 1678 г. на этом посту его сменил Михайло Тимофеевич Челищев, пожалованный в полковники гусарского строя по именному указу царя Фёдора Алексеевича⁴. В последующую четверть века полк продолжал выполнять сторожевую службу на Новгород-Псковской земле, и лишь в экстренных случаях – например, во время Крымских походов 1687 и 1689 гг., включался в действующую армию⁵.

Приступив к созданию регулярной армейской кавалерии, Пётр I преобразовал все прежние кавалерийские части, в том числе и гусарские, в драгунские полки. Так, 20 октября 1701 г. окольный и новгородский воевода П. М. Апраксин сформировал Новгородский драгунский полк, в состав которого вошли «сотенные гусары, копейщики, рейтары, набранные в... Бежецкой, Обонежской и Шелонской пятинах и в городах: Твери, Новом Торжке и Старице»⁶. По сути дела, этим актом завершилась история ратной службы российских гусар XVII столетия.

Упразднённые в 1701 г., гусары спустя несколько лет вновь появились в составе российской армии, но уже в новом качестве и виде.

¹ Акты Московского государства. СПб., 1901. Т. 3. С. 477.

² Чернов А. В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 148.

³ Берх В. Царствование царя Алексея Михайловича. Ч. 1. С. 257.

⁴ Иванов А. И. Обзорение состава и устройства регулярной русской кавалерии. Ч. 5. С. 5.

⁵ Там же.

⁶ Хроника Российской императорской армии. СПб., 1835. Кн. 5. С. 237.

А. А. Боголюбов

РОССИЯ И РУССКИЕ ЛЮДИ, А ТАКЖЕ ВОПРОСЫ ЕДИНЕНИЯ СЛАВЯН В РАБОТАХ ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ XVIII–XIX вв.

История политической и общественной мысли Польши в XVIII–XIX вв. – это, конечно, отражение того непростого этапа её истории, который страна, распадавшаяся и в конце концов распавшаяся под натиском более сплочённых и организованных соседей, проходила в очень ложных политических условиях. В то же время, находясь под влиянием передовой европейской мысли того времени, польские политики и общественные деятели видели будущее развитие страны только на пути просвещённого европейского государства.

В этот период одним из факторов, тормозивших развитие страны, стало крепостное право и связанная с ним нещадная эксплуатация крестьян. В этой связи, обращаясь к феодалам-крепостникам, мыслитель и просветитель XVIII века Станислав Сташиц писал: «Питаете ли вы любовь к отечеству? Вы не граждане Польши, а враги её! Вы нанесли ей вреда больше, чем русские, шведы, немцы, турки и татары. Жестокость их поражала лишь некоторых и длилась всего несколько лет. Ваша жестокость ... является препятствием к славному возрождению Польши ...»¹. Такого рода высказывание указывает на то, что польская интеллектуальная мысль того времени зачисляла в противники едва ли не все соседствующие с Речью Посполитой страны. Но самый главный враг, по мнению передовых мыслителей, находился внутри польского общества. Это были отжившие своё феодальные отношения и поддерживающие их сословия.

Вместе с тем будущий предводитель Польского национального восстания против

иностранным, прежде всего российского, порабощения Тадеуш Костюшко, оценивая состояние умов в Речи Посполитой накануне её развала, писал в 1789 г. к Михаилу Залесскому: «Фанатизм, порождённый невежеством, всегда приводил к самым ужасным последствиям. Путь к уничтожению невежества долог... особенно трудно сделать это у нас»². Далее Костюшко подробно описывает многочисленные притеснения по отношению к простому народу, чинимые в его стране представителями высших сословий. И далее заключает: «Я знаю, что может ответить на эту бесчеловечность: они могут убежать. Куда? – спрошу я. Разве только в Россию. Ведь закон повсюду позволяет преследовать крепостного... Неужели оттого, что у нас самих царит беспорядок, мы должны заселять чужие страны?»³. Такой весьма примечательный вывод о правовом положении крепостных в России позволяет предположить, что оно, по мнению польской шляхты (во всяком случае наиболее свободолюбивого её крыла), было намного лучше, чем в других странах Центральной Европы, включая Польшу.

Несколькими годами позже, в 1793 г., составляя мемориал для тогдашнего министра иностранных дел Франции Т. Лебрена, Костюшко предлагал вызвать революцию, аналогичную уже совершившейся французской, причём не только на родине, но и в России. Он писал: «В первую очередь такая революция в Польше освободила бы единственную нацию, способную... быстро распространить республиканские идеи в России, посадить древо свободы даже среди льдов Петербурга ... Французская республика будет находиться под угрозой нарушения её внутреннего спокойствия ... до тех пор, пока на берегах Невы будет находиться могущественный

¹ Сташиц С. Предостережение Польше, вытекающее из современных политических отношений в Европе и законов природы // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей / пер. с польск.; вступ. ст. И. С. Миллер; подгот. текста и примеч. И. С. Миллер; вступ. ст. И. С. Нарский; подгот. текста и примеч. И. С. Нарский: в 3 т. Т. I. М., 1956. С. 191.

² Костюшко Т. Из письма Костюшки к Михаилу Залесскому (май 1789 г.) // Там же. С. 500.

³ Там же.

деспот, которого невозможно победить никакими другими средствами, кроме тех, какие будут предприняты совместно с Польшей»¹. В итоге можно предположить, что Костюшко предвосхитил расклад политических сил и настроений в современной ему Европе, который затем в значительной степени предопределил события 1812 г.

Позднее, в преамбуле «Акта восстания граждан, жителей Краковского воеводства» от 24 марта 1794 г. возглавляемого им восстания, которое навсегда вписало имя Тадеуша Костюшко в историю Польши, самым негативным образом была описана осуществлявшаяся двумя монархами – Екатериной II и Фридрихом Вильгельмом – деятельность по расчленению страны. В «Акте» оба правителя обвиняются во лжи, притворстве и обмане, а российская императрица – ещё и в поддержке польских предателей, а также в коварном отвлечении короля от защиты страны². В связи с обвинениями, в особенности в адрес российской монархии, возникает вопрос: кто же более виноват в поразившем тогдашнюю Польшу кризисе: вмешательство сопредельных стран, в том числе России, или сугубо внутренние причины, умело использованные этими внешними силами? Позднее, в изданной в 1800 г. брошюре под названием «Могут ли поляки добиться независимости?», которая, скорее всего, была написана Костюшко совместно с соратниками, утверждалось, что важнейшим фактором борьбы с Российской империей за независимость Польши является восстание не только русского, но и других народов, в том числе украинцев³.

Уже в XIX в., в своих записках о польском восстании 1830–1831 гг. Мавриций Мохнацкий связывал надежды на успех будущего восстания с деятельностью декабристов, причём не только Северного, но и Южного обществ, действовавших в Петербурге и на Украине соответственно⁴. Позднее, в работе «Как понимать польское восстание?»,

Мохнацкий писал уже о русских братьях, выступивших против угнетения. Мохнацкий рассматривает русских повстанцев как союзников польского дела, на помощь которых поляки могут рассчитывать, что, по мнению Мохнацкого, должно было принести славу и полякам, и русским⁵. В то же время автор испытывал устойчивую ненависть к самодержавию в России: «Пусть ни один поляк не верит в славянскую *утопию*, пока в России царствует эта династия!»⁶. По мнению Мохнацкого, целью политики царизма по отношению к Польше со времён Петра I являлось заставить поляков забыть о том, что они являются народом. В то же время раздел Польши стал для России путём к могуществу и союзу с Европой. Факт существования Царства Польского в период между 1815 г. (Венским Конгрессом) и началом восстания в ноябре 1830 г. Мохнацкий отрицался⁷.

Большой интерес представляет собой дальнейшая эволюция взглядов Мохнацкого на отношения Польши и поляков с Россией и русским народом. В своей очередной статье в газете «Новая Польша» под заголовком «Почему не восстают массы?» от 14 февраля 1831 г. Мохнацкий, видя нейтрально-доброжелательное отношение простых поляков к проходящим по стране войскам генерала Ивана Дибича, и в то же время – отсутствие поддержки восставших против российского владычества польских полков со стороны простых поляков, уже начисто забывает термин «русские братья» и пишет исключительно «москаля»⁸.

Видимо, работая над этой статьёй, Мохнацкий не располагал точными данными о численности восставших. В одной части статьи он отмечает, что в восстании участвует лишь «горстка регулярного наёмного войска» и «около полутора десятков кавалерийских полков»⁹. В другой части он оценивает число восставших в 60–80 тысяч¹⁰. Такое количество повстанцев уже никак нельзя назвать «горсткой». В качестве средства поддержки

¹ Костюшко Т. Мемориал о Польше, оставленный для Лебрена, министра иностранных дел, в Париже в 1793 г. // Там же. С. 503.

² Костюшко Т. Акт восстания граждан, жителей Краковского воеводства (24 марта 1794 г.) // Там же. С. 508–509.

³ Могут ли поляки добиться независимости? // Там же. С. 539, 545, 553.

⁴ Мохнацкий М. Восстание польской нации в 1830–1831 гг. // Там же. Т. 2. С. 55.

⁵ Мохнацкий М. Как понимать польское восстание? // Там же. С. 64.

⁶ Мохнацкий М. Новое национальное правительство // Новая Польша, № 33, 6 февраля 1831 г. // Там же.

⁷ Там же.

⁸ Мохнацкий М. Почему не восстают массы? // Новая Польша, № 41. 14 февраля 1831 г. // Там же. С. 96.

⁹ Там же. С. 97.

¹⁰ Там же. С. 99.

восстания Мохнацкий предлагает организовать в Польше социальную революцию, «чтобы одним благородным решением даровали громадному большинству польского народа права человека и гражданина, чтобы всякому, взявшемуся за оружие во имя общего дела, и его семье гарантировали безопасность»¹. В условиях военных действий последний пункт представляется абсолютно утопическим и невыполнимым. Ниже Мохнацкий высказывает предположение, что, несмотря на опасность, угрожающую столице Польши, можно вторгнуться на Волынь, в Подолию и на Украину, чтобы таким образом поднять дух – нет, не украинцев – а – внимание! – «турок, персов и кавказских народов, неохотно сносящих русское владычество»². В этой связи нельзя не согласиться с автором, который в заключительной части статьи называет цепь подобных действий «отчаянием и безумием», которая неминуемо приведёт к неудаче³. Оправданием подобных действий поляков, по мнению автора, должен стать вызванный у «москалей» страх⁴.

На Мохнацкого ссылаются в своих мемуарах участник польского восстания 1830–1831 гг., Ян Непомуцен Яновский⁵. По мнению Яновского, идеи Мохнацкого послужили основой такой редакции Манифеста о низложении царя Николая I с польского престола, принятой Польским сеймом в Варшаве 25 января 1831 г., которая оставляла при этом царской династии возможность возвращения на польский трон⁶. Заслуживает внимания тот факт, что, по мнению автора мемуаров,

толчком к принятию Манифеста послужила состоявшаяся в Варшаве в тот день процессия в память о русских декабристах, организованная членами Патриотического общества. К ней присоединились в том числе и студенты Университета. Наряду с пятью гробами, символизирующими казнённых декабристов, а также знамёнами с надписями на русском и польском языках «За нашу и вашу свободу!» автор как участник процессии нёс российский флаг⁷. Об этой же акции, начавшейся в здании православной церкви, как дани уважения русской религиозной традиции говорил в своей речи, произнесённой в Брюсселе 25 января 1834 г., другой видный деятель тогда уже сложившейся польской эмиграции Станислав Ворцель⁸.

Один из лидеров упоминавшегося восстания, входивший в состав образованного восставшими правительства, председатель уже упоминавшегося Патриотического общества Иоахим Лелевель являлся автором обширного научного труда «Рассмотрение “Истории Государства Российского” г. Карамзина», в котором не только сравнивает этот труд и условия, в которых он создавался, с «Историей Польши», написанной польским поэтом и историком XVIII в. Адамом Нарушевичем⁹, но и подчёркивает «одинаковое происхождение языков, на которых они творили, и народов, деяния которых они изображали»¹⁰. Он же в работе «Размышления над историей Польши» подробно описывает взаимоотношения польской короны и запорожских казаков, которые складывались веками и далеко не всегда носили мирный характер, поскольку на попытки подчинить их интересам Польши казаки отвечали восстаниями¹¹.

В своём «Воззвании к русским», написанном от имени Польского Национального комитета в Париже, Лелевель, начав его обращением «Русские братья!», подчёркивает, что, по его мнению, союз двух наций, несмотря ни на что, продолжает существовать, являясь прообразом будущей

¹ Там же. С. 97–98.

² Там же. С. 98–99.

³ Там же. С. 99.

⁴ Там же.

⁵ Имя «Ян Непомуцен» являлось в то время весьма популярным среди поляков. Об этом свидетельствует тот факт, что его носил знаменитый писатель и путешественник, автор романа «Рукопись, найденная в Сарагосе» граф Потоцкий; а также человек по фамилии Дейбель, умерший в Пятигорске 20 июня 1873 г., чьё надгробие, использованное в 1939 г. для других целей, автору этой работы удалось обнаружить на пятигорском Некрополе. Указанное имянаречение восходит к св. Яну Непомуцену, который будучи распространителем христианской веры, был схвачен язычниками и связанным брошен в реку. С тех пор он почитается святым покровителем всего, что связано с водной стихией. В частности, его статуи принято воздвигать в местах, подверженных наводнениям.

⁶ Яновский Я.Н. Автобиографические заметки. 1803–1853 // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. С. 110.

⁷ Там же. С. 108–110.

⁸ Ворцель С. Из речи на торжественном собрании 25 января 1834 г. // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. С. 120–121.

⁹ Лелевель И. Рассмотрение «Истории Государства Российского» г. Карамзина // Там же. С. 145–161.

¹⁰ Там же. С. 148.

¹¹ Лелевель И. Размышления над историей Польши // Там же. С. 208–216.

федерации славянских народов. При этом Лелевель, обвиняя царские власти в разжигании ненависти к полякам, подчёркивает несовместимость национального польского менталитета и деспотического самодержавия¹. Обращаясь к аудитории в Брюсселе на торжественном собрании в честь восьмой годовщины восстания, 29 ноября 1838 г., Лелевель подчеркнул братство между русскими и польскими борцами с самодержавием за свободу обоих народов. По его мнению, «трагедия Польши является предостережением для всех славянских народов, и (далее Лелевель) ... теснее связывает будущность Польши с будущностью всех братских с ней народов», и резюмирует, что «пламень польской революции наэлектризовал весь славянский мир»². Год спустя, 29 ноября 1839 г., вновь в Брюсселе Лелевель охарактеризовал Россию и русский народ следующим образом: «Русская стихия обнаруживается в славянском роде в двух видах: как государство и как народ. Государство представлено блестящим двором, царём с неограниченной властью, администрацией по европейскому

образцу; оно всё время занимается захватами и стремится подчинить своей власти всё славянство. Оно могущественно, имеет материальные силы, сосредоточенные в политическую и религиозную организацию, представленные в лице царя. Русская нация, несмотря на все препятствия, движется вперёд по пути цивилизации и просвещения; она проникается духом гражданственности и думает о свержении ярма»³.

Таким образом, несмотря на все политические коллизии и слишком эмоциональный подход к решению межнациональных проблем обоих народов, проявленный некоторыми авторами, идеи братства двух великих славянских народов – русских и поляков – прочно владели умами передовых мыслителей Польши рубежа XVIII–XIX вв. Это нашло своё отражение в публицистике указанного периода. Работы эти и высказанные в них идеи представляют несомненный интерес и в наши дни, подсказывая путь к решению проблем, возникающих во взаимоотношениях России и Польши.

Л. К. Островский

ПОЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НОВНИКОЛАЕВСКА (1890-е гг. – ФЕВРАЛЬ 1917 г.)

В 1890-е гг. началась активная добровольная миграция польского населения в Сибирь. В итоге наряду со ссыльными из Польши в Сибирь в большом количестве прибывали добровольные переселенцы: служащие, офицеры русской армии, купцы, ремесленники, рабочие и крестьяне. Примечательно, что с Сибирью поляки связывали не только надежды улучшить своё материальное положение и сделать карьеру, но и

избежать крайностей в этнической политике государства, с которыми они сталкивались в западных регионах страны⁴.

Радикальная перемена в отношении поляков к Сибири наступила в связи со строительством с 1891 г. Транссибирской магистрали. На строительстве работали инженеры, техники и рабочие польской национальности, а после вступления дороги в

¹ Лелевель И. Воззвание к русским // Там же. С. 217–223.

² Лелевель И. Из речи, произнесённой 29 ноября 1838 г. в Брюсселе на торжественном собрании в честь восьмой годовщины восстания 1830 г. // Там же. С. 224–227.

³ Лелевель И. Из речи на торжественном собрании в девятую годовщину восстания 1830 г., устроенном поляками совместно с бельгийцами в Брюсселе (29 ноября 1839 г.) // Там же. С. 232–234.

⁴ Кальмина Л. В. «Польский вопрос» в сибирской этнической политике самодержавия (середина XIX – начало XX в.) // Межкультурное взаимодействие в Сибири:

строй в Сибирь прибыли польские железнодорожники. Со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали вплоть до начала Первой мировой войны поляки-инженеры и рабочие, чиновники и служащие, юристы, учителя и врачи, а также представители других профессий поселялись в городах и поселках вдоль железной дороги¹. Например, в полосе вдоль Сибирской железной дороги на станции Камышенка, в д. Кривошеково, на пристани Оби в 1897 г. проживали 36 поляков, из них 28 мужчин и 8 женщин².

Одно из первых крупных инженерных сооружений Транссиба – мост через реку Обь. Его строительство положило начало одному из крупнейших городов России – Новониколаевску (ныне – Новосибирск). Строительство большого моста обычно проходит следующие стадии: изыскания, проектирование и строительство. Поскольку каждая стадия работ на мосту через Обь выполнялась с участием и под руководством выдающихся инженеров, то именно их можно считать основателями города³.

Большой вклад в основание Новониколаевска внёс инженер Викентий-Игнатий Роецкий. В начале 1891 г. было принято правительственное решение о проведении детальных изысканий Западно-Сибирского участка Транссиба (от Челябинска до Ачинска). Начальником работ и председателем комиссии по изысканиям этого участка был назначен видный инженер, транспортный строитель К. Я. Михайловский. Михайловский решил организовать особую изыскательскую партию (Пятую, Обскую) во главе с инженером В.-И. Роецким для определения местоположения железнодорожного моста через Обь. Район же деятельности Шестой историко-этнографические, лингвистические, литературоведческие аспекты. Материалы международной научной конференции «Польша в истории и культуре народов Сибири», посвящённой 150-летию со дня рождения Э. К. Пекарского и В. Л. Серошевского (г. Якутск, 5 ноября 2008 г.). Якутск, 2009. С. 16.

¹ Недзелюк Т. Г. Римско-католическая церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири 1881–1918 гг. Новосибирск, 2009. С. 21.

² Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. II (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1911. С. 166.

³ Власов Г. М. Первый железнодорожный мост через Обь (изыскания, проектирование, строительство). Новосибирск, 2000. С. 5.

(Колыванской) изыскательской партии, которой руководил Николай Георгиевич Михайловский, правобережная территория от Оби в сторону Томска и Мариинска до соединения Западно-Сибирской железной дороги с Восточно-Сибирской в районе станции Почитанской. Однако ввиду недостатка средств, выделенных Министерством путей сообщения только на 5 партий, Обскую партию Роецкого включили на правах отдельного изыскательского отряда в состав партии Н. Г. Гарина-Михайловского. Приказом Министра путей сообщения от 8 апреля 1891 г. Роецкий был назначен старшим инженером и помощником начальника этой партии⁴.

Пятая Обская партия под руководством Н. Г. Гарина-Михайловского и его старшего помощника В.-И. Роецкого проводила изыскания в течение 2 сезонов 1891–1892 гг. и выбрала место, где Обь как бы зажата в гранитных берегах. Оно оказалось удобным для строительства моста.

Ещё в начале 1880-х гг. военные топографы, занимавшиеся съёмкой бассейна Оби, отметили на карте возможные пересечения реки трассой будущей железной дороги у сёл Колывань и Кривошеково, причём предпочтение отдавалось последнему варианту⁵. Однако для составления проекта моста необходимы были окончательные изыскания и гидрографические обследования реки в месте выбранного варианта мостового перехода⁶. Для выполнения этой задачи из Колывани 20 июня 1891 г. в Кривошеково отбыл отряд Роецкого⁷.

Им была выполнена огромная работа по обследованию вариантов пересечения Оби железной дорогой, примерно на 160-вёрстном её протяжении, а затем произведено более детальное обследование и изыскательские работы на Кривошековском варианте. Для оценки хода изыскательских работ и принятия решений по большим мостам Западно-Сибирской дороги в июле 1891 г. из Самары на трассу выехал председатель комиссии по Западно-Сибирским изыскани-

⁴ Горюшкин Л. М. Остановимся на переходе на Кривошеково // Советская Сибирь. 1990. 17 октября. № 239.

⁵ Власов Г. М. Указ. соч. С. 6.

⁶ Кириленко В. Так кого же считать основателем города? // Вечерний Новосибирск. 1990. 14 мая. № 109.

⁷ Власов Г. М. Указ. соч. С. 7.

ям К. Я. Михайловский. Его сопровождал мостостроитель В. И. Березин¹. В Кривощёво Роецкий представил Михайловскому и Березину результаты проведенного им анализа возможных вариантов пересечения Оби трассой, соображения об оптимальности Кривощёковского варианта. В результате Роецкий получил согласие на включение Кривощёковского моста в проект Западно-Сибирской дороги. В 1892 г. Роецкий завершил изыскания в районе Кривощёво и получил материалы, которые потребуются Белелюбскому для составления проекта моста².

К 20 февраля 1892 г. К. Я. Михайловский подготовил материалы изысканий Роецкого для составления проекта моста. На их основе Н. А. Белелюбский разработал проект моста через Обь. Летом 1893 г. от Челябинска начались работы по строительству железной дороги, а с началом строительства моста через Обь возник посёлок строителей.

Численность населения посёлка, а затем города Новониколаевска быстро росла. Так, в 1907 г. здесь значилось 47 тыс. жителей, в 1912 г. его население увеличилось до 60 тыс.³ Растёт и численность польского населения. Так, в 1908 г. в городах Томской губернии католики занимали третье место после православных и евреев, больше всего католиков проживало в Томске, Новониколаевске, Мариинске, Каинске и Барнауле⁴. Таким образом, Новониколаевск принадлежал к числу городов Западной Сибири, являвшихся главными центрами концентрации польского населения. В Новониколаевске количество поляков, эстонцев, латышей и литовцев в период с 1908 по 1914 г. колебалось на уровне двух-трех тысяч. Наименьший показатель приходится на 1908 г. – 1763 чел., что составляло 3,8 % населения города, наибольший показатель приходится на 1914 г. – 3 562, что составляло 4,7 %⁵.

В 1910 г. в городах Томской губернии больше всего поляков проживало в Томске – 3 916 (3,6 %) и Новониколаевске – 1 965

(3,7 %). В Новониколаевске они составляли 95,1 % католического населения города⁶. К началу Первой мировой войны численность польского населения Новониколаевска значительно возросла. В 1914 г. среди городов Западной Сибири Новониколаевск по численности проживавших в нём католиков (2 935 человек) находился на втором месте после Томска (4 056 человек)⁷.

В Новониколаевске, как и в других городах Сибири, поляки работали в качестве специалистов в различных службах Сибирской железной дороги. Так, Олиан-Гедеон Косовский окончил Технологический институт в Петербурге в 1895 г.⁸ В начале XX в. Косовский работал в службе пути Сибирской железной дороги, в 1900–1903 гг. исполнял обязанности начальника 4-го и 13-го участка, в 1904 г. – начальника 10-го участка, а в 1905 г. – инженера службы пути на станции Обь⁹. Косовский принимал активное участие в жизни местной католической общины, в 1905 г. он, среди прочих, закладывал фундамент под новое здание костёла в Новониколаевске¹⁰.

Поляки, сосланные или добровольно приехавшие в Сибирь, служили здесь и в качестве чиновников. Представители польской интеллигенции были лишены возможности занимать должности в административном управлении Царства Польского. Вытеснение поляков с государственной службы способствовало их притоку в свободные профессии, преимущественно те, что были связаны с политическими и экономическими преобразованиями эпохи Великих реформ.

Поляки в значительной степени были представлены среди чиновников, работающих в структурах Государственного банка России, в органах Государственного контроля. В 1865 г. открылось отделение Госбанка в Томске. Значительно интенсивнее банковская сеть стала развиваться в Сибири после

⁶ Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 1030–1033.

⁷ Ханевич В. А. Католики в Кузбассе (XVII–XX вв.), (очерк истории, материалы и документы). Кемерово, 2009. С. 90–91.

⁸ Księga Pamiątkowa inżynierów technologów Polaków wychowawców Instytutu Technologicznego w Petersburgu (w rocznicę stulecia uczelni). Warszawa, 1933. S. 91.

⁹ Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1905 год. Томск, 1905. С. 320.

¹⁰ Недзельюк Т. Историю Новосибирского католического прихода нам пришлось восстанавливать буквально по крупицам // Сибирская католическая газета. 2009. Июнь-июль. С. 14.

¹ Чибряков Г. Г. Тайны некоронованной столицы Сибири. Новосибирск, 2012. С. 144.

² Там же. С. 146–147.

³ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф-Д.38. Оп. 1. Д. 144. Л. 16.

⁴ Ведомость № 2 // Обзор Томской губернии за 1908 год. Томск, б.г.

⁵ Весь Новониколаевск. Адресно-справочная книга на 1924–1925 год. С краткой историей и планом города. Новониколаевск, 1925. С. 30.

пуска Сибирской железной дороги. Представители польской диаспоры трудились в структурах крупнейших частных банков. В 1907 г. в конторе Сибирского торгового банка в Новониколаевске в качестве бухгалтера работал Эдмунд Студзинский¹. В 1910 г. помощником податного инспектора в Томском уезде являлся Леон Дзвонковский. В 1911 г. он был перемещён на должность помощника податного инспектора 2-го участка в Новониколаевске².

В конце XIX – начале XX века немало поляков находилось в Сибири на военной службе. Они были представлены в рядах офицерского корпуса военных частей. Прапорщиком 22-го Сибирского стрелкового запасаго полка являлся в 1915 г. Казимир Дашкевич. 30 июня 1915 г. в Новониколаевском костеле Дашкевич венчался с дворянкой Минской губернии Стефанией Бялыницкой-Бируля³. Чиновниками 41-го Сибирского стрелкового полка в 1912 г. являлись Август Хитрек и Эдвин Колодзинский⁴.

В начале XX в. представители польской диаспоры активно работали в местных выборных органах власти. В состав гласных первой городской Думы Новониколаевска в 1909–1913 гг. входили мещане братья Павел и Виктор Понганские. Виктор Казимирович Понганский также находился среди членов городской религиозной комиссии. В 1909–1912 гг. Виктор Понганский состоял в городской Думе в должности аукциониста⁵.

В 1913–1917 гг. гласным городской Думы являлся Мартин Ипполитович Бржеский. Бржеский был одним из активных деятелей местной католической общины. Так, он исполнял обязанности председателя комитета по постройке в Новониколаевске костёла⁶.

В формировании польской диаспоры Новониколаевска большую роль сыграл предпринимательский класс. По словам В. Н. Шайдурова, «польская община достаточно прочно обосновалась в некоторых сферах, которые стали для неё со временем основной

«экономической нишей»⁷. Необходимо заметить, что многие ссыльные повстанцы 1863 г., оставшись в Сибири, занимались предпринимательством, немало деловых людей было и среди потомков ссыльных поляков.

Одним из крупных торговых центров Сибири являлся губернский город Томск, где были развиты торговля фабричной мануфактурой, хлеботорговля, виноторговля, торговля бакалейными товарами, которая велась в лавках, магазинах и складах. В городах Сибири, в том числе в Томске, появилось много магазинов, называемых «варшавскими». Кроме Томска, польские предприниматели работали практически во всех городах и многих селах Томской губернии. В Новониколаевске в 1913 г. владельцем писчебумажной лавки была крестьянка Гродненской губернии Евдокия Ивановна Булынько⁸. С 1 января 1910 по 1 января 1913 гг. подрядом на содержание «анатомического покоя и погребение трупов» в Новониколаевске обладал владелец похоронного бюро Генрих Юлианович Булынько. Городская Дума 1 декабря 1909 г. рассмотрела результаты торгов на содержание анатомического покоя. В результате с 1 декабря 1909 г. содержание анатомического покоя и погребение трупов осталось за Булынько, как выпросившем низшую цену⁹.

Булынько принимал участие в общественной жизни города: например, 15 февраля 1909 г. он присутствовал на предвыборном собрании, которое состоялось в управе Новониколаевска¹⁰. В июле 1916 г. Булынько, владевший типографией, книжным магазином и складом бумаги в Новониколаевске, организовал еженедельник *Głos Syberii*¹¹. Газета выходила с 8 июля 1916 г. по воскресеньям, на польском языке и продавалась в киосках Новониколаевска¹². Цель, которую преследовала редакция еженедельника – организационно сплотить польскую общественность в Сибири. Редакция провозглашала свою беспартийность и тесную связь с Костёлом. Еженедельник выражал интересы мелких

¹ Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1907 год. Томск, 1907. С. 65.

² Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томск, 1915. С. 89.

³ ГАНУ. Ф. Д-156. Оп.1. Д. 2857. Л. 91.

⁴ ГАНУ. Ф. Д-156. Оп.1. Д. 2858. Л. 95.

⁵ 10 лет на службе городу: Новониколаевская Городская Дума в документах и материалах: 1909–1919. Новосибирск, 2008. С. 203.

⁶ Там же. С. 53.

⁷ Шайдуров В. Н. К вопросу о формировании польской общины в Западной Сибири: вторая половина XIX – начало XX века // Славяноведение. 2013. № 5. С. 89.

⁸ ГАНУ. Ф. Р-1. Оп.3. Д. 125. Л. 9.

⁹ ГАНУ. Ф. Д-97. Оп.1. Д. 162. Л. 13.

¹⁰ Народная летопись. 1909. 20 февраля.

¹¹ Ślisz A. Prasa polska w Rosji w dobie wojny i rewolucji (1915–1919). Warszawa, 1968. S. 94.

¹² Алтайское дело. 1916. 4 мая. Сибирская жизнь. 1916. 27 июля.

торговцев и ремесленников. Что касается ситуации в Польше, то издание выступало за её независимость. Цензура в Сибири не носила такого жёсткого характера как в центре России, и журнал мог сообщать о политической ситуации в Королевстве Польском и о проблеме независимости Польши¹. Однако решением губернатора в октябре 1916 г. издание еженедельника *Głos Syberii* на 15-м номере было приостановлено, поскольку газета угрожала государственному порядку и безопасности².

В новый посёлок Новониколаевский в поисках лучшей жизни прибывают переселенцы из разных мест Сибири. Вместе с ростом посёлка формировалась предпринимательская прослойка в его населении. Казимир Понганский, повстанец 1863 г. из Варшавской губернии, работал конторщиком. После его смерти в 1879 г. главой семьи становится его жена, которая занималась торговлей в с. Ишиме Томского уезда³. Их сын Александр Казимирович Понганский был причислен к мещанам Томска. В Новониколаевске Александр Понганский и его сын Альбин занимались кузнечным ремеслом и торговали железно-скобяными изделиями⁴. Кроме того, братья Виктор и Павел Понганские вели розничную и оптовую торговлю бакалейными и мануфактурными товарами, а также имели в городе несколько домов⁵.

В Сибири поляки проявили себя практически во всех сферах предпринимательства. М. В. Шиловский обращает внимание на высокую долю польских предпринимателей, которые занимались новыми для Сибири начала XX в. видами производства и торговли (продажа лекарств, производство колбасы, кондитерских изделий, фотодело, гостиничный бизнес, слесарно-механическое производство)⁶.

Польские предприниматели в Сибири доминировали в колбасном и кондитерском

ремёслах. Особая роль поляков именно в развитии колбасного производства в Сибири стала заметной после ссылки в Сибири участников восстания 1863–1864 гг. В Новониколаевске в 1907 г. насчитывалось три колбасных мастерских, владельцем одной из них являлся Станислав Рохович Соколовский. Предприятие Соколовского было оснащено паровым двигателем. В 1908 г. сумма производства составила 18 тыс. рублей, а число занятых – 10 человек⁷.

Одним из новых видов предпринимательской деятельности в конце XIX – начале XX в. являлась продажа лекарств. В этот период времени поляки являлись владельцами аптек в 8-ми городах Западной Сибири. Пётр Степанович Ковнацкий был направлен в Сибирь фирмой «Ферейн» в качестве фармацевта с целью организовать сеть аптек и наладить производство лекарств. Ковнацкие поселились в Томске, где семья торговала аптекарскими товарами⁸. В 1895 г. Ковнацкий получил свидетельство на открытие в Новониколаевске первой аптеки⁹. В 1907–1915 гг. в городе работали уже несколько аптек, принадлежавших Ковнацкому.

Всего на протяжении периода с 1890-х и до революции 1917 г. по тем данным, которыми мы располагаем, в Западной Сибири работало 142 предпринимателя польской национальности. В городах Сибири сложились польские предпринимательские династии. Наиболее известные из них – семьи винопромышленников Поклевских-Козелл и Андроновских. Из других династий нужно назвать семьи: Печокас в Тобольске и Омске, Китшель и Кузиковских в Тобольске, Красимовичей в Кузнецке, Понганских в Новониколаевске, Лемелевич в с. Спаском Каинского уезда Томской губернии. По нашим подсчётам, территориально польские предприниматели распределялись в 15 городах и 15 сельских населённых пунктах Западной Сибири. Больше всего польских предпринимателей насчитывалось в столицах губерний и областей: в Томске –

¹ Ślisz A. Op. cit. S. 95.

² Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока в условиях революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Часть I. Томск, 2008. С. 157.

³ ГАНО. Ф. Д-38. Оп.1. Д. 144. Л. 14.

⁴ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 255. Л. 180.

⁵ ГАНО. Ф. Д-38. Оп. 1. Д. 128. Л. 3.

⁶ Шиловский М. В. Сибирские поляки-предприниматели до 1917 г. // Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научной конференции / научн. ред. и сост. Ханевич В. А. Томск, 1999. С. 84.

⁷ Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915. Петроград, б. г. С. 345.

⁸ Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск, 2012. Т. 1: А-Л. С. 319.

⁹ Лукьянова В. М., Стенькина О. М. Аптечная служба // История здравоохранения Новосибирска. Новосибирск, 2005. С. 65.

45 человека, Омске – 27, Тобольске – 19. Из других городов Западной Сибири выделяется Новониколаевск, где работало 9 предпринимателей-поляков. Польские предприниматели сыграли важную роль в формировании польской диаспоры в Сибири. Они являлись крупнейшими меценатами, одними из организаторов строительства костёлов в городах, входили в состав римско-католических благотворительных организаций.

Важнейшей проблемой для польской колонии в Сибири оставалась проблема сохранения своего языка, традиций и обычаев. Большую роль в сохранении польских национальных традиций в регионе играла Католическая Церковь. По мнению Э. Л. Нитобурга, адаптация – это начальный этап интеграции – процесса вхождения иммигрантской группы в общество принявшей страны. Формы и длительность этого процесса зависят от установочной ориентации социальной группы, которая могла быть направлена либо в сторону межкультурной интеграции и стремления к ассимиляции, либо по направлению к этнокультурной изоляции. Русские в Америке реагировали на новую для них культуру тремя способами: 1) стремились воспринять американский образ жизни и ассимилировать; 2) отвергая свой образ жизни, старались сохранить американские ценности; 3) предпочитали, совмещая обе системы – русскую и американскую, стать бикультурными русскими американцами¹.

Среди механизмов противодействия ассимиляции выступала Русская Православная Церковь с её сетью приходских школ, братствами, клубами и религиозной прессой для взрослых в качестве основного средства этнического сплочения, сохранения и передачи традиций. Задаче этнической консолидации были призваны служить профессиональные, культурно-просветительские, благотворительные, молодёжные и даже политические организации этнического характера².

То же самое можно сказать о поляках, поскольку в тяжёлых условиях жизни на чужбине велика была роль Католической Церкви. Костёл являлся центром объединения поляков-переселенцев. Его строительство в

том или ином населённом пункте свидетельствовало о формировании там польской колонии. Католическая община представляла универсальную структуру, позволяющую охватывать все сферы жизни.

В Новониколаевске молитвенный дом католической общины был построен по инициативе Томского настоятеля Демикиса в 1902 г. 13 мая 1902 г. к управляющему Томским имением обратился с прошением уполномоченный от жителей-католиков посёлка Новониколаевского Мартин Бржеский. Прошение содержало просьбу о безвозмездном отводе участка земли в ведение Церкви. Управляющий делами министерства императорского двора 6 марта 1903 г. согласился на безвозмездный отвод участка земли под постройку римско-католического молитвенного дома, который просили члены католической общины³.

С 1905 по 1911 гг. католическую общину Новониколаевска возглавил Александр Билякевич⁴. В 1907 г. Билякевич, в книге, которую он специально вёл для учёта верующих, отмечал, что поляков в Новониколаевске и его окрестностях насчитывалось около 800 человек, или 56,7 % прихожан⁵. Уже 1 июня 1910 г. Могилёвский архиепископ учредил самостоятельный приход при Новониколаевском костёле с назначением Ю. Юркуна настоятелем, который оставался таковым до 1915 г.⁶

В 1905 г. в Новониколаевске было начато строительство каменного здания костёла по проекту инженера Вернера. Освящение кирпичного храма во имя святого Казимира епископом Иоанном Цепляком состоялось 12 мая 1909 г. Здание было построено на личные средства прихожан⁷. Купцы Новониколаевска закупали на свои средства строительные материалы: например, Е. А. Жер-

³ Титова Т. Г. Судьбы сибирского католичества: Новониколаевск – Новосибирск // Между прошлым и будущим. Вопросы истории и исторического образования. Сборник научных и публицистических трудов / отв. ред. В. А. Зверев. Новосибирск, 2000. С. 121.

⁴ Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. С. 39.

⁵ Maslennikow A. Reforma struktury i problemy rozwoju Kościoła rzymskokatolickiego na Syberii na początku XX w. // Kościół katolicki na Syberii. Historia. Współczesność. Przyszłość. Wrocław, 2002. S. 177.

⁶ Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. С. 67.

⁷ Титова Т. Г. Судьбы сибирского католичества. С. 122–125.

¹ Нитобург Э. Л. Русские в Америке – интеграция или ассимиляция? // Этнографическое обозрение. 2001. № 6. С. 83.

² Там же. С. 84.

наков, будучи православным, пожертвовал стекло для окон¹.

Польская община Новониколаевска группировалась вокруг костёла, что нашло отражение в метрических книгах. Важную роль в местной польской диаспоре играли предприниматели. Свидетелем при венчании в Новониколаевском костёле 7 сентября 1908 г. Виктора Ясинского с Анной Равчус был предприниматель Генрих Булышко, а при венчании Феликса Кмита с Юзефой Яблонской свидетелем являлся представитель местной предпринимательской семьи Павел Понганский². Католическая Церковь стала центром объединения для местного польского общества. До 1918 г. в помещении костёла проходили собрания Польского общества помощи жертвам войны, ПВК и Польского клуба³.

Поляки принимали активное участие в работе общественных организаций, которые в большом количестве стали возникать в городах Сибири в начале XX в. В годы Первой мировой войны в регионе появились беженцы и военнопленные. С началом военных действий значительная часть жителей Гродненской, Люблинской, Холмской, Ломжинской и Седлецкой губерний была эвакуирована на восток.

20 ноября 1915 г. при костёле города Новониколаевска состоялось открытие Новониколаевского отдела Петроградского польского общества вспомоществования жертвам войны. В состав правления отдела были избраны: председателем – ксёндз Юстин Юркун, товарищем председателя – Вильгельм Жуковский, кассиром – Антон Протассович и секретарем – Казимир Барановский⁴.

В 1916 г. в Новониколаевске было организовано польское благотворительное общество «Огниво», которое ставило перед собой задачу оказать материальную и нравственную помощь всем нуждающимся римско-католического вероисповедания. Способствовали в поиске работы, престарелые устраивались в богадельни, малолетние – в

сиротские дома, распространялась литература общеобразовательного и нравственного содержания, были собраны средства для покупки фисгармонии польскому училищу⁵. К 1917 г. в Новониколаевске работали несколько польских организаций, которые занимались благотворительностью: Общество вспомоществования жертвам войны, католическое благотворительное общество, Союз военнослужащих поляков и Польско-литовский союз. Их работу координировал, созданный из представителей этих обществ, Совет соединенных польских организаций⁶.

Представители польского меньшинства принимали активное участие в работе общественных организаций, которые в большом количестве стали возникать в городах Сибири в конце XIX – начале XX века. С началом Первой мировой войны перед польскими общественными организациями встают новые задачи, поскольку в Сибирь прибывают беженцы из Западных губерний России. Центральный обывательский комитет губерний Царства Польского, Польское общество помощи жертвам войны и другие организации сыграли важную роль в оказании беженцам материальной поддержки. Надо обратить внимание также на то, что данные организации проявили себя в деятельности, направленной на удовлетворение духовных потребностей беженцев и вовлечения их в общественную жизнь.

В заключение отметим, что численность польского населения посёлка, а затем города Новониколаевска постоянно возрастала. Поляки служили в качестве инженеров и техников в различных службах Сибирской железной дороги, в качестве чиновников в учреждениях государственной власти, находились в регионе на военной службе. Особую роль в формировании польской диаспоры в городах Западной Сибири сыграли предприниматели. Сохранение польских национальных традиций в регионе стало возможно благодаря Католической Церкви.

¹ Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX века). Томск, Бийск, Барнаул, Кузнецк, Колывань, Камень-на-Оби, Нарым, Мариинск, Новониколаевск / под ред. проф. В. П. Бойко. Томск, 2011. С. 420.

² ГАНО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2857. Л. 9, 15.

³ Недзелюк Т. История Новосибирского католического прихода. С. 17.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 239. Л. 55.

⁵ Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009. С. 89.

⁶ Майничева А. Ю. Благотворительная деятельность польских организаций в Новониколаевске (1907–1917 гг.) // Сибирская полония. 2002. № 1(40). С. 5.

В. В. Волобуев

«МАТЬ ИОАННА ОТ АНГЕЛОВ» И КАЗУС КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ПНР

42

Положение Римской Католической Церкви в ПНР отличалось значительной независимостью. Невзирая на постоянное давление со стороны властей, правящей верхушке так и не удалось добиться от костельной иерархии той степени подчинения, в которой пребывала Православная Церковь в СССР. Позиции Католической Церкви, даже несмотря на обрушившиеся на неё репрессии, оставались настолько крепки, что приходилось говорить о своеобразном двоевластии в стране: политической сферой целиком и полностью владела марксистская партия (ПОРП), пытавшаяся проводить атеизацию населения и ограничить влияние Костёла, зато в сфере частной жизни безраздельно властвовала Церковь. Достаточно сказать, что весь период существования социалистической Польши большинство учеников ходили на уроки Закона Божьего. С огромным трудом (и не с первого раза) в 1961 г. властям удалось убрать эти уроки из школьного расписания, но их просто перенесли в помещения при костёлах и в частные дома (т. н. «пункты катехизации»).

Приходские священники организовывали для молодёжи спортивные состязания, экскурсии, паломничества; каждое лето работали католические детские лагеря. Всё это способствовало тому, что традиция приобщения детей к вере не прерывалась, невзирая на антицерковную пропаганду властей. Советский дипломат отмечал в сентябре 1971 г.: «В костёле дети находят ответы на интересующие их вопросы, но ответы от служителей культа – умных, образованных врагов социализма, которые не упускают случая объяснить всё с позиций своего класса и постараться привязать детей к церкви ... Можно отметить, что в любой момент в костёлах Польши находится по отношению к общей массе присутствующих приблизительно 30 % детей школьного возраста. Одна польская учительница средней школы в доверительном порядке говорила нам, что нередко

приходящие в школы и присутствующие на уроках инспекторы, как правило – пожилые люди, – интересуются моралью и нравственностью учащихся. Они обращают внимание на посещение детьми костёлов и остаются удовлетворёнными, когда узнают, что большинство школьников ходят в церковь ... Та же учительница говорила, что многие её бывшие ученики приглашают её на свадьбы, которые почти без исключения проходят в костёлах. В кульминационном моменте свадебного обряда ксёндз обязательно добивается от молодожёнов твёрдого обещания посещать костёл и способствовать приобщению своих будущих детей к религиозной вере ... (следует иметь в виду, что на церковные праздники многие родители берут с собой в костёл детей дошкольного возраста. Значительная часть этих детей привлекается служителями культа к несению службы в костёлах). Таким образом, успех польской церкви основан на поддержке подавляющего большинства верующего населения, приобщённого к религии ещё в детские годы»¹.

Правящая элита рассматривала Костёл как естественного союзника «реакционных классов» и орудие Ватикана, всегда настроенного неприязненно к социалистическому лагерю. Власти облагали налогами пожертвования в пользу Церкви, закрывали католические учебные заведения и монастыри, выносили из классов настенные кресты, запрещали строительство новых храмов и часовен. Важно подчеркнуть при этом, что марксисты в Польше никогда не провозглашали борьбу с религией как таковой. Этому мешала вышеупомянутая приверженность подавляющего большинства поляков Костёлу (в отличие от России, где ещё до 1917 г. широко распространились антиклерикальные настроения). Более того, партийный лидер В. Гомулка, вернувшись в октябре 1956 г. к власти, объявил, что любой гражданин Польши, будь он верующий или нет, имеет

¹ Архив внешней политики РФ (далее – АВП). Ф. 122. Оп. 56. П. 422. Д. 38. Л. 42–43.

право участвовать в общественной жизни, лишь бы не выступал против строя.

В Польше этот тезис воплощался весьма своеобразно: немалое число членов партии не считали зазорным посещать по воскресеньям костёлы и крестить детей. Вот что сообщал, например, в июле 1960 г. сотрудник советского генконсульства в Гданьске: «Аппарат местных советов на уровне повята (района. – В. В.) и, особенно, громады (микрорайона. – В. В.) сплошь и рядом засорён клерикалами. Это можно проиллюстрировать примером повята Тчев в Гданьском воеводстве. В этом повяте 3 члена бюро комитета ПОРП, председатель комитета Фронта единства народа, председатель суда, директор речной верфи и другие руководящие работники посылают своих детей на уроки религии в школах. Председатель президиума народного совета (член Демократической партии) поддерживает тесные контакты с ксендзом, помощник прокурора улаживает дела клиру и т. д. При этом нужно учесть, что Тчев является промышленным повятом. Положение в сельскохозяйственных повятах и громадах ещё хуже. В громадских радах народных (сельсоветах. – В. В.) висят кресты и распятия»¹.

Выход на экраны в подобной ситуации фильма, показывающего религиозное мракобесие и изуверство (пусть и в старой Речи Посполитой) однозначно воспринимался как стремление угодить правящему режиму в его борьбе с епископатам. Реакция духовенства и Ватикана была предсказуема: клир категорически не рекомендовал прихожанам ходить на творение Е. Кавалеровича (какое, заметим, ныне вошло в «золотой фонд» польского кинематографа). Однако и местные власти, как выяснилось, были не в восторге от такого «подарка». К примеру, из Познани сообщали в июне 1961 г.: «... из-за широкой дискуссии в печати перед выборами в народные советы и Сейм местное руководство не пропустило на экраны Познани фильм Е. Кавалеровича “Мать Иоанна из монастыря ангелов”. Боялись, что из-за отрицательной оценки фильма общепольской и местной католической печатью его будут бойкотировать избиратели-католики и просмотр может отразиться на исходе выборов»².

Таким образом, номенклатура на местах не хотела играть с огнём и дразнить своих верующих соотечественников. Что же тогда насторожило советских чиновников, которым «польские товарищи» отправили этот фильм для показа в СССР? Очевидно, для тех он, полный экзотических сцен и мистических переживаний, выглядел слишком уж экзотичным, рождённым в ином культурном окружении и совсем неуместным в стране, где вопрос о победе материализма над идеализмом, вроде бы, уже был снят с повестки дня как решённый навсегда в пользу материализма (даром, что спустя всего четыре года в этой самой стране А. А. Тарковский снимет «Андрея Рублёва»). Так же может быть, что советская номенклатура опасалась касаться религиозной темы (даже в очернительном духе) ввиду нового витка гонений на Церковь, развёрнутых Н.С. Хрущёвым. Точный ответ мы вряд ли узнаем. В нашем распоряжении остались приведённые ниже документы, мобилизующие советскую идеологию к оценке названного произведения.

Приложения³

Приложение 1 ЦК КПСС

43

Ленинградский обком КПСС считает необходимым изложить своё мнение о целесообразности демонстрации на экранах Советского Союза кинофильма «Мать Иоанна от ангелов», производства творческого коллектива «Кадр» Лодзинской студии художественных фильмов (Польская Народная республика).

Фильм, ставящий целью показать столкновение материалистического и идеалистического мировоззрения, разоблачение религии, по существу пропагандирует религиозную идеологию, не несёт зрителю ничего познавательного, идейно ценного с точки зрения материалистической идеологии, насыщен эротикой, садизмом, патологическими сценами, мистикой. Авторы даже не пытаются вскрыть классовую сущность религии, как оружия угнетения и одурманивания трудящихся. Он проникнут духом сочувствия и оправдания фанатизма. Сцены борьбы любви и веры, «божественного и дьявольского» могут оставить у верующих или колеблющихся только подтверждение

¹ АВП РФ ф. 122. Оп. 45. П. 374. Д. 720/13. Л. 110.

² АВП РФ ф. 122. Оп. 43. П. 155. Д. 180. Л. 14.

³ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 147. Л. 8–9.

их собственных сомнений, вызвать симпатии у верующих к фанатическому «герою» ксёндза.

Всё действие фактически происходит вне времени и пространства. Если же отнести содержание фильма к XVII веку, то постановщики не показывают действительную социальную роль монастырей той эпохи.

Не отрицая художественных достоинств фильма, показ его на экранах страны нанёс бы вред делу коммунистического воспитания нашего народа.

Секретарь ЦК КПСС,
[Первый] Секретарь Ленинградского
обкома КПСС И. Спиридонов¹.

Приложение 2
ЦК КПСС

В связи с запиской тов. Спиридонова И. В. докладываем о нижеследующем.

Польский кинофильм «Мать Иоанна от ангелов» рассказывает о жизни средневекового женского монастыря. В фильме показаны мракобесие и жестокость католической религии, унижающей и подавляющей человеческую личность. Вместе с тем кинокартина имеет серьезные идейно-художественные недостатки. В фильме содержатся натуралистические сцены. Авторы не вскрывают классовую сущность религии.

Как сообщил зам. министра культуры СССР т. Данилов Н.Н., кинофильм «Мать Иоанна от ангелов» был рекомендован для покупки польским посольством в Москве. Отказ от покупки этой премированной на международном кинофестивале картины, которую в Польше считают полезной в связи с её

антиклерикальным содержанием, к тому же созданной по рассказу председателя Союза писателей ПНР, известного польского литератора Я. Ивашкевича, мог быть болезненно воспринят в кругах польской общественности. В 1961 г. советской стороной было приобретено лишь 7 польских кинокартин (отклонено от покупки – 12), в то время как польская сторона приобрела 57 советских фильмов.

Фильм «Мать Иоанна от ангелов» выпущен минимальным тиражом (330 копий) и в настоящее время сошёл с экрана, т. к. не пользовался успехом у зрителя.

Однако наши кинопрокатные организации, учитывая, что содержание польского кинофильма «Мать Иоанна от ангелов» во многом чуждо нашему зрителю, могли бы ограничить прокат этого фильма. В частности, не было никакой нужды печатать 190 копий фильма на узкой плёнке, т. е. для сельской киносети.

В связи с вышеизложенным считали бы целесообразным воздержаться от повторного показа фильма «Мать Иоанна от ангелов».

Вместе с тем полагали бы необходимым поручить Министерству культуры СССР и Министерству внешней торговли СССР принять меры к улучшению работы по обмену кинофильмами между Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Просим согласия.

Зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС
А. Петров
Зав. сектором В. Баскаков
6 марта 1962 г.²

¹ Спиридонов И. В. (1905–1991) – в 1957–1962 гг. Первый Секретарь Ленинградского обкома КПСС, одновременно в 1961–1962 гг. Секретарь ЦК КПСС, затем (до 1970 г.) Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР. На документе имеется рукописная помета члена Президиума ЦК КПСС, Секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова «тов. Поликарпову»; штамп о получении документа в ЦК КПСС датирован 22 февраля 1962 г. Поликарпов Д. А. (1905–1965) – в 1962 г. зав. отделом культуры ЦК КПСС.

² На документе имеется помета А. Петрова (?): «Ленинградскому обкому КПСС (т. Спиридонову), Министерству культуры СССР (т. Данилову) сообщено». Публикация документов подготовлена при участии А. С. Стыкалина.

Н. В. Коровицына

ВАРШАВСКИЕ МЕЛОДИИ: КУЛЬТУРНЫЕ ЭФФЕКТЫ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Поезд «Гданьск – Варшава», на котором я ехала с международной конференции под названием «25 лет после коммунизма: Восток и Запад Европы в поисках солидарности» прибыл в столицу Польши поздним субботним вечером. Вопреки моим ожиданиям, сложившимся под влиянием существующих у нас негативных стереотипов в отношении этой страны, улицы центра города были полны оживлёнными гуляющими варшавянами и приезжими. Слышалась польская, русская, ставшая в последние четверть века средством международного общения английская речь. Не без труда пробравшись через толпы людей, я оказалась на площади Старого рынка, где останавливалась проездом в гостинице Института истории Польской академии наук.

В самом центре Варшавы был особенно ярко выражен феномен единения западной, центральной и восточной частей Европы. Царящей в приподнятой атмосфере европейской открытости и демократизма как нельзя лучше в этот тёплый осенний вечер соответствовало выступление русско-украинского гитариста. Над историческим центром Варшавы разносились хорошо знакомые мелодии: звуки русских романсов опровергали печальное представление о революции Солидарности августа 1980 г. как «лебединой песни польского романтизма»¹, казалось, прочно утвердившегося уже с самого начала 1980-х гг. Именно тогда, ровно 35 лет назад, произошла первая восточно-европейская революция сознания, опиравшаяся на единственное в Восточной Европе массовое общественное движение периода перестройки². Оно зародилось среди рабо-

чих Гданьской судовой верфи, со сменой систем практически прекративших своё существование, как и значительная часть «бунтарского» польского рабочего класса. Социокультурный смысл той революции сводился к стремительному переходу к антиэгалитарным и материалистическим воззрениям поляков. «А есть ли жизнь после перехода?», – задавались вопросом в 90-е гг. некоторые польские социологи, лучшие работы которых были созданы в предшествующее десятилетие – время «золотого века» польской социологической школы.

В отличие от более прагматичной, экономически ориентированной венгерской социологии и самой социальной реальности этой страны, польские общественные теория и практика – два государства с повышенным значением интеллигенции дворянского и нового происхождения – больше концентрировались на процессах смены системы ценностей и имели характер специфической для региона Центральной и Восточной Европы, включая Россию, «тихой революции» (*silent revolution*). Этот тип культурной революции не только на одно поколение запаздывал, но и, как эмпирически подтверждено, существенно «отклонялся» в ряде отношений от западного пути постмодернизации общества и его известных интерпретаций американцем Р. Инглхартом. Изучение сдвигов в духовной сфере польскими социологами крайне плодотворно для понимания культурных последствий экономических и политических перемен после 1989 г. в посткоммунистическом регионе в целом и итогов евроинтеграции центральноевропейцев после 2004 г.

Важнейшим источником анализа сдвигов в сознании младевропейцев служат многообразные данные международного проекта «Европейское исследование ценностей» (ЕИЦ) за 1990, 1999 и 2008 гг. Новейший труд энциклопедического характера под редакцией известного польского обществоведа Александры Ясиньской-Кани (Институт

¹ Коровицына Н. В. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы. М., 1999.

² Коровицына Н. В. Первая восточноевропейская революция сознания (польская ретроспектива) // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / отв. ред. Никифоров К. В. М., 2011. Она же. Социокультурный разрыв 1980-х годов в Центральной и Восточной Европе: польский случай // Социологические исследования. 2009. № 11. С. 21-30.

социологии Варшавского университета) «Ценности и перемены: изменения ценностей поляков в объединяющейся Европе»¹, опирающийся преимущественно на результаты ЕИЦ, достоин отдельного детального рассмотрения, поскольку, пожалуй, он не имеет содержательных и методологических аналогов в нашей стране, в действительности столь близкой нам в культурном отношении и столь далекой в политическом – Польше. Её связь с российскими реалиями и восточноевропейским путём развития, как это принято после 1989 г., непосредственно не представлены в книге, но совершенно очевидны специалисту по современной отечественной социальной истории.

Книга содержит три раздела: личная жизнь, семья и труд (1); общественные, моральные и религиозные ценности (2); политика и гражданское общество (3). Таким образом, охватывается весь спектр ценностей и ориентаций поляков во временной динамике после 1989 г. и в пространственном диапазоне – европейский Восток и Запад. Результаты созданной коллективом польских учёных панорамы восточноевропейского сознания периода общественной трансформации рубежа XX–XXI вв. – времени перехода от социализма к капитализму – уникальны. Они комплексно отражают базисные черты этого перехода, характерные для остальных народов «к востоку от Эльбы» или обществ восточноевропейского типа – практически неизвестных (или даже долгое время искажаемых) россиянам и недоступных для отечественных исследователей после «бархатных» революций. Поэтому, например, Польша у нас после 1989 г. считалась принадлежностью западной цивилизации и капиталистической формации.

Обширный труд польских социологов «Ценности и перемены» развеивает идеологические мифы постсоциалистической эпохи, подтверждая мои утверждения, высказанные в серии статей и монографиях последних полутора десятилетий, опирающихся на труды и аналитические материалы восточноевропейских авторов, преимущественно социологов. Содержащиеся в них данные и заключения свидетельствуют о

тяготении Польши и в целом рассматриваемой группы стран, скорее, к восточноевропейской цивилизации, устойчивой перед вызовами вестернизации и в культурном отношении склонной к традиционному социально-ориентированному национальному консерватизму.

Исследование динамики системы ценностей поляков в рассматриваемом сборнике начинается с темы *семьи*. И это связано не только с приоритетным значением родственных связей в ценностной иерархии, прежде всего, традиционалистического польского народа, но и с сущностью либеральной трансформации Восточной Европы. Этот регион ускоренной, догоняющей модернизации с середины прошлого века прошел три её четверть вековых периода: индустриализация (50–60-е гг.), урбанизация (70–80-е гг.) и демографическая революция (90-е – первое десятилетие 2000-х гг.)². Смена типа естественного воспроизводства населения и трансформация семьи по пути т. н. второго демографического перехода (на Западе начавшегося на рубеже 60–70-х гг., на Востоке – на два десятилетия позже) явились ключевыми процессами либерализации или демократизации Восточной Европы после 1989 г., её вестернизации³. По-польски это явление назвали «новым сентиментальным порядком» сферы семейной жизни.

Данные ЕИЦ действительно свидетельствуют о произошедшей значительной модификации института супружества в Польше в последнюю четверть века. Так, например, с утверждением, что «брак является устаревшей институцией» в 2008 г. соглашалось 18 % опрошенных, в то время как в 1990 г., т. е. 18 лет назад – втрое меньше. Кроме того, постепенно (с 73 % до 65 %) уменьшается доля людей, считающих брак необходимым условием счастливой жизни. Довольно много – 70 % – опрошенных признают теперь незарегистрированные союзы, особенно с детьми⁴. В 1990–2008 гг. примерно на 20 % сократилась поддержка утверждения, что

¹ Wartości i zmiany: przemiana wartości Polaków w jednoczącej się Europie / red. A. Jasińska-Kania. Warszawa, 2014.

² Коровицына Н. В. Вторая модернизирующая трансформация в «Восточноевропейских исследованиях // Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2008.

³ Коровицына Н. В. Процессы трансформации чешской семьи в середине XX – начале XXI века // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 194–205.

⁴ Wartościizmiany. S. 21

женщина для ощущения себя полноценной личностью должна иметь ребенка, выровнявшись со средними европейскими показателями. Формировались соответствующие времени образцы материнства, меняющие традиционный, особенно в XIX в. – эпоху шляхетской Польши – облик «польской матери», одновременно служащей благу Отчизны и преданной семье. Можно встретить представление о «менеджерском матриархате», существующем в этой стране, когда женщина, жертвуя собой, контролирует жизнь своей семьи. Подобную модель материнства называют «идеалистически-героической», а её центральную фигуру – «суперженщиной» и «суперматерью», со времени социализма несущей двойную нагрузку – домашнюю и производственную¹. Изменился ли этот образ в период второго демографического перехода по-польски?

Авторы исследования под руководством А. Ясиньской Кани приходят к выводу, что семейная жизнь за два прошедших десятилетия претерпела значительные перемены в сторону, прежде всего, индивидуализации. Однако, по мнению польских социологов, это ещё не означало «кризиса семьи». Имеющиеся данные опровергают тезис о движении польской семьи – по крайней мере, в плоскости декларативной – в сторону западной модели с отличительным для неё «демократизмом» или «свободой» отдельных её членов. И хотя сдвиги в представлениях людей очевидны, как свидетельствуют результаты чешских социологических исследований, заявления и реальное поведение могут не только расходиться, но и взаимно противоречить. Так, высокообразованные слои чешского общества со второй половины 90-х гг. всё чаще действуют по принципу «передовые взгляды – традиционное поведение». Вербально соглашаясь с новыми, считающимися прогрессивными, установками, они лично для себя предпочитают наиболее консервативные формы семейной жизни и оказываются в стороне от процессов трансформации демографического режима. Настоящим же объектом новых веяний (феномен матерей-одиночек и незарегистрированных союзов) являются в Чехии женщины с наиболее низким уровнем образования и социального положения, для

которых смысл жизни, по их признанию, напротив, всё больше сводится к семье. Однако 80 % их первых детей рождается вне брака, а в большинстве случаев – даже вне партнёрского союза с отцом ребенка, тогда как среди высоко образованных ровно столько же состоит в браке на момент рождения ребёнка. Обнаруженная чехами сильная негативная зависимость нетрадиционных форм семьи от социально-экономического положения людей, значительно превосходящая влияние сдвигов в ценностных ориентациях, говорит не столько о сходстве общеевропейских тенденций развития, сколько о различиях в динамике демографического поведения западной и восточной частей Европы, в самой их сущности².

Преимущественно негативные аспекты перемены, выражающиеся в появлении экономических барьеров при создании семьи и обузавании потомством в условиях кризисного развития – чехи сравнивают происходящие в демографической сфере процессы с аналогичными явлениями в стране в 1930-е гг. – проявились в своего рода демографическом шоке в регионе Восточной Европы 1990-х гг. Это был период резкого роста социального неравенства и формирования массовых слоёв общества, длительное время существующих на социальные пособия. Демографический шок конца XX в. выразился в резком увеличении числа разводов, спаде рождаемости и брачности, скачкообразном росте числа внебрачных рождений.

Несмотря на эти процессы, значение семьи в жизни поляков остаётся «крайне важным» для 90 % опрошенных. Понимаемая под семьей супружеская пара с детьми как традиционная модель брачного союза особенно широко признаётся в Восточной Европе и, прежде всего, в Польше. По данным ЕИЦ, приводимым поляками, в Западной Европе и, тем более, скандинавских странах популярность этой модели гораздо меньше – 54 % в 2008 г. Одобрение семьи из одного родителя, как главный процесс современной семейной трансформации, распространено, прежде всего, в скандинавской группе стран и практически не касается восточноевропейцев³. Среди них свыше 80 % опрошенных

¹ Коровицына Н. С Россией и без неё: восточноевропейский путь развития. М., 2003.

² Коровицына Н.В. Традиционная семья в Чехии: социокультурные вызовы после 1989 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2014.

³ Wartości i zmiany. S. 53.

считает, что у женщины должны быть дети для её самореализации в жизни. В отношении мужчин этот показатель немногим ниже. Вместе с тем, для западных европейцев аналогичный показатель вдвое ниже – не превышает 40 %.

Очевидно, трудностями современного существования в целом восточноевропейской и, в частности, польской семьи объясняется тот факт, что, несмотря на большое значение в ней детей, жизненная удовлетворённость людей, имеющих их, чаще бывает ощутимо ниже по сравнению с бездетными. В Западной Европе и прежде всего скандинавских странах ситуация противоположная. Современных восточноевропейских женщин даже называют жертвами господствующих в обществе культурных норм, которые предписывают им иметь детей. Следование этим нормам в существующей ситуации не приносит им счастья. Ещё одно наблюдение, касающееся только восточноевропейской семьи – наличие ребёнка при отсутствии партнёра также снижает уровень удовлетворённости, особенно женщин. Дети не компенсируют им недостаток супруга, а, напротив, создают повод для недовольства.

Заключительный из анализа семейных ценностей вывод: нынешние представления поляков во многих отношениях гораздо больше похожи на восточно-, чем западноевропейские.

Труд явился той сферой жизни поляков, которая в последние 25 лет претерпела наибольшие перемены. Как и семья, труд, – их важнейшая жизненная ценность. Она «крайне важна» для 56 % и «скорее важна» – для 35 %. 81% хотел бы привить трудолюбие своим детям¹. В то же время, это ценность, которая на протяжении последних двух десятилетий скорее теряет, чем наращивает свое значение. Ослабление значения труда в жизни поляков считается очень важным процессом. Несомненные сдвиги в этой сфере тесно связаны с переходом к рыночной экономике и освоением людьми новых норм жизни. Примечательно, что оценка важности труда снижалась при значительном росте уровня безработицы, фактическом её появлении в странах региона после 1989 г.

Любопытна динамика оценок причин бедности в Польше. Тенденции её различ-

ны для 1990-х и первого десятилетия 2000-х гг. В период осуществления рыночных реформ сокращалось убеждение, что бедность является порождением субъективных факторов (лени и недостатка силы воли) и росло – объективных, т. е. общественной несправедливости (с 38 до 50 %) как главной причины социальных бед. Эта тенденция радикально изменилась в начале нового века, когда негативные общественные процессы периода реформ в условиях развернувшейся евроинтеграции оказались в значительной степени ослабленными или даже получали возвратную направленность. В эти годы втрое увеличилась доля связывающих бедность с невезением, а также ленью и слабостью, тогда как с несправедливостью в обществе – сократилась почти до трети.

Относительное падение значения труда в жизни людей в условиях освоения ими принципов рыночной экономики проявилось в резком сокращении долей «решительных сторонников» мнения по следующим позициям: о приоритете значения труда в жизни людей (втрое), о необходимости труда для развития человеком имеющихся у него способностей (почти вдвое), о том, что неработающие становятся лентяями (в полтора раза), что труд есть долг перед обществом (втрое), и что незаслуженное получение денег наказуемо (более, чем вдвое). Доминирующей оказалась тенденция роста по всем позициям лиц неопределившихся, колеблющихся – «ни согласных, ни несогласных». Подобные тенденции свидетельствуют о переформатировании самого понимания места труда в жизнедеятельности человека. Красноречивы достоверно полученные данные: поляки вступали в период трансформации с довольно сильным убеждением, что место индивида в обществе зависит от его упорного труда. В 1990 г. треть опрошенных твёрдо верила, что успех исходит от него самого, 2/5 решительно придерживалась мнения, что доходы должны вознаграждать индивидуальное усилие. Отмеченный впоследствии значительный, по второй позиции трёхкратный спад в восприятии, трактуется польскими специалистами как проявление цивилизационных перемен, снижающих значение труда в функционировании общества.

По сравнению с западноевропейскими странами Польша остаётся наиболее наци-

¹ Ibid. S. 63.

онально ориентированной в вопросе необходимости приоритетного трудоустройства жителей страны перед иностранными рабочими и наиболее патриархальной в проблеме преимущественного трудоустройства мужчин перед женщинами при недостатке рабочих мест.

Происходившие на рубеже веков сдвиги в оценках труда были обусловлены процессами нарождавшегося польского капитализма, резким ростом социальных и экономических неравенств, разного рода аферами власти, подрывающими веру в эффективность усердного труда. Всё это явно не соответствовало изначальным, появившимся на пороге реформ представлениям о строительстве капиталистической экономики, основанной на высоком трудовом этосе (провозглашавшихся трудовых идеалах в духе протестантской этики) и меритократических – в зависимости от заслуг работника – принципах вознаграждения. По мере продвижения по пути капиталистического развития обнаруживалось, что действительность конца XX в. очень сильно отличается от исходных идеологических догм и даже изначальным противоположна им, совершенно не соответствуя пропагандируемому видению реформаторов бывшей социалистической системы. Тем более, что и в странах Запада, относящихся к протестантскому ареалу, ценность свободного времени в рассматриваемый период начала превосходить ценность труда, что свидетельствовало о переменах в самой протестантской этике труда.

Со временем отмеченное несоответствие становилось всё более ощутимым, что начинали осознавать трудящиеся, меняя свои представления о месте и значении труда в своей жизни. Люди обнаруживали огромную дистанцию, отделяющую мифы от реальности. Как показали данные ЕИЦ, ещё в 1999 г. Польша (наряду с Румынией и Турцией) принадлежала к числу стран с наивысшим этосом труда, а уже в 2008 г. стала одним из государств (вместе с Голландией и Швейцарией), демонстрирующих низшие показатели в этом отношении по сравнению со всеми остальными посткоммунистическими странами. Низкий этос труда, характерный для Польши начала нового века, означает, что эта сфера человеческой активности перестаёт восприниматься здесь в категориях

морального долга перед собой и обществом, а также индивидуальных усилий, потребности в самореализации. Новое, формирующееся в стране – и в соседних странах региона – отношение к труду, как показывают эмпирические данные, далеко от этих категорий¹.

Не менее интересны выводы, полученные из анализа динамики *моральных и религиозных ценностей* людей после 1989 г. Эта проблематика традиционно является ключевой для польской социологии в силу её наибольшей значимости для католической страны. Во втором десятилетии системных сдвигов исследователями фиксировалось отчётливое ослабление нравственности как инструмента общественного контроля, политизация морального дискурса и быстрорастущая релятивизация моральных ценностей вплоть до определения существующей ситуации как «моральной паники» или «моральной революции» после вступления в Евросоюз. Оказывается, согласно данным ЕИЦ, на рубеже XX–XXI вв. в большинстве европейских стран свыше половины опрошенных высказывали мнение, что не существует установленных на все случаи жизни принципов, позволяющих отличить добро от зла, которые строго ситуативны. И лишь только Польша в 1999 г. была единственной страной в Европе, где преобладало (51 %) убеждение о существовании чётких и несомненных моральных принципов, касающихся каждого человека и в любой ситуации. Причём, к 2008 г. доля таких людей возросла до 53 %², т. е. моральный релятивизм пока в Польше, в отличие от других стран Европы, не является преобладающим. По сравнению с государствами «вышеградской четвёрки» уровень морального релятивизма в Польше, особенно в среде многочисленных верующих, оказался самым низким. А в Восточной Европе он в целом ниже по сравнению с западноевропейцами. Таким образом, конкретные данные опровергают миф об упадке морали и эрозии нравственного сознания в современной Польше, хотя постепенно в этой сфере в начале нового века наблюдались некоторые сдвиги. Польское общество, не прошедшее через глубокие культурные перемены периода постмодернизации, аналогичные обществам западного типа, и поныне демонстрирует выраженный консерватизм.

¹ Ibid. S. 76.

² Ibid. S. 111.

В то же время важные процессы происходили в сфере религиозного сознания населения страны. Польша оказалась единственной в Центральной Европе страной, в которой на рубеже веков снизился уровень религиозности, тогда как наибольший рост её произошёл в Словакии. На протяжении 1990-х гг. он ещё сохранял высокие значения. «Осовременивание» сознания и повседневной жизни людей – напомним, речь шла о ключевом процессе третьего этапа восточноевропейской модернизации – шло медленно, не нарушая традиционных рамок, задаваемых религией, пока результаты экономической и политической трансформации не ускорили эти процессы по всем показателям – веры, принадлежности к конфессии и религиозной практики. В этот период очередной смены поколений явно обозначились межпоколенческие различия в религиозности за счет её спада у молодёжи, через значительную денационализацию и усиление индивидуализации и приватизации.

По состоянию на 1990 г. в Польше, по сравнению с остальными странами, участвовавшими в ЕИЦ, количество людей религиозных находилось на более чем 90-процентном уровне. Он сохранялся вплоть до 2005 г. (времени смерти папы Иоанна Павла II), пережив к 2008 г. падение до 83,5 %¹. Именно тогда в Польше начались интенсивные процессы секуляризации. С этого момента вера в Бога теряет своё прежнее значение. Существенной для себя считали её 73 % в 1990 г. и 65 % в 2008 г., крайне важной в своей жизни – соответственно 51 % в 1999 г. – 45 % (при среднеевропейском уровне 21 %) и 31 % в 2008 г. – налицо спад по этому показателю, определяемый как драматический. Уменьшилась и доля людей, для которых религия является источником ощущения силы и безопасности.

В рассматриваемое 20-летие наблюдалось и значительное снижение доверия Костёлу как институции. В 2008 г. лишь менее четверти поляков доверяло Костёлу «в очень большой степени» (в 1989 г. – половина). Систематично снижался моральный авторитет Костёла, особенно в вопросах семейной жизни людей (с 70 % в 1989 г. и до половины в 2008 г.). В наименьшей степени сократилось значение Костёла в духовной

жизни поляков – с 80 % до 72,6 %. В Польше не происходил быстрый рост доли атеистов, но постепенно ослабевала идентификация людей с институтом Костёла: около 40 % их «имеет свои способы общения с Богом, не требующие посещения Костёла». Всё это свидетельствует о происходящих, прежде всего, в крупных городах, в образованной и молодёжной среде процессах секуляризации и приватизации религиозной веры, ускорившихся после евроинтеграции в середине прошедшего десятилетия.

Религия стала той сферой жизни поляков, которая в период общественной трансформации в наибольшей степени потеряла для них своё значение, уступив место другим ценностям и образцам поведения. Вера теперь менее важна для людей, чем друзья или досуг. В период после вступления в Евросоюз, согласно данным 2005–2008 гг., сразу упало прежде относительно стабильное значение религии как источника силы и безопасности с 87 % до 75 %².

Хотя для большинства поляков Костёл уже не служит проводником по жизни, а религия теряет своё значение, они по-прежнему считают себя католиками и людьми религиозными. Это во многом обусловлено дефицитом альтернативных форм идентичности, укореняющих людей в общественной жизни. А религия по-прежнему остаётся единственной системой, структурирующей повседневную жизнь поляков и придающей ей смысл.

Совокупность сдвигов в сфере политики и гражданского общества, произошедших в Польше после 1989 г., составляет заключительный и наиболее подробный проблемный круг исследования динамики ценностей населения страны и в целом восточноевропейского региона. Полученные результаты раскрывают истинную сущность гражданственности посткоммунистического мира.

Довольно сильно выраженные (20 % опрошенных) представления о необходимости радикальных перемен в общественной организации в 1989 г. в последующие годы ослабевали, становясь близкими к маргинальным. Доминировало мнение о реформаторском пути социальных преобразований, предпочтение отдавалось демократической форме общественного устройства. Вместе с

¹ Ibid. S. 195.

² Ibid. S. 202.

тем, сохранялась устойчивость взглядов людей по вопросу о необходимости «сильного вождя», максимальная, как ни удивительно, в исследовании 1989 г. Люди полностью соглашались с патерналистским стилем принятия решений при условии доверия к находящемуся у власти политику. Одновременно стабильно слабой остается связь между элитами и массами, 2/3 опрошенных более или менее решительно отрицают возможность участия в принятии решений.

Данные 2009 г. демонстрируют крайне низкий престиж власти в современной Польше. Она характеризуется как некомпетентная, не вызывающая доверия, не служащая людям и не воплощающая принципы равенства. По этим показателям в прошедшее 20-летие наблюдалась значительная понижающая тенденция. Так, доверие к государственной власти сократилось с 78,8 % в 1989 г. до 30,7 % в 2008 г., к парламенту – с 78,9 % до 19,0%, к правительству – в 1995–2008 гг. с 38,7 % до 21,8 %¹. С этими тенденциями коррелирует динамика оценок системы правления в Польше, систематически негативная. В то же время ожидания людей по отношению к государственной власти в период трансформации не сокращались, поддержка государственного интервенционализма оставалась сильной. Она проявлялась не только в виде участия государства в развитии промышленности, но и в контроле цен (3/4 опрошенных). И эта тенденция лишь нарастает, особенно в сфере потребности людей, в обеспечении их безопасности со стороны власти – в самом широком смысле и прежде всего в отношении минимального уровня жизни безработных. Решительная поддержка этой позиции возросла на 45,5 процентных пунктов с 1991 г., когда проблема дефицита рабочих мест практически не существовала. Ответственность государства в сфере занятости трудящихся считается несомненной.

Ожидания в сфере уменьшения властью различий в доходах особенно показательны. По мнению поляков, государство должно обеспечивать равенство – абсолютную общественную ценность для, безусловно, эгалитарно ориентированного населения страны². Решительная поддержка сокращения

материальных различий в рассматриваемый период возросла на 20 процентных пунктов. И сам этот постулат не подвергался сомнению, его сторонниками являлось 61,5 % в 1988 г. и 84,6 % в 2006 г.³ Необходимость ликвидации неравенства в доходах сочеталась в сознании людей с растущей ориентацией на равенство доходов. От решительного отказа от экономического эгалитаризма периода социализма в начале периода трансформации в последующем совершался переход польского общества – и не только его – ко всё большему принятию принципов материального равенства. Это был сдвиг от широко распространённого сознания несправедливости довольно слабых различий в оплате низко- и высококвалифицированного труда к существованию в ситуации резкой дифференциации оплаты труда, далеко не всегда легитимной. Таким образом, польским обществом принимаются постулаты широкой сферы ответственности государства. Очевидны массовые ожидания активного участия власти в вопросах, важных для всего общества и отдельных граждан, которые не ослабевали в период трансформации, противореча распространённым в польской среде идеологическим установкам.

Оказывается, поляки, ожидая от государства обеспечения высокой степени их индивидуальной безопасности в широком смысле, отличаясь от остальных стран Центральной Европы более сильной склонностью к этатизму и эгалитаризму, одновременно придерживаются прорыночных и либеральных воззрений, хотя и являются скорее центристами по шкале общественно-политических предпочтений с небольшим сдвигом «вправо». Они выступают сторонниками принципа индивидуальной ответственности личности, института рынка и личного обогащения, доминирования частной собственности, им ближе свобода, чем равенство – даже по сравнению с соседями по центральноевропейскому региону – чехами, словаками, венграми. Подобные представления остаются относительно стабильными. Степень их поддержки, решительная на начальном этапе трансформации, со временем лишь приобрела менее радикальное проявление. Единственное исключение составляет рост ожидания большего равенства в доходах.

¹ Ibid. S. 215.

² Коровицына Н. В. Некоторые аспекты социологических исследований в современной Польше // Славяноведение. 2013. № 5. С. 105–111.

³ Wartości i zmiany. S. 221.

Наиболее позитивно события 1989 г. спустя четверть века оценивали граждане Польши. И в отношении «плюсов» и «минусов» произошедших перемен самыми оптимистичными тоже оказались поляки. Среди стран «вышеградской четвёрки» однозначно наиболее благоприятные оценки эффективности евроинтеграции вновь демонстрировали поляки, свыше 3/4 которых свидетельствовали об успешности польского членства в союзе, тогда как всего 13 % высказывали противоположное мнение. Адекватный этим показателям самый выраженный в регионе экономический оптимизм «новых поляков» сочетается с материальным неблагополучием многочисленных в этой стране «проигравших» слоёв населения и значительной утратой независимости страны – не только экономической¹. Как свидетельствуют данные ЕИЦ, не только Польша, но и Восточная Европа в целом «правее» Западной. «Парадоксальный человек» (Ж. Т. Тощенко), не так давно повернувшийся к рынку и свободе, чем западноевропейцы, выше ценит их, в то же время демонстрируя традиционно больший этатизм, доверие к государственной форме собственности и ожидание активной роли государства в общественных делах. Восточноевропейская модель гражданственности отличается от западноевропейской, скандинавской и американской также сочетанием сильного политического отчуждения, низкого доверия власти, с одной стороны, и ожиданием более широких функций государства, большей от них зависимости и низкой предприимчивостью. Негативный образ власти и политиков приобретает в посткоммунистическом мире всё большее значение в условиях завышенных общественных ожиданий от государства. Но для Польши синдром «парадоксального человека», обнаруженный в России, наиболее характерен.

Особенностью политической самоидентификации поляков является соединение мировоззренческого традиционализма с левыми взглядами в экономической сфере, обусловленными довольно низким уровнем жизни и образования после системной трансформации, что сами они и называют консерватизмом. В противовес политическим взглядам западного типа польский

консерватизм отличается соединением традиционных обычаев и религиозности с поддержкой государственной интервенции в сфере экономики. Любопытно ещё одно характерное проявление парадоксальности сознания поляка: самоидентификация их по право-левой политической шкале определяется исключительно степенью тяготения к мировоззренческому либерализму и не связана с экономическими взглядами. Даже сторонники партий левого толка в такой же степени исповедуют одновременно моральный консерватизм и экономический либерализм, как большинство общества.

Таким образом, экономический либерализм негативно коррелирует с левыми политическими взглядами только в странах Западной Европы, тогда как в Восточной Европе отсутствует связь между декларируемыми левыми воззрениями и экономическим либерализмом². Спустя два десятилетия с начала трансформации политическая самоидентификация по лево-правой оси определяется в меньшей степени соответствующими традиционными представлениями и в большей – специфическими для поляков установками. отождествление себя с левыми или правыми зависит у них от выбора политической партии. В результате складывается ситуация, противоречащая классической политической теории, согласно которой политическая идентичность должна определять политическое поведение личности, а не наоборот. Специфика современной Восточной Европы заключается в предопределённости самоидентификации политическим выбором. Это соответствует тезису о том, что в постсоциалистических странах деление на правых и левых не опирается на стабильные мировоззренческие представления. В этом регионе налицо совершенно отличные от западных формы политической идентичности.

Не менее интересны результаты исследования характера и динамики политической активности поляков после 1989 г. Первые доступные для анализа данные по этой теме относятся уже к революции Солидарности августа 1980 г., когда проявилась крайне высокая массовая заинтересованность этой сферой. Большой интерес сохранялся и в период военного положения, одна-

¹ Коровицына Н. В. «Новые члены ЕС» в самооценках экономической ситуации // Мир перемен. Международный научно-общественный журнал. 2014. № 3. С.152–167.

² Wartości i zmiany. S. 265.

ко трансформация завершает этот процесс. Принадлежность к партии и партийная деятельность становятся маргинальными явлениями, и доля тех людей, в жизни которых политика крайне важна, уменьшилась ровно наполовину. Интерес к политике падает, и этот процесс продолжается в течение, как первого, так и второго послереволюционных десятилетий. Власть перестала олицетворять общественные надежды и ожидания, как прежде.

Жители Восточной Европы в целом меньше, чем западноевропейцы, интересуются политикой, она для них – даже членов политических партий и людей, активно в них работающих – реже «крайне важна». Меньше всего, как оказалось, интерес к политике выражен в центральноевропейском регионе, к которому принадлежит Польша. На польском материале – как и ранее на чешском¹ – установлена следующая очень важная закономерность: интерес к политике тесно связан с социальным статусом. Чем последний выше и стабильней, тем больше интерес. Активней в политике также образованные респонденты и жители крупных городов. Наконец, это те, в жизни которых Бог имеет меньшее значение и кто меньше доверяет Костёлу, но сторонники экономического либерализма, не склонные к этатизму и сторонники мнения, что люди сами должны о себе позаботиться, они против государственного контроля рынка и выше ценят возможность конкуренции.

Обнаруживается также большое различие между западной и восточной частями европейского континента. На Западе активной сторонники большей роли государства, не довольные своей жизнью, тогда как на Востоке – напротив, сторонники рынка, «правых», довольные своей жизнью и ситуацией в стране. Иными словами, в первом случае люди, недовольные своими действиями, пытаются поправить положение, а во втором – с политикой связаны, скорее, бенефицианты перемен². Аналогичная закономерность отмечалась чешскими социологами. По их данным, люди высокообразованные и наиболее удовлетворенные развитием демократии проявляют почти вдвое большее, чем

всё население, стремление участвовать в разрешённых демонстрациях. Неудовлетворённость непосредственно не связана с протестным поведением, которое служит скорее выражением потребности дальнейшего улучшения собственного положения.

Что касается выборной активности, то страны Восточной Европы демонстрируют гораздо более низкий, чем на Западе, процент участия в выборах, характерный для людей с правыми взглядами и антиэтатической ориентацией. Участие восточноевропейцев в политической жизни иногда может приобретать неконвенциональные формы – петиция, бойкот, демонстрация, забастовка, захват здания. Степень радикализации польского общества падала после 1989 г., наблюдалась политическая демобилизация населения. Рост готовности участвовать во всех формах протестного движения населения начался после 1999 г. И по этому показателю регистрировался описанный выше синдром. Готовность участвовать в протестном движении демонстрируют люди образованные, толерантные, во всех отношениях либерально-ориентированные, наибольшие противники традиционных ценностей и сторонники – постматериалистических, релятивистских, наименее религиозные, но более склонные к оккультизму, продемократически настроенные и, наконец, особенно негативно оценивающие социализм и позитивно – перемены после 1989 г. и верующие в свободный рынок как их главное идеологическое содержание.

Противоположная ситуация сложилась в Западной Европе. Здесь наиболее радикализованы симпатизирующие левым, отрицающие ценности экономической конкуренции и поддерживающие государственный патернализм, кто ниже оценивает возможности контроля собственной жизни. Подобный синдром ослабевает в направлении с запада на восток Европы, где совершенно другой набор факторов, детерминирующих протестную активность. Она не считается здесь легитимным способом борьбы за свои права, т. к. ассоциируется с протестом против власти. Учитывая же массовые нисходящие процессы социальной мобильности, низовые слои населения в Восточной Европе многочисленны и определяют негативную сущ-

¹ Коровицына Н. Чешский человек в первом десятилетии 2000-х годов (анализ материалов ЦИОМ АН ЧР). М., 2011.

² Wartości i zmiany. S. 301.

ность постсоциалистической демократизации рубежа веков¹.

Так какой же культурный смысл скрывается за понятием «Великая Перемена», первоначально называвшимся «переход к демократии», или шире – «общественная трансформация», а также «возвращение в Европу»? Провозглашавшийся универсальный характер т. н. «имитационной модели трансформации» основывался на идеализации капиталистического Запада, якобы представляющего из себя целостное пространство, куда до периода социализма будто бы входила и Польша. В постсоциалистический период сфера культуры действительно приобрела ключевое значение в жизни восточноевропейцев, став ареной противостояния национальных и импортированных с Запада ценностей.

Событиями «культурной войны» можно считать изменение системы ценностей у поляков в период их вестернизации. В период трансформации они входили с более важными ценностями семьи, труда и религии в их жизни и менее важными – друзей, знакомых, свободного времени. В последующем происходила унификация польской системы ценностей с западноевропейской. Она выразилась в эрозии традиционного образа семьи, росте за счёт семейных связей значения друзей и знакомых, напротив, снижении важности изначально намного более значимых для поляков по сравнению со средневропейскими показателей трудовых ценностей. Причём уровень удовлетворённости поляков трудом и ощущение степени свободы в принятии решений в процессе труда стали ниже западноевропейских, а восприятие труда как ценности инструментальной – дающей заработок – значительно важнее, чем в среднем по Европе. В основе этого процесса крылся распад существовавшей при социализме идеологии труда и переход к доминированию потребительской идеологии. С процессами секуляризации, хотя и медленными, дезинтегрировалось и единство Костёла, религии, культуры и общества. Данные ЕИЦ

¹ Коровицына Н. В. Четверть века после «бархатной революции»: как живете, словаки? // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 2. С. 77–84; Она же. Словацкое общество на пути модернизации после 1989 года // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 83–93.

1990, 1999 и 2008 гг. свидетельствуют о снижении участия в политике и интереса к ней. Демократия признается поляками, но её функционирование воспринимается во всех посткоммунистических странах негативно².

По силе проявления национальной гордости поляки лидируют среди европейских стран – 95 % их гордятся своей «польскостью». В течение прошедшего 20-летия наблюдалась тенденция уменьшения значения национальной идентификации поляков – особенно резкий её спад наступил после вступления в ЕС – и формирование приоритета местной (локальной) идентичности. Последняя в условиях глобализации является важнейшей для 2/3 европейцев и 4/5 поляков. Европейская идентичность крайне низка, причём в стране с сильными националистическими и популистскими партиями наблюдалось наибольшее в Европе её снижение в рассматриваемый период.

В посткоммунистических странах Восточной Европы, где в 1990-е гг. на первый план вышли самосохранение или выживание и безопасность, доминируют материалистические ценности. Там значительно реже, чем в Западной Европе, проявляется удовлетворённость различными аспектами жизни, потребность в общественно-политической активности, доверие и толерантность, поддержка демократии. Страны Центральной Европы – Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, а также Словения расположены на границе Западной и Восточной Европы не только в географическом, но и ценностном смысле: между преимущественно традиционалистической (наиболее сильной в Польше), светско-рационалистической (приоритетно – Чехия), материалистической (особенно в Венгрии) и постматериалистической (чаще в Чехии и Словении) культурами.

Что касается Польши, то здесь ныне господствуют скорее ценности традиционалистические, преимущественно материалистические, ценности выживания, безопасности и поддержания порядка, преобладающие над ценностями самореализации. На пороге трансформации культурные образцы экономических систем капитализма и социализма остро контрастировали, но уже спустя

² Коровицына Н. В. Чешское общество и демократический процесс // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 37–47.

несколько лет после начала перемен, инициированных реформами Бальцеровича, различия в представлениях в сильной мере сгладились. Они стали более реалистичными, хотя и оставались достаточно стереотипными¹. Возникшие в ходе системной трансформации общественные неравенства в Польше и остальной постсоциалистической Европе сформировали глубокий культурный раскол между людьми лучше образованными и экономически благополучными, имеющими жизненные перспективы и теми, кого либеральная трансформация страны оставила за бортом, для кого ответ на вопрос «А есть ли жизнь после перехода?» звучит отрицательно.

Вопреки всё ещё нередко бытующим и в России, и в Польше суждениям о польских реалиях как эталонно-превосходящих и совершенно отличных от российских, конкретные социологические исследования наших ближайших западных соседей демонстрируют многочисленные общерегиональные параллели и идентичности. Они доказывают необходимость и острую актуальность спустя три с половиной десятилетия возобновления нашего взаимного диалога хотя бы в научной плоскости, между гуманитарной интеллигенцией обеих стран.

¹ Wartości i zmiany. S. 339.

РАЗДЕЛ II ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

П. Шафраньский

МАРИЯ ДОБРОНЕГА – СУПРУГА ИЗ РУСИ. ПРИМЕР ПОЛЬСКО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В XI В.*

Мария Добронегга – одна из самых загадочных героинь раннего польского средневековья, сыгравшая при этом очень важную роль в истории страны и польско-русских взаимоотношений. Однако в польской историографии биография её пока ещё не создана, несмотря на то, что её жизнь описывается в книгах, посвящённых её супругу – Казимиру I Восстановителю¹.

Авторы, затронувшие личность Марии Добронегги в рамках своих научных исследований, почти никогда не выделяют для неё отдельную главу, примером чего может служить изданная в 2013 г. работа Г. Паца², затронувшая сюжет о женщинах в семьях правителей первых трёх веков существования Польского государства. Мария Добронегга находится на обочине всего повествования, в этой книге мы можем прочесть о ней только несколько строк. Единственными трудами, которые более подробно описывают жизнь Марии, являются, как уже указывалось, биографии Казимира Восстановителя: самая известная З. С. Петраса³ и последняя книга К. Друждж⁴. Польская княгиня более известна в российской историографии: так, Л. Е. Морозова посвятила ей в своей монографии целую главу⁵.

Многие проблемы, касающиеся личности Марии, упираются в отсутствие достаточно большого количества свидетельств и источников.

* Пер. с польск. И. К. Кима. – *Прим. ред.*

¹ Российская историография считает, что Казимир I возродил польскую государственность, чему соответствует его прозвище «Восстановитель». Польские же историки определяют его действия «обновлением», из-за чего в польской традиции закрепилось прозвище «Обновитель» (*Odnowiciel*).

² Pac G. *Kobiety w dynastii Piastów. Rola społeczna piastowskich żon i córek do połowy XII wieku. Studium porównawcze.* Toruń, 2013.

³ Pietras Z. S. *Kazimierz Odnowiciel: szkic.* Katowice, 1976 (1999).

⁴ Drożdż K. *Kazimierz Odnowiciel. Polska w okresie upadku i odbudowy.* Wodzisław Śląski, 2009.

⁵ Морозова Л. Е. *Великие и неизвестные женщины Древней Руси.* М., 2009.

Л. Е. Морозова отмечает: «В древнейших летописях ... мало сведений о каких-либо женщинах ...»¹, что в полной мере относится и к нашей героине. Как польские, так и русские летописцы, сообщают о ней мало сведений, в основном, только о её браке и смерти. Более того, даже поляки не всегда называли её по имени², а уж русские и вовсе никогда³, за исключением поздней и малодостоверной «Густынской летописи»⁴. Эти проблемы и являются главными причинами отсутствия вплоть до настоящего времени её полной биографии, но вовсе не оправдывают отсутствия даже упоминаний о ней.

Рамки статьи позволяет автору затронуть только три вопроса, связанных с Марией Добронеггой: происхождение, имя и брак с Казимиром. Происхождение является очень важной частью дискуссий, имя относится к проблемам культурной взаимосвязи Польши и Руси, а брак – непосредственно к отношениям двух государств.

Считается, что Мария была дочерью Владимира I Киевского и, предположительно, Анны Греческой⁵. В таком случае дата её рождения должна быть определена не позднее 1011 г.⁶ Многие авторы ссылаются на русские источники, потому что у западных хронистов не было достаточных сведе-

¹ Там же. Гл. 3.

² Напр.: Галл Аноним. *Хроника и деяния князей или правителей польских / пред., пер. и прим. Л. М. Поповой.* М., 1961. С. 51.

³ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.* М., 2006. С. 541.

⁴ *Густынская летопись // Полное собрание русских летописей.* Т. 2. СПб, 1843. С. 267. Литвина и Успенский упоминают эту летопись в примечаниях к указанной выше монографии, не признавая достоверными её свидетельства.

⁵ Морозова Л. Е. *Указ. соч.* Гл. 3; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. *Указ. соч.* С. 253, 541; Войтович Л. *Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVIст.): склад, суспільна і політична роль.* Львів. 2000. С. 31; Pac G. *Op. cit.* S. 506; Balzer O. *Genealogia Piastów.* Kraków, 1895. S. 89.

⁶ Войтович Л. *Указ. соч.* С. 31.

ний для упоминаний об этом событии. Галл Аноним в «Хронике и деяниях князей или правителей польских» упомянул только, что Казимир «взял себе в жены знатную девицу из Руси»¹. Другой польский хронист ошибочно написал, что отцом Марии-Добронеге являлся некий Роман, сын Одона, князь Руси. Это уже в 1895 г. опроверг Освальд Бальцер². «Саксонский анналист» содержит более точную информацию, чем польские хроники. Там указано, что Казимир женился на дочери короля Руси³. В русских источниках её, несомненно, определяют как дочь Владимира, называя княгиню «сестрой Ярослава». В похожих русских источниках, таких как «Софийская первая летопись» или «Лаврентьевская летопись», мы можем соответственно прочитать: «Ярославъ дасть сестру свою за Казимира»⁴ и «вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира»⁵. А. Кияс аргументирует своё мнение, опираясь на летописи⁶. Основываясь вслед за ним на этих источниках, можно не сомневаться в том, что Мария была дочерью Владимира и Анны.

Хотя З. С. Петрас все-таки предполагает, что Мария Добронеге приходилась Ярославу Мудрому не сестрой, а дочерью. Он обосновывает этот тезис её возрастом. По его мнению, Ярослав в то время интересовался замужеством своих дочерей и потому не хотел устраивать партии, возможно, имевшихся у него незамужних сестёр⁷. Это предположение, высказанное вопреки другим авторам, историографическая традиция легко опровергает. Второй женой Ярослава являлась Ингигерда Шведская, и, соответственно, она должна была бы считаться матерью Добронеге. Бабушкой Ингигерды являлась Сигрид Гордая, которая приходилась сестрой Болеслава Храброго, деда Казимира.

¹ Галл Аноним. Указ. соч. С. 51.

² Balzer O. Genealogia Piastów. S. 89.

³ Annalista Saxo // Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Hannoverae, 2006. S. 379.

⁴ Софийская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб., 1851. С. 138.

⁵ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. СПб., 1846. С. 67.

⁶ Kijas A. Ruś. Poznań, 2014. S. 60.

⁷ Pietras Z. S. Kazimierz Odnowiciel: szkic. Katowice, 1979. Zeszyt. 2. S. 143. К. Друждж считает происхождение Добронеге проблематичным. Drózdź Kł. Kazimierz Odnowiciel. Polska w okresie upadku i odbudowy. Wodzisław Śląski, 2009. S. 88.

В этом случае, Казимир был троюродным братом Ингигерды. Это достаточно близкое родство, но никакие источники не упоминают о препятствиях для заключения брака. У Марии Добронеге, как дочери Владимира, не могло быть никакой другой матери, кроме Анны Греческой. Невозможным было рождение Добронеге от ещё языческой жены, потому что тогда она должна была родиться не позднее 988 г., а эта данность не выдерживает никакой критики.

Имя «Добронеге» мы знаем по нескольким источникам, но, к сожалению, как уже упоминалось, не русских. В Польше хронисты записывали её чаще всего как «Добронеге (Доброгнева), которую иначе зовут Марией»⁸. Самая ранняя запись о ней в «Рочнике краковского капитула» называет её «Добронеге»⁹. Мы без сомнения можем принять эту форму¹⁰, поскольку эта фиксация соотносится с датой смерти княгини. Согласно этим источникам, в Польше её звали прежде всего «Добронеге», но было и имя «Мария». Упоминания в источниках подтверждаются исследованиями Г. Паца. По его мнению, в то время имя «Мария» в Польше не встречалось, зато имя «Добронеге» не было редкостью¹¹. Это утверждение присутствует и в «Малопольском рочнике», который повествует, что Казимир женился на «Марии»¹². Но, к сожалению, там нет записи о её смерти. В случае наличия таковой, мы, конечно, могли бы сопоставить её имя с моментом приезда в Польшу. Исходя из вывода Паца о том, что полякам было проще обращаться к жене Казимира как к Добронеге, Г. Тома на страницах своей книги указывает, что в Византии при вступлении в императорскую семью женщины, как с запада, так и востока, меняли имя. Такое событие заставляло женщину зачастую следовать существующей традиции, которая бытовала при дворе каждого

⁸ «... nomine Dobroniegam, alias dictam Maria ...». – Kronika Boguchwała i Godysława Paska / opr. W. A. Maciejowski // Monumenta Poloniae historica (далее – MPH) / Wydał A. Bielowski. T. 1. Lwów, 1876. S. 485. «... Dobrogniewa alias Maria ...». – Joannis Długossii seu Longini // Historiae Polonicae libri XII / instruxit Ignatius Żegota Pauli, cura et impensis Alexandri Przezdziecki. T. 1. Cracoviae, 1873. L. III. S. 393.

⁹ Rocznik kapitulny krakowski // MPH / wyd. A. Bielowski Bielowski. T. 2. S. 796.

¹⁰ Balzer O. Genealogia Piastów. S. 88.

¹¹ Pac G. Op. cit. S. 504–508.

¹² Rocznik małopolski / wyd. A. Bielowski // MPH. T. 3. Lwów, 1878. S. 144–145.

правителя¹. Не стоит забывать о значительном влиянии на Русь потестарных стратегий Византии, особенно при Ярославе Мудром, а также о том, что, скорее всего, Мария была дочерью происходившей из Византии Анны Греческой. Мы знаем два примера того времени, когда близкие Казимиру женщины меняли свои имена: так, его дочь Святослава в Чехии стала называться Сватава, а его сестра Гертруда, приехав на Русь, стала Олисавой².

Уже более поздние источники рассказывают о смене имени посредством крещения, и всегда – с «Мария» на «Добронега». Мы можем со всей уверенностью отвергнуть возможность того, что она была перекрещена в Польше. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский пишут о подобных упоминаниях, но уточняя: «нельзя полностью исключить возможность того, что в поздних источниках в существенно искажённом виде отразилась какая-то процедура получения русской княжной нового имени на родине своего мужа»³. Н. И. Щавелева не принимает свидетельства Яна Длугоша о переименовании, оценивая невозможной смену имени с христианского на языческое⁴. Остаётся добавить, что в роду Рюриковичей чаще всего в ходу было два имени – христианское и славянское. В Польше существовала похожая традиция – первое имя славянское и второе христианско-латинское (например, Казимир I – одновременно Кароль). Из источников следует, что его супруга приехала в Польшу с именем «Мария», которое можно считать христианским в представлении её родной Руси, и вторым, принятым на родине её мужа. Она не отказалась от имени «Мария», оно просто стало менее значимым вследствие её адаптации при дворе в Кракове.

Делая вывод, можно сказать, что она при рождении получила христианское имя «Мария» и другое, славянское, которого мы не знаем. Практически невозможно установить, изменила ли она своё славянское имя в Поль-

ше. Практика того времени, регион, а также упоминания в источниках подсказывают нам в пользу этой версии, но, скорее всего, установить её окончательно не представляется возможным. Мы можем только надеяться на «новости», аналогичные обнаруженным в Киеве и описанным Яниным. Известно, что уже в Польше княгиня представлялась как «Добронега-Мария», т. е. выдвигая славянскую часть на первое место, а христианскую – на второе.

Примечательно, что она достаточно долго оставалась незамужней. Отец умер, а потом о ней заботился брат и князь Руси в одном лице. Мы знаем, что в то время браки имели политический характер. Добронега-Мария была частью Руси и рода Ярослава, а в качестве будущей жены – продолжением направления его дипломатии.

Ярослав же строил великие планы. У него были хорошие отношения с Западной Римской (Германской) империей, он соперничал с Восточной Римской (Византийской) империей за власть на востоке, примером чего был поход его сына на Византию в 1043 г. Можно предположить, что Германия и Ярослав хотели изменить политическую ось христианского мира с «Ахен – Константинополь» на «Ахен – Киев»? Однако после войны с Польшей 1030–1031 гг. и восстановления червенских городов, ничто не указывало на интерес Ярослава к покорению территорий на западе. Граница находилась на самом дальнем этническом рубеже⁵. Подвинуть её на запад было почти невозможно, а удержать червенские города было не так легко. В этом направлении речь шла лишь о сохранении имеющегося положения. В итоге линия западной границы Древней Руси была определена. Никаких претензий, никаких территориальных приобретений не ожидалось. Более того, правитель, у которого Ярослав отнял червенские города, умер, оставив сына Казимира. Долгосрочного мира Русь могла добиться только дипломатическим путём. За налаживанием отношений последовал бы устойчивый мир на всём протяжении западной границы. Многие проблемы были связаны с литовцами, прусами и ятвягами на севере и их союзом с Моиславом, правителем

¹ Thoma G. Namensänderungen in Herrscherfamilien des mittelalterlichen Europa. Kallmünz, 1985. S. 169–190.

² Янин В. Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и её сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфия. 1963. Т. 4. С. 142–164.

³ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Указ. соч. С. 541.

⁴ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–IV). Текст, перевод, комментарий / под ред. и с доп. А. В. Назаренко. М., 2004. С. 388–389. Прим. 132.

⁵ См. Parczewski M. Problem Łędzian a kształtowanie się polsko-ruskiej rubieży etnicznej // Civitas Schinesghecumpertinentiis / red. W. Chudziak. Toruń, 2003.

Мазовии¹, который стал самостоятельным в связи с языческим восстанием в Польше, и пребыванием Казимира после смерти отца, вместе с матерью, в Германии.

Моислав потенциально являлся связующим звеном польско-русского союза². Конфликт Мешко II с Ярославом не играл уже никакой роли. В похожих отношениях Польша находилась не только с Русью, но и со всеми другими соседями: Германией, Чехией и Венгрией. В этот период все эти страны отторгли от Королевства Польского часть его земель. Сказывались также и отношения Ярослава с Германией. Казалось, он склонялся в сторону Германии для того, чтобы достичь полной независимости от Византии. З. Петрас утверждал, что русские опасались распространения западного варианта христианства на востоке³. Если принять это обстоятельство, то Ярославу пришлось было бы искать «точку равновесия» между Германской и Византийской империями, – страну, которая выступала бы союзником, опосредованно позволившим сблизиться с Германией и одновременно не претендующей на латинизацию Руси, чего, возможно, опасался Великий князь Киевский. Отличным решением этой проблемы мог стать Казимир: Ярослав сохранил бы западную границу и нашёл союзника для борьбы с Моиславом и балтами. Именно он, человек, состоявший в кровном родстве с правителем Германии, стал бы посредником в отношениях с империей. Польша была по политическим причинам слишком слаба, чтобы «экспортировать» латинизацию на восток. Более того, Казимир был холост, так что за него можно было выдать замуж сестру. Такая связь была бы прочной, очень прочной, и потенциальный зять, скорее всего, не пытался этому препятствовать. «До сих пор ни у какого польского правителя не было такой широкой поддержки на Руси, ибо доселе интересы обоих соседей в такой большой степени не совпадали»⁴.

Казимиру встречным образом необходим был политически значимый союзник в сопредельной стране. Проблемы в Польше происходили и из ослабления престижа династии⁵,

и выгодный брак должен был укрепить положение короля в глазах подданных, особенно польской знати. В Чехии правил Бржетислав, который посягал на Силезию, потери которой Казимир не мог допустить. Опираясь на Германию было опасно, поскольку это грозило вассальной зависимостью от неё, подобно Княжеству Чешскому. В Венгрии в 1038 г. произошла смена короля, и нахлынули внутренние проблемы. Осталась только Русь. Казимир знал, что единственным территориальным разногласием оставались червенские города, но для Польши они не считались первостепенными территориями. «Тонкая связь с князем давала ему (Казимиру. – П. Ш.) большую свободу и самостоятельность ...»⁶, – замечал З. С. Петрас.

Возможно, Германия оценивала такой брак полезным для себя и содействовала Казимиру в его заключении. Заметное участие в политике принимала его мать Рихеза, которая была немкой. Если у Руси возникли опасения связаться крепче непосредственно с Германией, а с другой стороны и Германия захотела бы того же, то Казимир являлся идеальным кандидатом.

Казимир заключил брак с сестрой Ярослава, Добронегой-Марией в Кракове⁷. Ранее они договорились о передаче имущества, сопровождавшей заключение брака⁸. Получив богатое приданое⁹, которое позволило ему усилить государство, он сам дал в качестве приданого (вено) восемьсот русских пленников, «кромъ женъ и дѣтей», взятых Болеславом Храбрым, о чём пишет «Повѣсть временныхъ лѣтъ»¹⁰. А. Кияс упоминает польских пленников, взятых в 1030–1031 гг. Ярославом¹¹. Возможно, что приданое складывалось и из этих пленников, или это был просто обмен. Русские летописцы упоминают только вено, а польские источники – приданое. Согласно такому взгляду на имущество, связанным с браком, они могли не записать никаких сведений о них. Каждый

⁶ Pietras Z. S. Op. cit. S. 112.

⁷ Joannis Długossii seu Longini. Op. cit. S. 277.

⁸ Pietras Z. S. Op. cit. S. 118–119.

⁹ Галл Аноним. Указ. соч. С. 51.

¹⁰ Лаврентьевская летопись. С. 67. Софийская первая летопись. С. 138. Вопреки данным Нестора, «Софийская первая летопись» говорит, что Казимир дал восемьсот пленников в качестве вено за Гертруду. Известие о браках Казимира и Изяслава разделяет запись о Моиславе. – Софийская первая летопись. С. 138.

¹¹ Kijas A. Op. cit. S. 58.

¹ Pietras Z. S. Op. cit. S. 69–70, 108–111.

² Ibid.

³ Ibid. S. 142.

⁴ Ibid. 123.

⁵ Drózdź K. Kazimierz Odnowiciel. S. 149.

хотел сохранить память только о пользе, тем более, если пленные входили в состав приданого, то Галл посчитал такие сведения лишними.

Самая дискуссионная проблема из жизнеописания Добронегии-Марии – дата брака. Она также является ключевой для хотя бы прояснения его причин. С одной стороны, она не известна историкам и активно обсуждается, но сначала стоит проанализировать, что оставили источники.

В «Хронике» Длугоша брак фигурирует под общей датой – 1041 г.¹, у «Саксонского Анналиста» под точной – 22 августа 1039 г.², а в русских источниках – под осень 6551 г.³ (иногда с допиской «въ си де времена»⁴). Точный год также записан в «Густинской Лѣтописи» – 6550 год (1042 г.)⁵. Дата в источниках варьируется между 1039 и около 1043 гг. Только время года сходное. Возможно, обе эти даты верны. «Саксонский Анналист» объединяет возвращение в Польшу, брак и рождение детей, и если день соотносить с возвращением, то союз мог быть заключён осенью.

Надо согласиться с О. Бальцером, что брак непосредственно связан с возвращением в Польшу⁶. О том же свидетельствует и запись в немецком источнике⁷. Однако разные историки называют разные годы, которые могут быть приняты, как научные гипотезы. Современник Бальцера С. Кентжинский сначала соглашался с ним, затем передвинул дату на 1039 г. и, в конце концов, поддержал версию 1043 г.

К. Друждж склоняется к периоду 1038/1039 – июнь 1042 г., К. Малечинский называет 1041 г., Х. Ловмянский – 1041/1042 гг., а Я. Беняк – вторую четверть 1042 г.⁸

Следуя установленной О. Бальцером связи между возвращением и браком, нужно определить год первого. Вероятно, это был 1039 г. Тогда заключение брака имело место в 1039/1040 г. Всё зависит от точной даты возвращения и момента сватовства Казимира к Добронегии-Марии. Если принять единственное уточнение «осень»⁹, то следует склониться к осени 1039 г. Казимир не мог тянуть с браком, ему нужна была срочная помощь.

Этот союз знаменовал новую эпоху в матримонимальной политике Пястов. При Мешко I, Болеславе Храбром и Мешко II главным направлением брачной дипломатии являлась Германия (7 из 12 или 13 браков). Со времени брака Казимира с Добронегией-Марией таким направлением стала Русь (8 из 20 союзов при Казимире, его сыновьях и Болеславе III)¹⁰. Значение поворота в русско-польской дипломатии, которому способствовал исследуемый брак, мы можем приравнять к венчанию Мешко I и Дубравки.

Личность Добронегии-Марии нуждается в написании отдельной биографии, но из-за отсутствия источников в большинстве случаев её заменяют проведение параллелей с другими женщинами того времени и догадками. Если преодолеть эти препятствия, то можно было бы составить более подробное и полное её жизнеописание.

¹ Joannis Długossii seu Longini. Op. cit. S. 276–277.

² Annalista Saxo. S. 379.

³ Софійская первая лѣтопись. С. 137–138.

⁴ Лаврентіевская лѣтопись. С. 66–67.

⁵ Густинская лѣтопись. С. 267.

⁶ Balzer O. Genealogia Piastów. S. 89–90.

⁷ Annalista Saxo. S. 379.

⁸ Kętrzyński S. Kazimierz Odnowiciel (1034–1058) // RAU Wydział Historyczno-Filozoficzny. 1899. T. 38. S. 325–326; Idem. Polska X-XI wieku. Warszawa, 1961. S. 445. Idem. Na marginesie «Genealogii Piastów» // Przegląd Historyczny. 1930. T. 29. S. 166. Ann 17. Drózd K. Op. cit. S. 91–94; Maleczyński K. Polska a Czechy w średniowieczu // Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobótka». 1947. Part 2. S. 7–18; Łowmiański H. Początki Polski. T. 6. Ch. 2. Warszawa, 1985. S. 86–87; Bieniak J. Państwo Mieczysława. Studium analityczne. Warszawa, 1963. S. 140–141.

⁹ Софійская первая лѣтопись. С. 138.

Д. Адамска

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРОЦЛАВСКОГО МЕЩАНИНА НИКОЛАЯ ФОН ПОППЛАУ И ЕГО ПОСОЛЬСТВА КО ДВОРУ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО ИВАНА III: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

В германской и польской историографии личность Николая фон Попплау известна уже почти 300 лет. Это заслуга не только его активности как путешественника, но и происхождения из одного из самых известных купеческих домов Вроцлава XV в.¹

Семейство Попплау² первоначально традиционно занималось торговлей сельдью, успешно проложив ещё в первой половине XV в. сеть торговых путей от портов Брабанта через Прагу, Вену до Торуня и Кракова³. Несколько десятков лет подряд они выступали посредниками в поставке как предметов роскоши, так и изделий повседневного пользования, особенно сукна и ниток. Динамично растущие доходы семьи, удачные браки с вроцлавскими купеческими кланами, а также участие старейшины рода в деятельности городского самоуправления дали свои плоды как для статуса семьи, так и для её обширных связей. Однако со смертью Яна в 1455 г., в условиях нестабильной политико-экономической ситуации в Центральной Европе, компания «Поппель – Шульц – Унгартен – Компани» постепенно начала терять деловых партнёров и залезла в долги⁴.

* Пер. с польск. И. К. Кима. – *Прим. ред.*

¹ В Силезии того времени, на территории которой находится г. Вроцлав, имелись княжества, состоявшие в ленных отношениях с Чехией. Однако в некоторых из них продолжали править представители польской династии Пястов, нередко проводя собственную, в том числе и античешскую, политику.

² Семейство вело своё происхождение из г. Легницы. См.: Jujeczka S. Duchowni średniowiecznej Legnicy. Studium prozopograficzne nad klerem diecezjalnym. Legnica, 2006.

³ Подробнее о торговых связях вроцлавян см.: Kopiński K. Gospodarcze i społeczne kontakty Torunia z Wrocławiem w różnym średniowieczu. Toruń, 2005; Myśliwski G. Relacje językowe w handlu dalekosiężnym Europy Środkowo-Wschodniej (do końca XV w.) // Komunikace ve středověkých městech / red. M. Čapský. Opawa, 2010. S. 53–80; Idem. Wrocław w przestrzeni gospodarczej Europy (XIII–XV wiek). Centrum czy peryferie? Wrocław, 2009.

⁴ О компаниисм.: Myśliwski G. Wrocław w przestrzeni. S. 161 et praesentia.

В итоге в 1523 г. семейное дело перестало существовать⁵.

Сведения о биографии Николая, самого младшего сына Яна, не позволяют произвести её полную реконструкцию. Известно, что он родился около 1440 г. (возможно, в 1433 г.) во Вроцлаве⁶. Затем в возрасте старше 10 лет, фиксируется его взнос за обучение в течение летнего семестра 1456 г. в университет Лейпцига (при этом не известно, продолжил ли и закончил ли он своё образование⁷). После смерти отца Николай работал вместе с братом Каспером в постепенно хиреющей семейной компании, и их деятельность сосредотачивалась, прежде всего, на торговле с Краковом. Представляется, что уже в то время Николай принял участие в вооружённом конфликте, который охватил Силезию в период правления чешского короля-гусита Иржи из Подебрада.

За защиту католической веры от агрессии «короля-еретика» он даже получил в 1469 г. от папы Павла II герб для его со-

⁵ Самый подробный очерк истории семьи см.: Petry L. Die Popplau: eine schlesische Kaufmannsfamilie des 15 und 16 Jahrhunderts. Breslau, 1935.

⁶ Pusch O. Die Breslauer Rats und Stadtgeschlechter in der Zeit von 1241 bis 1741 (Veröffentlichung der Forschungsstelle Ostmitteleuropa an der Universität Dortmund, Reihe B). Bd. 1. Dortmund, 1986. S. 352. Bd. 2. Dortmund, 1987. S. 414; Bd. 3. Dortmund, 1988. S. 256. Bd. 4. Dortmund, 1990. S. 316; Europäische Reiseberichte des späten Mittelalters Eine analytische Bibliographie / red. W. Paravicini. (Deutsche Reiseberichte / red. Ch. Halm). Frankfurt am Main, 1994. S. 220–223; Opisanie podróży Mikołaja von Popplau rycerza rodem z Wrocławia / opr. P. Radzikowski. Kraków, 1996. S. 7.

⁷ Die Matrikel der Universität Leipzig. Bd. 1: Die Immatrikulationen von 1409–1559 / ed. G. Erler // Diplomaticus Saxoniae Regiae. Bd. 16, 2. Leipzig 1895. № 89/1483–86. На эту сторону деятельности Николая обратили внимание: Europäische Reiseberichte. S. 220. Radzikowski P. Opisanie podróży. S. 7. Хотя об академическом образовании писал уже П. Пфотнехауэр в конце XIX века. См.: Allgemeine Deutsche Biographie. XXVI. 1888. S. 428–431. За ним корректировку биографии сделал К. Херберс. См.: Neue Deutsche Biographie / red. F. Menges XX. 2001. S. 629.

вместного использования семьёй Попплау, а также мещан из рода Айзенрайх и Кребель. Эта неожиданная информация до сих пор не находит, однако, подтверждения в известных источниках и, возможно, являясь геральдической легендой, оказалась подхвачена историками¹. Несомненно, семейство Попплау могло пользоваться знаком единорога и почётным титулом палатина после 1483 г. в силу двух императорских привилегий².

В возрасте старше 30 лет (в 1474 г.) Николай окончательно отказался от участия в купеческой фирме в пользу брата, придав этому решению законную силу соответствующей нотариальной записью и завещанием³. Последующие несколько лет его деятельность остаётся неизвестной. Он, возможно, сразу же поступил на службу Фридриху III Габсбургу, хотя определённые следы его присутствия при императорском дворе сообщают лишь упоминаемые выше документы 1483 г.

Почётное положение в связи с нахождением при императоре открыло новый и последний этап в жизни Николая фон Попплау – деятельность путешественника и писателя. Его странствия по Европе (в частности, по Австрии, Германии, Голландии, Англии, Португалии) продолжались три года и оценивались в литературе как смесь паломничества, *Grand Tour* и дипломатической миссии⁴. Несомненно, после возвращения во Вроцлав или в последний период своего европейского путешествия (1485–1486 гг.), Попплау написал сообщение, компилируя его из составленных наспех подробных дорожных заметок. Получателем описания должен был стать, вероятно, император Фридрих III, а также и путешественники-европейцы, поэтому в тексте нет недостатка ни в этнографических сведениях, ни в описании политического положе-

ния посещаемых территорий. Колоритные, достоверные, местами авантюрные записки из европейского опыта Николая, вызывают неослабевающий интерес исследователей. Привлекает внимание его вдохновение, которое черпалось из более ранних сообщений о путешествиях чешского магната Ярослава Льва из Рожмитала (в 1465–1467 гг.)⁵. Подчёркивается его свободное владение латынью и итальянским языком, а также широкая эрудиция, вытекающая из знания тогдашней литературы⁶. Привлекает его способ восприятия мира, обусловленный связью автора с культурой двора. Описания, сделанные пером Попплау, наполнены чувством чести и потребностью формировать престиж возведённого в рыцарское звание неопита. Это много говорит не только о системе ценностей автора, но также о восприятии себя и других в обществе Центральной Европы в конце XV в.⁷

Зарождение интереса исследователей к сообщениям о путешествиях Николая относятся к XVIII в. Тогдашний ректор гимназии в Легнице Йоганн Синапус (? – 1725), собирая материалы по истории силезской шляхты, использовал сообщения Попплау, разместив и краткую информацию о них⁸. Внимание к личности Николая было, несомненно, следствием очарования путешествиями и историей в эпоху нового времени. Это принесло свои плоды, когда в 1721 г. анонимный библиотекарь составил копии автографа сообщения Попплау (оригинал первоначально находился в частном владении барона из Вержбиц⁹). В конце XVIII в., вероятно всего, силезский историк и архивист Самуэль Бенджамин Клозе (? – 1798) опубликовал первое краткое содержание сообщения,

¹ Stein R. Der Ratunddie Ratsgeschlechterdesalten Breslau. Würzburg, 1963. S. 178–179; Pusch O. Op. cit. Bd. 1. S. 352. Opisanie podróży. S. 9.

² Fiedler J. Nikolaus Poppel, erster Österreichs in Russland // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. № 22. 1857. S. 190–192, 710, 192. Opisanie podróży. S. 9–10.

³ Klose K. (?) Der Fahrende Ritter // Schlesische Monatsschrift. Februar. 1792. S. 128–131.

⁴ Paravicini W. Der Fremde am Hof. Nikolaus von Popplau auf Europareise 1483–1486 // Fürstenhöfe und ihre Außenwelt. Aspekte gesellschaftlicher und kultureller Identität im deutschen Spätmittelalter / red. T. Zotz. Würzburg, 2004. S. 294.

⁵ Des Böhmischen Herrn Leos von Rožmítal Ritter-Hof- und Pilger-Reise durch die Abendlande 1465–1467. Beschrieben von zweien seiner Begleiter / ed. J. A. Schmelzer. Stuttgart, 1844. S. 4–142.

⁶ Opisanie podróży. S. 7–8, 10. Manikowska H. Jeruzolima – Rzym – Compostela. Wielkie pielgrzymowanie u schyłku średniowiecza. Wrocław, 2008. S. 406–407.

⁷ Paravicini W. Op. cit. S. 313–316; Krawiec A. Fremde Männer, fremde Frauen. Selbst und Fremdwahrnehmung in dem Reisebericht von Niklas von Popplau // Biuletyn Polskiej Myśli Historycznej. № 8. 2013. S. 255–280.

⁸ Sinapius J. Schlesischer Curiositäten erste Vorstellung, darinnen die ansehnlichen Geschlechter des schlesischen Adels mit Erzählung des Ursprungs der Wappen Genealogien, der qualificirtesten Cavaliere der Stamm-Häuser und Güter beschrieben [...] Bd. 1. Brieg, 1789. S. 718.

⁹ Opisanie podróży. S. 12.

опираясь на сделанную им в 1784–1785 гг. копию¹. Попытку опубликовать сообщение Попплау предприняли в 1806 г. редакторы недолго выходившего журнала *Schlesien ehedem und jetzt*, делая, однако, многочисленные сокращения и изъятия². Эти издания ввели личность и сочинение Николая фон Попплау в широкий круг интересов историков XIX в. (даже испанских и португальских)³, безуспешно разыскивающих пропавший автограф. В XX в. этот интерес несколько угас вплоть до 1990-х гг., когда было осуществлено первое критическое издание источника (с опорой на самую раннюю копию 1712 г.), а также его перевод на польский язык⁴.

Фундаментальное значение для биографов Николая фон Попплау имело открытие Н. М. Карамзина, сделанное им во время систематизации документов ликвидированного Посольского приказа, которые он использовал в своём многотомном труде⁵. В архивном деле «Книга Посольского приказа по дипломатическим сношениям с Австрией и Германской империей 1488–1517 г.» сохранилось сообщение о посольстве Попплау (называемого там Николаем Поппелем) ко двору Ивана III, сделанная Фёдором Курицыным – философом, писателем и сторонником ереси «жидовствующих»⁶.

Автор отчёта – личность необычайно активно вовлечённая в дипломатические коллизии и хорошо ориентирующаяся в политических ловушках современной ему Центрально-Восточной Европы, что имеет значение при исследовании содержания сообщения⁷. Выявление этого источника по-

зволило не только заметить Николая фон Попплау как доверенного посла императора, но и сориентироваться в развитии германо-польско-московских отношений эпохи, а также в уровне осведомлённости окружения Фридриха III об Иване III и его московском дворе. С XIX в. исследователи пытались интерпретировать выявленный источник, неоднократно вводивший в оборот ошибочные сведения, касающиеся даты посольств и подробностей из жизни Николая. Так, в 1928 г. анонимный автор, опираясь на загадочные «рукописи Коссаковского»⁸, первым познакомил польскоязычного читателя с сообщением, приводя одновременно неправильную дату миссии, а также не соответствующие действительности сведения, касающиеся родственных связей семейства Попплау (например, его женой должна была быть, согласно автору, Зофия из Жеротина)⁹.

Последующие поколения польских и немецких историков время от времени использовали московский отчёт, создавая отличающиеся подробностями более или менее удачные попытки реконструкции биографии посла, единодушно трактовали его путешествие как дипломатическую миссию, осуществлённую по поручению Фридриха III¹⁰. В 1996 и 1998 гг. Пётр Радзиковский, первый издатель критического описания путешествия Попплау, сделал также доступными для польских и немецких читателей переводы отчёта дьяка Фёдора Курицына о московском визите, опираясь на петербургское издание середины XIX в.¹¹ В современной историографии посол Николай фон Попплау

¹ Sinapius J. Op. cit. S. 12–13; Klose K. (?) Op. cit. S. 94–131. Подробнее см.: Marc L. Samuel Benjamin Klose (1730–1798). Studium historiograficzno-źródłoznawcze. Wrocław, 2003. S. 156, 187.

² Oelsner J. W., Reiche S.G. Reisebeschreibung Niclas von Popplau, Ritters, bürgerlich von Breslau // Schlesien ehedem und jetzt. 1806.

³ См.: Opisanie podróży. S. 16–17.

⁴ Oelsner J. W., Reiche S.G. Reisebeschreibung Niclas von Popplau, Ritters, bürgerlich von Breslau / ed. P. Radzikowski. Kraków, 1998.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI. СПб., 1830. С. 33, 245–249.

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. Книга Посольского приказа по дипломатическим сношениям с Австрией и Германской империей 1488–1517 гг. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, Том I. Съ 1488 по 1594. СПб., 1851, С. 1–12, 52–58.

⁷ Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. 1377–1499. Oświęcim, 2014. S. 327, 332, 335, 350, 370, 372, 394.

⁸ Возможно, имеются в виду какие-то записки литератора и поэта Юзефа Игнацы Коссаковского (?–1829).

⁹ На самом деле она являлась супругой чешского шляхтича Николая II из Лобковиц. См.: Opisanie podróży. S. 16.

¹⁰ См., например: Fiedler J. Op. cit.; Karge P. Kaiser Friedrich's III. und Maximilian's I. Ungarische Politik und ihre Beziehungen zu Moskau 1486–1506 // Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Bd. 1. 1893. S. 259–267; Uebersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Bd. 1. 1488–1605. Wien, 1906; Kahn H. W. Die Deutschen und die Russen: Geschichte ihrer Beziehungen vom Mittelalter bis heute. Köln, 1984. S. 31–32; Baczkowski K. Walka o Węgry w latach 1490–1492. Z dziejów rywalizacji habsbursko-jagiellońskiej w basenie środkowego Dunaju. Kraków, 1995. S. 19–21.

¹¹ Памятники дипломатических. Opisanie podróży. S. 152–167; Reisebeschreibung Niclas von Popplau. S. 180–195.

вновь вызывает научный интерес¹, что объясняет необходимость издания его сочинения с опорой на сохранившиеся архивные материалы (в том числе, его московское сообщение), сопроводив их соответствующей критикой.

Первый раз Николай фон Попплау отправился в путешествие ко двору Ивана III в начале 1487 г. или зимой предыдущего года с территории Инфляндии в направлении Москвы, используя, вероятно, подходящие погодные условия для поездки на санях. Несомненно, своё более раннее путешествие он завершил поездкой из Праги во Вроцлав, прибыв в столицу Силезии летом 1486 г.² Сам он признавал, что после краткого пребывания дома уже 29 сентября 1486 г. покинул город, не сообщая, однако, о цели очередного путешествия. В то время он был снабжён рекомендательными письмами, выданными в Чехии Владиславом Ягеллончиком, в том числе охранной грамотой для путешествия в Краков, а также другими рекомендациями, облегчавшими ему посещение европейских правителей³. Вероятно, в это время он отправился в краковскую резиденцию Казимира Ягеллончика⁴, официально как дворянин из свиты его брата Владислава⁵, хотя о всех действительных причинах путешествия мы можем только догадываться. Возможно, его пребывание там должно было послужить выявлению ориентации польского двора по поводу устанавливающихся имперско-московских отношений перед подготовкой миссии к Ивану III, а также взглядов польского

короля (и Великого Князя Литовского) относительно проблемы растущих претензий Москвы к территории Литвы. Жонглирование ловко добываемыми при дворах сведениями, а также знание скорости и успешности распространения новостей между правителями добавляли Попплау козырей во время дипломатических миссий и делали его более надёжной фигурой в глазах партнёров.

Насколько рискованной была эта игра, Николай убедился во время посольств в Москву, столкнувшись с трудностями налаживания доверительного диалога. Ведь ко двору Ивана III просочились сведения о службе Попплау у Владислава Ягеллончика, возможно, и о его связях с Краковом, что породило слухи о некоем брате Николая, подданном польского короля и других его польских связях⁶. Не без оснований Курицын отмечает страх посла за свою жизнь, а также его стремление вести переговоры с Иваном III без посредничества переводчика и присутствия бояр⁷. Впрочем, опасность могла исходить как со стороны сторонников Ягеллонов, так и недоверчивых москвитов. Вероятно, на образ гостя оказал влияние маршрут его путешествия. Пребывание дипломата в Кракове осенью 1486 г. натолкнуло Г. Юберсбергера на гипотезу, что в своё первое путешествие в Москву Попплау направился через двор Ягеллонов напрямую в Гродно⁸. Осторожность велела дипломату, однако, выбрать окружную дорогу: по суше из Кракова до Любека, а далее по морю до Ревеля, откуда через Инфлянты он мог добраться до Москвы (он так и сделал во второй раз). Именно такой маршрут, как самый удобный для связи с Германской империей, указал ему и Иван III⁹.

Не подлежит сомнению, что Попплау осуществил две дипломатические миссии ко двору Великого Князя Московского. По сообщению Фёдора Курицына, Николай Попплау в своей речи в адрес Ивана III должен был вспомнить о подробностях своего первого путешествия, отметив, что покинул московский двор «два года назад», то есть зимой (?) 1487 г., отправившись в Нюрнберг. Он не получил тогда никаких писем для императора, что сам представил как выражение проявле-

¹ См., например: Kijas A. Moskwa w relacjach polskich XVI i pierwszej połowy XVII wieku // *Oblicza Wschodu w kulturze polskiej* / red. G. Kotlarski, M. Figura. Poznań, 1999. S. 53; Sach M. Hochmeister und Grossfürst: die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Kiel, 2001. S. 106–107; Herbers K. Schlesische und andere Westeuropa-Reisende im 15. Jahrhundert // *Peregrinatio ad veritatem: studia ofiarowane Profesor Aleksandrze Witkowskiej OSU z okazji 40-lecia pracy naukowej*. Lublin, 2004. S. 115–116; Wolf S. Die Doppelregierung Kaiser Friedrichs III. und König Maximilians (1486–1493). Köln, 2005. S. 250. Последняя публикация: Czader A. Misja dyplomatyczna посла cesarza Fryderyka III, Nicolasa (Mikołaja) von Popplau do wielkiego księcia moskiewskiego Iwana III Wasylewicza – próba pozyskania Moskwy w walce habsbursko-jagiellońskiej o koronę św. Stefana // *Colloquia Russica*. Vol. 3. 2013. S. 214–223.

² *Opisanie podróży*. S. 151.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.* S. 159.

⁵ *Ibid.* S. 151.

⁶ *Opisanie podróży*. S. 156–157.

⁷ *Ibid.* S. 158–159.

⁸ *Ibid.* S. 159 ut s. 36; Uebersberger H. *Op. cit.* S. 4.

⁹ *Ibid.* S. 157.

ния взаимного доверия. Правда, исследователи полагают, что это было вызвано разведывательным характером миссии с задачей оценить отношение Ивана III к Матиашу Корвину, Габсбургам и особенно Ягеллонам¹, а также отсутствием доверия к силезскому гостю и его скромной свите. Попплау, согласно версии Курицына, должен был убедить князя, что устно передал императору (и другим монархам) сведения о неблагоприятном отношении Москвы к Казимиру Ягеллончику². Вопреки распространённому в литературе мнению, посол уже во время первой миссии привёз какие-то письма от Фридриха III, которые должны были удостоверить его личность и особенно – снять с него подозрения в шпионаже в пользу Ягеллонов. Они не давали, однако, возможности, согласно московскому отчёту, трактовать миссию как официальное посольство³. Впрочем, трудно представить, чтобы целью далёкого путешествия опытного дипломата стал, как он сам утверждал, лишь интерес путешественника. Интерес же императорского двора к связям с Москвой был замечен уже с 70-х гг. XV в.⁴, хотя знания о Московском государстве были туманными и опирались лишь на сообщения монахов ордена в Инфлянтах и итальянских купцов. Завоевание же благосклонности Ивана III стало срочной потребностью 80-х гг. XV в. после переговоров Москвы с Матиашем Корвином и взаимных посольских миссий⁵.

Вторая миссия Николая была старательно подготовлена по инициативе самого императора. Несмотря на серьёзную болезнь, от которой, по ряду сообщений, страдал находящийся в Нюрнберге Попплау, в декабре 1488 г. он получил рекомендательные письма от Фридриха III и Великого Магистра Немецкого ордена Пресвятой Девы Марии Яна Фрейтаг фон Лорингофена для обеспечения безопасности на границе между

Инфляндией и Псковскими землями⁶. Снабжённый таким образом посол в конце января 1489 г. отправился ко двору Ивана III и уже 31 января был при дворе⁷.

Цель и время путешествия были тщательно выбраны. Усиливающееся Великое Княжество Московское стало с 80-х годов XV в. самой значительной силой на востоке Европы, с которой могло конкурировать лишь Великое Княжество Литовское⁸. Непосредственное влияние на ускорение посольства (ведь Попплау болел) могли иметь сведения об ухудшающемся состоянии здоровья Матиаша Корвина и возможность габсбургско-ягеллонского столкновения из-за наследования венгерского трона. Имели значение и слухи об аналогичных притязаниях Великого Князя Московского, и собственно его политика по отношению к Литве. Ориентация в позиции Ивана III должна была позволить Попплау успешно провести переговоры с правителями Дании и Швеции в целях привлечения их к создаваемому в то время в Европе антиягеллонского союза⁹.

Официальной целью московского путешествия Попплау значилась попытка организации брака между Еленой, дочерью Великого Князя Московского, и Альбрехтом, сыном Екатерины Габсбургской, сестры императора¹⁰. Но и в этот раз объявленная причина миссии выступала лишь отвлекающим предлогом, маскирующим действительную дипломатическую игру. Ведь маркграф Баденский, кандидат в мужья дочери Ивана III, умер в Даме в конце июля 1488 г. в возрасте 32 лет, о чём, вероятно, знали и император, выдавший рекомендательное письмо, и сам посол. Предложения о браке Елены (позже также и младшей княжны Евдокии или Феодосии) менялись в ходе переговоров. Они являлись, однако, не случайными, а стара-

⁶ См. подробнее: Baczkowski K. Między Habsburgami, Jagiellonami a Moskwą: sytuacja polityczna Inflant w końcu XV wieku // *Studia Historyczne*. R. XXVIII. 1985. Z. 2. S. 181–200.

⁷ *Opisanie podróży*. S. 157.

⁸ Krupska A. Z dziejów tworzenia się nowego układu politycznego w Europie Wschodniej po upadku Złotej Ordy w XV w. // *Roczniki Historyczne*. № 42. 1976. S. 31–81.

⁹ *Ibid.* S. 157. Эти дворы были указаны самим послом как очередная цель путешествия. До сих пор не удалось, однако, получить каких-либо сведений о его пребывании в Швеции и Дании, кроме упоминания самого Николая относительно привезённых оттуда рогов северных оленей. Видимо, он находился там после отъезда из Москвы в 1489 г. до конца февраля 1490 г.

¹⁰ *Opisanie podróży*. S. 156.

¹ См. замечания: Baczkowski K. *Op. cit.* S. 19.

² *Opisanie podróży*. S. 154.

³ *Ibid.* S. 155.

⁴ Heinig P. J. Römisch-deutscher Herrscherhof und Reichstag im europäischen Gesandtschaftssystem an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit // *Gesandtschafts und Botenwesen im spätmittelalterlichen Europa Schwinges* / ed. Ch. Rainer, K. Wriedt. Stuttgart, 2003. S. 225–263.

⁵ Подробнее о тогдашней ситуации см.: Czader A. *Op. cit.* S. 214–217.

тельно подготовленными императором и его послем, о чём свидетельствует странствование Попплау по дворам этих кандидатов до 1486 г. От Николая исходили предложения разных кандидатур: саксонского курфюрста Фридриха III Веттина (скорее, его младшего брата Иоганна Твёрдого, которого посол называл курфюрстом), Сигизмунда Гогенцоллерна, маркграфа Байрота и даже двух его умерших в младенчестве братьев. Должна была также состояться беседа о кандидате, которого Иван III прочил в женихи для своей дочери – германском короле и сыне императора Максимилиана, но Попплау объяснил, что тот уже женат¹. Миссия, по свидетельству Курицына, должна была носить секретный характер, чему и служила маскировка цели путешествия Николая. Вплоть до границ Великого Княжества Московского он поддерживал у слуг мнение, что совершает паломничество в Иерусалим (маршрутом через «Татарские поля»), чтобы посетить Гроб Господень². Эти сведения сформировали бытующее до сих пор мнение о паломничестве Николая фон Попплау в Святую Землю³, хотя в источниках подтверждено лишь присутствие в Иерусалиме его предков из Легницы Павла и Таммо⁴. Несомненно, Николай во время своего трёхлетнего путешествия в 1483–1486 г. (которое сам, впрочем, называл паломничеством) посетил много знаковых для пилигрима мест, в том числе могилу Св. Якова в Сантьяго де Компостела в 1484 г.⁵

¹ Это, впрочем, не соответствовало действительности: в 1482 г. умерла его первая жена Мария Бургундская, а в 1492 году он женился на Бьянке Марии, миланской герцогине. А промежутках между браками, в 1490–1492 гг., Максимилиан был обручен с Анной Бретонской.

² *Opisanie podróży*. S. 156.

³ Последняя публикация такого рода: Ganz-Blättler U. *Andacht und Abenteuer: Berichte europäischer Jerusalem- und Santiago-Pilger (1320–1520)*. Tübingen, 2000. S. 392. Ряд авторов уже давно не верил в паломничество. См., например: Röhricht R. *Deutsche Pilgerreisen nach dem Heiligen Lande*. Gotha, 1889. S. 184.

⁴ Wiesiołowski J. *Pielgrzymi do Ziemi Świętej w świetle księgi suplik Penitencjarii Apostolskiej z lat 1410–1411 // Jeruzolima w kulturze europejskiej / red. T. Zadrozny, P. Paszkiewicz*. Warszawa, 1997. S. 197.

⁵ *Opisanie podróży*. S. 61. Wiesiołowski J. *Die polnischen Reisen nach Compostela im 14. und 15. Jahrhundert. Diplomatische Beziehungen und adeligen Bildungsideal // Der Jakobuskult in Ostmitteleuropa. Austausch – Einflüsse – Wirkungen / red. K. Herbers*. Tübingen, 2003. S. 91; Kucharski A. *Hiszpania i Hiszpanie w relacjach Polaków: wrażenia z podróży i pobytu od XVI*

Эти сведения происходят из повторяемых с XVIII в. сообщений, что якобы Попплау ушёл из жизни в Александрии в 1490 г. на обратном пути из Святой Земли. Представляется, что Николай действительно умер летом этого года, но в Нюрнберге, откуда имеется последнее свидетельство о его деятельности⁶. Оно представляет собой письмо Попплау, направленное Ивану III вместе с дарами – золотыми нашейными украшениями (монистами и ожерельем) и дорогими тканями для князя и его сына⁷. В Москву дары попали в начале сентября 1490 г. со слугой Николая Иоганном Шедером⁸. В письме Попплау просил послать императорскому двору трёх или четырёх северных оленей, которых он называл лосьями-элеутами (от немецкого слова *Elenthier*) из-за импозантных рогов, известных императору по дарам от шведского правителя, и прислать одного кочевника, называемого гулятином, который питался бы сырым мясом⁹. Иван III, обиженный официальным тоном письма, ведя уже собственную дипломатическую игру при посредничестве других послов, не принял даров от Попплау, не передал никаких писем для Фридриха III¹⁰ и не выслал ожидаемых даров. Более того, он немедленно выслал из Москвы Иоганна Шедера, одарив его соболями¹¹.

Возвращаясь к московскому посольству 1489 г., добавим, что предложения относительно брака дочерей Ивана III не были единственными, подготовленными императором. Браки такого рода не привлекали Ивана III из-за его убеждения (в то время ещё без глубокого знания ситуации в империи) о маргинальной роли кандидатов, как императорских ленников и мелких удельных владетелей. Кроме того, возможно, при посредничестве его жены Зои и свёкра Андрея Палеолога с польской стороны уже тогда велись какие-то переговоры, которые

do początków XIX w. Warszawa, 2007. S. 113; Manikowska H. *Op. cit.* S. 370.

⁶ *Opisanie podróży*. S. 14–15, 166. Он уже ранее дважды серьёзно болел, последний раз в период между февралём и апрелем 1490 г.

⁷ Для старшего сына, князя Ивана Молодого, который умер в начале марта 1490 г., о чём Попплау не знал.

⁸ *Ibid.* S. 164–165. См: Fiedler J. *Op. cit.* S. 215–216.

⁹ *Opisanie podróży*. S. 165; Fiedler J. *Op. cit.* S. 216.

¹⁰ Он уже в то время общался с послом Максимилиана I ДжорджоделаТоре.

¹¹ *Opisanie podróży*. S. 166–167; Fiedler J. *Op. cit.* S. 216–217.

весной 1490 г. завершились более интересной брачной партией для Елены Ивановны¹. Другим предложением от Николая Попплау выступила корона для Ивана III, которую император мог бы возложить на него. Как и в случае плана брака, оно являлось, скорее, попыткой выяснить ориентацию Ивана III в европейских делах. Возможное согласие свояка Палеологов (при всём его мало правдоподобии, равно как исполнении этого обещания императором) угрожало восточной политике Казимира Ягеллончика, Короля Польского и Великого Князя Литовского. Одновременно, предложение должно было обеспечить спокойствие императору в деле якобы имевших место претензий Ивана III на трон Священной Римской империи (в результате брака с Зоей)². Слухи о московских стараниях должны были кружить по Европе, и задачей речи Попплау могло стать явное внимание к тому, что обладателем королевского достоинства является не папа Иннокентий VIII, а император Фридрих III³.

Путешествие Попплау как первый официальный контакт императора с Великим Князем Московским дало плоды в форме установления дипломатических отношений. Ещё в марте 1489 г. к Фридриху III был направлен посол, греческий эмигрант Георгиос Траханиотес⁴, а в июле в Москве находился императорский посланник Джорджо де ла Торре (Георг Турн). Однако последний вёл переговоры, прежде всего, от имени короля Максимилиана, который ожидал военной поддержки во Франции и Фландрии, помощи в антитурецком крестовом походе, а также создания антиягеллонского союза⁵. В августе 1490 г. в Москве обе стороны подписали союзнический трактат против Ягеллонов,

предусматривающий общие действия в случае угрозы «отечеству», то есть Венгерскому королевству (Максимилиана) и Киевскому княжеству (на него претендовал Иван)⁶. Несмотря на выдвигаемые на протяжении двух лет де ла Торре предложения выдать московскую княжну за самого Максимилиана I, трактат окончательно потерял силу вместе с подписанием в 1491 г. Владиславом Ягеллончиком выгодного для Габсбургов договора в г. Пожони (ныне Братислава)⁷.

Очень интересный источник, каким является сообщение 1489 г. о посольстве Николая фон Попплау, в свете исследований до сегодняшнего дня представляет собой единственное свидетельство двукратного посещения Москвы императорским посланцем из Вроцлава. Действительная цель миссии и проводимая им тонкая дипломатическая игра предопределяют интерпретацию настоящих причин прежних и последующих его путешествий по дворам европейских властителей, а также объясняют степень подробности отчёта о трёхлетнем объезде Европы. Путешественник, внимательный наблюдатель сложной ситуации Центральной Европы XV в., Попплау в действительности являлся доверенным лицом Фридриха III и ловким дипломатом. О его подготовке к порученным миссиям могут свидетельствовать как эрудиция в его сообщениях, так и умение пользоваться чужими языками. На последнее указывает свободное владение латынью, итальянским языком и, прежде всего, полонизмы, которые Попплау вставлял в речах, произносимых Ивану III. В документе, выданном Великим Магистром крестоносцев наместнику Пскова, а также в просьбе Николая Ивану III, цитируемых Курицыным, посол выступает даже с полонизированной фамилией *из Поплева*⁸. Многолетний опыт купеческой семьи и особенно самого Николая и его брата торговли с Краковом, а также знакомство с дворянами Владислава Ягеллончика (в частности, с известным ему ещё с молодых лет королевским послом Альбериком Соколовским)⁹ могли дать свои плоды в ориентации в польском языке.

¹ Duczmal M. Jagiellonowie: leksykon biograficzny. Warszawa, 1996. S. 247.

² Тезис о стремлении московского князя получить императорскую корону по-прежнему является дискуссионным, см.: Chojnicka K. Narodziny rosyjskiej doktryny państwowej: Zoe Paleolog – między Bizancjum, Rzymem a Moskwą. Kraków, 2001; Chojnicka K. Idee towarzyszące procesowi uzyskiwania przez Moskwę dominacji // Oblicza Wschodu. S. 43–44.

³ Eadem. Narodziny rosyjskiej. S. 141–142.

⁴ Uebersberger H. Op. cit. S. 15. См.: Sach M. Op. cit. S. 105–106.

⁵ Bojko K. Początki stosunków dyplomatycznych Wielkiego Księstwa Moskiewskiego z Rzeszą Niemiecką (1486–1493) // Studia Historyczne. R. XXXVII. 1995. Z. 2. S. 155–156; Smółucha J. Papięstwo a Polska w latach 1484–1526: kontakty dyplomatyczne na tle zagrożenia tureckiego. Kraków, 1999. S. 60.

⁶ Baczkowski K. Rady Kallimacha. Kraków, 1989. S. 59; Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I. Bd. 1. Jugend, burgundisches Erbe und Römisches Königtum bis zur Alleinherrschaft. 1459–1493. München, 1971. S. 296.

⁷ Baczkowski K. Walka o Węgry. S. 136.

⁸ Opisanie podróży. S. 161.

⁹ Ibid. S. 150–151.

Одновременно следует помнить, что сохранившееся сообщение о посольстве в Москву остается трудным для интерпретации. Ведь это не эго-документ (как сообщение от 1483–1486 гг.), а стенограмма переговоров и произнесённых при дворах речей, составленная Фёдором Курицыным. Тем самым, представляется невозможной полная реконструкция хода посольства Попплау и его действительных устремлений, а также точного определения, где в сообщении имеется вмешательство пера самого Курицына. Тем более, что последний был не только составителем протокола визита, но также и пере-

водчиком с немецкого и, прежде всего, опытным дипломатом, которому не чужды были хитросплетения тогдашних европейских союзов (он отправлялся, в частности, послом ко двору венгерскому – Матиаша Корвина и молдавскому – Стефана III Великого). Он позволил себе даже внести в протокол посольства сведения «на память», касающиеся способа избрания короля Германской империи, полученные, впрочем, вероятно, от самого Николая Попплау, о чём свидетельствуют ошибки и умалчивания, отражающие симпатии и знакомства того с курфюрстами-выборщиками императора².

М. Э. Ковальчик

ПУТЕШЕСТВИЕ АННЫ ПЛЯТЕР В МОСКВУ НА КОРОНАЦИЮ ПАВЛА I*

68

Павел I (1754–1801), сын Екатерины II (1729–1796) и Петра III (1728–1762), достиг возраста 42 лет, когда пришёл к власти в российском государстве. Его путь к трону был нелёгким. Во время правления матери, которая явно демонстрировала ему свои неприязнь и пренебрежение, он был полностью отстранён от двора и влияния на дела управления. Многие годы местом пребывания Великого князя являлась Гатчина, расположенная в нескольких десятках километров на юго-запад от Петербурга. Здесь у него был собственный двор и войско, которое он неустанно муштровал, приучая к суровой прусской дисциплине. После внезапной смерти Екатерины II 6 ноября 1796 г. самой главной задачей Павла стала быстрая легитимизация собственной власти в связи с кружащими слухами о завещании, в котором императрица передавала трон внуку, Великому князю Александру¹. Адам Ежи Чарторыйский, который находился на Неве с мая

1795 г., наблюдая за изменениями на российском троне, отмечал в дневнике: «Павел в течение долгих лет изоляции и ожидания составил для себя всё, что замыслил осуществить, как только будет иметь власть в своих руках. Поэтому также изменения, новые постановления и действия с неслыханной быстротой наступали одно за другим»³.

Новый царь демонстративно похоронил ненавидимую им мать вместе с эксгумированными останками Петра III, свергнутого и убитого в 1762 г. гвардией, которая, как известно, действовала с ведома и согласия Екатерины II. Он отстранил от двора фаворитов умершей императрицы (в частности, Платона Зубова и Григория Потёмкина), освободил нескольких опальных писателей и мыслителей (в том числе Николая Новикова и Александра Радищева), а также выпустил из тюрем многих поляков – участников восстания под предводительством Костюшко (в частности, самого Тадеуша Костюшко, Юли-

* Пер. с польск. И. К. Кима. – *Прим. ред.*

¹ Bazylow L. Historia Rosji. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź, 1985. S. 239–242; Wójcik Z. Dzieje Rosji 1533–1801. Warszawa, 1971. S. 327–330.

² Opisanie podróży. S. 162.

³ Czartoryski A. J. Pamiętniki i memoriały polityczne 1776–1809 / wstęp i oprac. J. Skowronek. Warszawa, 1986. S. 208.

ана Урсына Немцевича и Игнацы Потоцкого). По сообщению Чарторыйского, Павел I, освобождая Костюшко, сказал что «если бы был на троне, не позволил бы разделить Польшу, что сожалел, что этот несправедливый и неполитический акт имел место, но поскольку он уже был совершён, у него не было полномочий отменить его, и он был обязан его выполнять»¹. Император пригласил в Петербург короля Станислава Августа Понятовского, который в ноябре 1794 г. в Гродно отрёкся от польского престола. Лишённый трона польский монарх прибыл на берега Невы в марте 1797 г. и провёл там одиннадцать последних месяцев своей жизни².

Проявлением стремления Павла I усилить свои позиции выступило его решение ускорить срок коронации, которая обычно проходила в Москве. Эта церемония была назначена на апрель 1797 г. Участие в ней должны были принять по семь делегатов от дворянства, выбранных собраниями каждой губернии. Среди них оказались и представители бывших земель Речи Посполитой, которые в результате трёх разделов вошли в состав российского государства³.

В Литовском государственном историческом архиве в Вильнюсе хранится написанный на польском языке дневник путешествия в Москву от 1797 г. на коронационные торжества Павла I, авторство которого приписывалось делегату Полоцкой губернии Августу Гиацинту Плятеру (ок. 1745–1803). Даже поверхностного изучения записок достаточно, чтобы утверждать, что они не принадлежат Плятеру. Уже в первом предложении, написанном 5 марта 1797 г., присутствует форма глагола «я имела», которая явно указывает, что дневник вышел из-под пера женщины: «Когда мы должны были выезжать из дома, чтобы прибыть в назначенный день пятнадцатого [апреля] в Москву, не буду распространяться о сожалении, которое я имела, покидая дом и детей и пускаясь в такое далёкое путешествие, выделяя только то, что лишь является моим намерением: то есть описать весь дневник нашего путешествия»⁴. Рукопись была написана

на 13 узких листках бумаги почерком с незначительным количеством зачёркиваний и поправок, старательным и оттого читаемым. Углубленный анализ содержания «Дневника путешествия в Москву в [год]у 1797» позволяет утверждать, что написала его женщина, муж которой являлся делегатом от Полоцкой губернии на указанной коронации, владельцем Краслава и родственником Михала Казимира Огиньского (1730–1800), Великого гетмана Литовского. Вышеприведённые сведения не оставляют сомнений, что автором записок являлась первая жена Августа Гиацинта Плятера Анна Жевуская (1761–1800)⁵.

Август Гиацинт приходился младшим сыном Августы Огиньской (1724–1791) и Константы Людвика Плятера (1722–1778), троцкого (тракайского) каштеляна⁶. Тем самым, по матери он приходился родственником Великого гетмана Литовского. У молодого Плятера было два брата – Казимир Константы (1749–1807), подканцлер литовский и Юзеф Винценты (1745–1806), каштелян троцкий⁷, а также три сестры – Розалия, Анна и Мария. После смерти отца в 1778 г. Август Гиацинт получил в наследство Краслав с великолепной резиденцией, окружённой прекрасным садом. Великой заслугой его родителей стал их вклад в развитие города. Они возвели ратушу, ларьки, библиотеку и больницу, а рыночную площадь застроили каменными домами, в которых поселили ремесленников, переселённых, в частности, из Германии. Краслав быстро прослыл местом производства оружия, повозок и даже игральных карт. Августа и Константы Людвиг Плятеры заложили там и костёл Св. Людвика, который с одобрения польского Сейма 1768 г. стал кафедральным собором в Инфлянтах. Динамичное развитие города прервал Первый раздел Польши 1772 г., в результате которого Краслав оказался в границах российского государства⁸.

⁵ Первый раз на это обратил внимание Я. Чубаты. См.: Czubały J. Droga na koronację. Anny z Rzewuskich Platerowej podróż z Krasławia do Moskwy // Społeczeństwo w dobie przemian. Wiek XIX i XX. Księga jubileuszowa profesor Anny Żarnowskiej. Warszawa, 2003. S. 73–85.

⁶ Zielińska Z. Plater Konstanty Ludwik // Polski Słownik Biograficzny. T. 26. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź, 1981. S. 672–675.

⁷ Zielińska Z. Plater Kazimierz Konstanty. Plater Józef Wincenty // Ibid. S. 662–663, 665–672.

⁸ Konarski S. Platerowie // Materiały do biografii, genealogii i heraldyki polskiej. Źródła i opracowania. T. IV. Buenos Aires–Paryż, 1967. S. 55–58.

¹ Czartoryski A. J. Op. cit. S. 212.

² Bazyłow L. Polacy w Petersburgu. Wrocław–Warszawa–Kraków – Gdańsk – Łódź, 1984. S. 61–66.

³ Mościcki H. Dzieje porozbiorowe Litwy i Rusi. Wilno, 1910. T. 1. S. 406.

⁴ Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). Ф. 1276. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.

В начале 1780-х годов молодой наследник Краслава взял в жёны Анну Жевускую, дочь княжны Катажины Каролины Радзивилл (1740–1778) и Станислава Фердинанда Жевуского (1737–1786), Великого хорунжего Литовского¹. В Вильнюсском историческом архиве хранится «Ода на свадебный акт Ясновельможного Пана Плятера с Ясновельможной Панной Жевуской»². У Анны было ещё четверо сестёр и братьев – Франциска, Теофила, Адам и Северин. Теофила после смерти Анны стала женой Августа Гиацинта Плятера и мачехой достаточной большой кампании сестёр и братьев, ведь у Анны и Августа Гиацинта Плятеров имелось большое потомство – четыре дочери и пять сыновей. Восемь детей родились до 1797 г.³, т. е. до поездки в Москву. Поэтому нет ничего удивительного, что, отправляясь в далёкий путь, Анна с грустью расставалась со своими чадами, что не преминула подчеркнуть на страницах дневника⁴.

Записки, которые Плятер ежедневно вела с 5 марта до 20 апреля 1797 г., чётко делятся на две части. Первая охватывает период от выезда из Краслава до прибытия в Москву 14 марта, в свою очередь, вторая – пребывание в городе, подготовку к коронации и участие в торжествах, с ним связанных. Однако Анна Плятер не описала обратного пути. Дневник обрывается 20 апреля предложением: «Сегодня к путешествию уже готовы, после обеда мы решились выехать»⁵. Трудно угадать причину неожиданного обрыва её записок. Возможно, она возвращалась тем же самым путём, которым ехала в бывшую российскую столицу на торжества коронации, и поэтому посчитала излишним продолжать фиксировать впечатления. В любом случае, дорога из Краслава до Москвы шла через Полоцк, Витебск, Смоленск, Вязьму и, согласно автору дневника составила 795 вёрст⁶. Используя сеть почтового сообщения или нанимая средства передвижения у местного населения, это расстояние было прео-

долено за десять дней. Со страниц дневника мы, впрочем, узнаём, что «постоянной почты во всей России нет, есть только императорские деревеньки, ... в них крестьяне нанимаются как на почте, ... кони у них хорошие и везут хорошо, но крадут ещё лучше»⁷.

Важным элементом повседневной жизни в путешествиях выступал постоянный двор: там питались, восстанавливали силы, предавались сну. В конце XVIII в. для путешественника по освоённым маршрутам найти корчму не представляло большой проблемы. Ведь вместе с развитием почтового сообщения параллельно имели место инвестиции в инфраструктуру. На важных почтовых трактах находились постоянные дворы для путешествующих, чаще всего объединённые с почтовыми станциями. Они, как правило, относились к почте и располагались на определённом расстоянии друг от друга⁸. По дороге от одного селения до следующего путешествующий встречал обычные корчмы, которые могли удовлетворить его основные потребности: что-то съесть, переночевать, часто также сменить упряжку лошадей. В больших городах постоянные дворы находились как в центре, так и на окраинах, и найти там свободное место обычно не составляло проблемы. Конечно, степень комфорта зависела от уровня зажиточности региона, и была более высокой на чаще проезжих трактах. На слабо урбанизированных территориях с низкой плотностью населения прибывшие были неизбежно обречены на худшие условия проживания и питание. Плятеры, видимо, оказались в череде последних, поскольку в ходе своего путешествия непрерывно жаловались на примитивные и убогие корчмы. В Полоцке, до которого они добрались 7 марта, обнаружилась только одна корчма, в которой не было «ничего более мерзкого, чем хозяева этого места. Сам [хозяин] с красными и страшными глазами, из которых один, казалось, выпадал, сама же [хозяйка] должно быть с каким-то дефектом сделана, поскольку ходьба её это показывает, вонь же была неопишная»⁹. Ещё

¹ Anusik Z., Stroynowski A. Rzewuski Stanisław Ferdynand // Polski Słownik Biograficzny. T. 34. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1992–1993. S. 159–163.

² ЛГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–2.

³ Zielińska Z. Plater August Hiacynt // Polski Słownik Biograficzny. T. 26. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź, 1981. S. 647–649.

⁴ ЛГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 13 об.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 3 об.

⁸ См.: Ковальчик М. Э. Повседневная жизнь поляков во время путешествий в Петербург во второй половине XVIII века // Туризм и культурное наследие. Саратов, 2015. Вып. 10. С. 50–56; Zimowski L. Geneza i rozwój komunikacji pocztowej na ziemiach polskich. Warszawa, 1972. S. 193–224.

⁹ ЛГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 об.

худшие впечатления остались у путешественников от пребывания в Вязьме, где хозяин скверного постоялого двора не только содрал с них деньги, но ещё и имел наглость просить займы пять рублей, в чём ему решительно было отказано¹.

Плятеры обычно использовали свободное время при остановках, связанных с кормлением лошадей или сменой упряжки, чтобы посетить окрестности. Анна кратко и толково описывала достопримечательности осматриваемых городов. Значительно больше места она отводила характеристике мест, через которые проезжала: хозяйства, а также обычаев населявших их людей. Так, например, в дороге из Полоцка в Витебск она с волнением фиксировала, как «среди поля выскакивали толпы малых детей» и бросались под колёса их кареты, прося милостыню. «[Глядя] На такой неприятный вид, — отмечала в дневнике польская аристократка, — мы велели почтальону остановиться, понимая, что в слишком бедное и несчастное место мы въехали, но почтальон заверил нас, что обычно это делают, когда деревня ... умышленно учит этому своих детей»².

Москва не вознаградила польских путешественников за трудности и неудобства путешествия. Они добрались до города 14 марта, «перед заходом солнца», остановившись на ночлег в малоудобном постоялом дворе, за который было немало заплачено. Нахождение приличного жилья за разумную цену граничило с чудом из-за огромного количества людей, которые съехались в Москву на коронационные торжества. Однако уже на следующий день супруги остановились на Тверской улице. «За месяц нам велели платить руб. 200. Духота этих станций и неудобства путешествия. Сразу мне там постель застелили»³, — записала Плятер 15 марта. На третий день они нашли более подходящее жильё, находившееся на Лубянке. Оно имело «комнаты две удобные, гардероба два, помещения для слуг два, тёплые сени, кухню и помещение для карет, за это рублей 130 за месяц»⁴. На новое место они переехали 17 марта. В тот же самый день Анна записала на страницах дневника: «Город Москва такой протяжённый и обширный, что никто пеш-

ком ходить не может. ... Поэтому находясь в этом огромном городе, можно догадываться, какая это неприятность для тех, кто, никого не зная, попал сюда первый раз. Поэтому мы скучали в этом городе всю неделю невыразимо, временами только некоторых из депутатов поляков видели, а что хуже всего, никто не хотел или не мог научить нас, какой будет церемониал коронации, ничего больше не говорилось только [то, что надо] богато, очень богато быть одетыми»⁵.

Отсутствие достоверных сведений на тему хода церемонии, обязательной для неё одежды и роли, которую во время торжеств должны играть делегаты, лишали обоих супругов сна. К опасению скомпрометировать себя добавлялось удивление высокими ценами. После прибытия в Москву Анна купила дорогую ткань, чтобы сшить себе соответствующее торжеству платье. Однако быстро выяснилось, что она не подходит для этого момента. Дневник отмечает: «Дамы на тот момент одевались иначе, за что довольно дорого платили, утром сказали мне, что это не пригодится»⁶. Надломленная этим обстоятельством, Анна была готова отказаться от участия в коронации, тем более что до неё доходили сведения о взрывном характере Павла I, который, с граничащей с безумством страстью, наказывал подданных за самое мелкое отклонение в одежде и поведении.

Ожидая коронационных торжеств, Плятеры попеременно то нервничали, то предавались скуке. Свободное время они охотно проводили у могилёвского архиепископа Станислава Богуша Сестшёнцевича, у которого встречали других польских делегатов и их жён. Довольно часто они появлялись в доме Михала Казимира Огиньского, где бывали также Тадеуш Жаба, полоцкий воевода и маршал двора Павла I Ежи Велёгорский. Привлекательными для Плятеров стали и музыкальные концерты на послеобеденных встречах у Великого гетмана Литовского.

Наконец, 28 марта, в Вербное Воскресенье состоялся торжественный въезд Павла I и его жены Марии Фёдоровны в Москву. Плятеры наблюдали это зрелище из окна квартиры Тадеуша Жабы. Неделю спустя, на Пасху, с размахом и великолепием прошла церемония коронации. В этот день Плятеры

¹ ЛГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 6 об.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Там же.

встали в половине четвёртого утра. Август Гиацинт, «одевшись в богатое платье», отправился на встречу с делегатами других губерний, которые в шесть часов должны были ожидать в назначенном им месте начала коронации. Интересно, что Анна не появилась на торжествах. Своё решение она так объяснила на страницах дневника: «Поскольку же мессы в первый день праздника [Пасхи] слушать не смогла бы, предпочла своё любопытство преодолеть, нежели пренебречь святым днём»¹. На её решение также могли повлиять упоминавшиеся ранее проблемы с подбором соответствующего платья.

Однако, воспроизведённое, вероятно, на основе рассказов мужа, который «вернулся измотанным» лишь в четыре часа после полудня, подробное описание коронации всё же оказалось зафиксировано в дневнике². Важно отметить, что в коронационных торжествах Павла I участвовал Станислав Август Понятовский. Присутствовавший там же Адам Ежи Чарторыйский отметил в своих мемуарах: «Император велел, чтобы в Москву отправился вслед за ним польский король. Он потребовал его присутствия на всех коронационных торжествах. Тогда его взяли в конец превосходного кортежа, окружавшего императора и его семью. Станислав Август играл там грустную роль»³. В подобном тоне сообщал об участии Станислава Августа Понятовского в коронации Павла I Енджей Китович⁴. Анна Плятер, со слов мужа, достаточно язвительно приводит некоторые унижающие Понятовского эпизоды: «Король был на отдельном, отведённом для него месте на коронации. Потеряв свою корону, он ассистировал своему победителю на его коронации»⁵.

В течение нескольких следующих дней в Москве проходили балы, парады и представление «искусственных огней». Депутаты и их жёны были обязаны предстать перед императором и императрицей. Анна Плятер была допущена к целованию рук императора 9 апреля. Официальное представление открыло её вступление ко двору. Итак, четыре дня спустя она была приглашена

на бал, в котором участвовал император и императрица. Организация и ход развлечения сильно разочаровали польскую аристократку. В своём дневнике она отмечала: «Мы были упакованы как селёдки в бочке, все [дамы] стиснуты, каждая же добивалась лучшего места. ... Если я хотела видеть танцующих, [то] должна была поворачивать голову назад, вставать на пальцы, но дамы, которые теснились вместе со мной, тянули меня вниз, топчась по подолу [платья]. ... И в этом положении мы стояли несколько часов, в том числе и я, забытая почти всеми знакомыми, поскольку при дворе, как я заметила, хотя бы близкие родственники, если они из высшего общества, не болтают с более низким, и делают вид, что [они] незнакомы»⁶. После танцев направились к столам. В зал с угощениями пускали только лиц, которые имели специально пронумерованный билет. Дама, имеющая названный номер, проходила около императорской семьи и подавала руку кавалеру, у которого был тот же номер. Затем они вместе направлялись в зал и садились за столик с соответствующим номером. Плятер попался офицер-гвардеец Семёновского полка, который «другого языка не знал [кроме] как русского, поэтому мы хранили полное молчание»⁷, – писала Анна, сама слабо знающая русский язык. Свободно же она владела французским, уроки которого, как пристало магнатке, брала с самого юного возраста. Дневниковые записи свидетельствуют о том, что она очень хорошо освоила и польский язык, что было не столь частым явлением для полек из высших слоёв эпохи Просвещения.

Очередной случай понаблюдать за нравами, господствующими при дворе, предоставило Плятер организованное 19 апреля новое представление дам, которые по его окончании, собравшись в одном из залов уже за пределами бдительного взгляда распорядителя церемонии, начали тихую, но упорную борьбу за как можно лучшие места. Протискивающуюся вперёд Анну придержала беспощадная русская соперница, которая сильно ударила её кулаком. Когда Плятер взглянула на неё, то услышала: «Вам здесь не стоять, мы здесь стоим». Анна ответила на ломаном русском языке: «Никто не знает,

¹ Там же. 10 об.

² Там же.

³ Czartoryski A. J. Op. cit. S. 221.

⁴ Kitowicz J. Pamiętniki, czyli Historia polska / wstęp i oprac. P. Matuszewska. Warszawa, 2005. S. 656–658.

⁵ ЛГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 12 об.

⁷ Там же. Л. 12 об.

где буде стал, как прийдёт господин Валуев, то вшистких на свым мейсцу постави». После этого высказывания несколько дам начали громко высмеивать Плятер и показывать на неё пальцами. Полька, однако, осталась на своём месте, пока не приблизилась императрица. Мария Фёдоровна обменялась с Анной несколькими фразами по-французски. «Императрица отошла, и я испытала полное отмищение из-за удивления насмехающихся надо мною дам», – писала Плятер. Однако триумф оказался кратковременным. Польке предоставили, в конце концов, место, но вскоре кто-то вновь ударил её изо всей силы. «Таковы вот поступки русских дам в покоях своих монархов»¹, – конста-

тировала возмущённая Анна. В тоге уже на следующий день Плятеры покинули Москву, отправившись в обратную дорогу в Краслав.

«Дневник путешествия в Москву в г[од]у 1797» является необыкновенно занимательным источником, сообщая много подробностей повседневной жизни в путешествиях по России конца XVIII в. Это единственное известное до настоящего времени сообщение польки о пребывании в Москве на коронационных торжествах Павла I. Тем самым записки Анны Плятер являются бесценным материалом для истории польско-российских отношений эпохи и, несомненно, заслуживают публикации².

О. В. Матвеев

ЗАБЫТОЕ ИМЯ В ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ КАВКАЗСКОГО КАЗАЧЕСТВА

73

Представители польского народа внесли значительный вклад в изучение истории и культуры народов Северного Кавказа. Важное место в процессе накопления научных знаний о кавказских горцах и казаках принадлежала военным: М. О. Ольшевскому, К. Прушановскому, П. Пржецлавскому и многим другим³. Среди них достойное место занимал Людомир Александрович Ржевусский (1848–1932), чьё имя мало известно в современном казачковедении. Статья посвящена жизненному пути и военно-историческому наследию этого незаурядного офицера и литератора.

Ржевусские (а, точнее Жевусьские) – угасший польский дворянский род герба Крживда, которому в XIX в. было присвоено графское Польского Царства достоинство. Этот род происходит из Подляшья, впервые он упомянут в документах в 1541 г. в связи с Христофором Ржевуским. Клан сильно под-

нялся в XVIII в., когда Станислав Ржевуский приобрёл у наследников Яна Собеского Подгорецкий замок и окрестные земли. Станислав Матеуш Ржевусский являлся Великим гетманом коронным в 1726–1728 гг., как и его сын Вацлав Пётр Ржевуский⁴. Внук Вацлава Петра, Ржевуский Адам Станиславович стал сенатором на русской службе, тайным советником. Его сын Адам Адамович Ржевусский – генерал-лейтенант, флигель-адъютант императора Николая I, участник Крымской войны, командовал Киевским военным округом (рис. 1). Его первая жена, урождённая Лопухина, известна как фаворитка Александра I.

Многие представители рода были причастны к литературному творчеству и салонам. Так, Вацлав Пётр прославился на ниве драматургии, писал замечательные трагедии и комедии. Брат генерала Адама Адамовича, Генрих, жил в Польше и стал известным

² Автор данной статьи готовит научное издание «Дневника путешествия в Москву в г[од]у 1797».

⁴ Ржевуские. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Ржевуские (Дата обращения 12.02.2015).

¹ Там же. 13 об.

³ Боголюбов А. А. Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. Краснодар, 2008. С. 110–111.

писателем. Адам Мицкевич, с которым Генрих Ржевусский был знаком, восхищался его рассказами о польском быте времён Станислава-Августа. Сестра Эвелина вышла замуж за французского писателя Оноре де Бальзака. Дочь Адама Адамовича Екатерина – также известная польская писательница, хотя знаменита была больше своими афёрами. Каролина Ржевусская являлась хозяйкой литературного салона в Одессе 1820-х гг. – демонической красавицей, одной из возлюбленных Александра Сергеевича Пушкина.

Рис. 1. Генерал-лейтенант граф А. А. Ржевусский (1801–1888)

Очевидно, поэтому литературные наклонности передались Людомиру Александровичу по наследству. Он родился 15 ноября 1848 г. и, согласно послужному списку, происходил из дворян Варшавской губернии. Хотя остается непонятным, куда делся графский титул и почему о последнем не упоминается в документах. Генерал Адам Адамович Ржевусский-старший постоянно называется в источниках графом. Некрологи сообщают, что граф Адам Ржевусский скончался 17 апреля 1888 г., в своём имении Верховня Киевской губернии; вдова, графиня Ядвига Фёдоровна, умерла осенью 1889 г. Верховня – усадебный комплекс XVIII–XIX вв. в одноимённом селе Ружинского района Житомирской области Украины, построенный шляхтичами Ганскими, а затем перешедший к Ржевусским, сегодня является памятником архитектуры Украины национального значения.

Возможно, в истории с графством Людомира Александровича кроется какая-то семейная тайна, Людомир мог приходиться незаконнорожденным сыном Адама Адамовича, и здесь необходимы дальнейшие архивные разыскания. Вероятно, генерал Ржевусский-младший был крещён в костёле как Людомир-Адам, а генерал Ржевусский-старший – как Александр-Адам. Двойные имена для католических польских родов – обычное дело. Отсюда, возможно, два равноценных варианта Людомир Александрович – официальное для документов, и Адам Адамович – для близкого окружения¹.

Генерал Адам Ржевусский дал сыну прекрасное образование, которое тот подростком получил в Киевском Владимирском кадетском корпусе. Затем юноша поступил в Николаевское кавалерийское училище. После окончания в училища 1868 г. Людомир Александрович служил ок. 7 лет в Лейб-гвардии Кирасирском полку – такой чести удостоивались в основном отпрыски аристократических фамилий. Но внезапно, уже в чине штаб-ротмистра, в 1876 г. он выходит в отставку. Видимо, гвардейский офицер был не чужд идее славянского братства, поскольку вскоре оказался среди русских добровольцев в Сербии, героически вступившей в борьбу за освобождение от османского ига. Здесь Ржевусский проявил доблесть и мужество, не случайно сербы наградили его орденом Такова 3-й степени и серебряной медалью «За храбрость»².

С вступлением России в войну с Турцией отставной офицер вернулся в строй. 22 мая 1877 г. майор Ржевусский был назначен командиром сотни Кизляр-Гребенского конного полка Терского казачьего войска на Кавказский театр войны. Свои впечатления о войне Людомир Александрович изложил в «Воспоминаниях сотенного командира», которые опубликованы в 5-м томе Сборника мемуаров офицеров, участников турецкой компании в Санкт-Петербурге в 1879 г. Это был первый удачный опыт пробы его пера. На долю казаков Ржевусского выпала тяжёлая аванпостная служба. «Регулярная кавалерия, по крайней мере, в действующем на кавказской границе корпусе, редко посыла-

¹ Русская армия в Первой мировой войне [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2715>.

² Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 396. Оп. 2. Д. 660. Т. 1. Л. 83 об.

лась на аванпосты, да если и посылалась, то для стоянки у главного караула в резерве, следовательно, несло, сравнительно, лёгкую службу, – вспоминал Людомир Александрович. – На долю же казаков, на их богатырские плечи, взвалили тяжесть непомерную и, несмотря на то, они с честью вынесли её. Идут казаки походом, составляя авангард и арьергард колонны, это глаза и уши ея; ничто не должно ускользнуть от их внимания, за всё неожиданное являются они ответчиками. С боков саженях в 200 от колонны, двигаются одиночные казаки, называемые дозорными, плетутся без дороги, по пахоти, болоту, выбирая спуски с обрывов, броды речек, осматривая каждый овражек, всякую неровность земной поверхности. Представилась опасность, оказано сопротивление, началась перестрелка, первый подвергается опасности тот же передовой казак. Во время боя нашим Терцам и Кубанцам тоже доставалось немало, не говоря уже о тех случаях, когда спешивали казаков, и они выполняли роль, предназначенную пехоте, осыпая неприятеля меткими выстрелами берданок. Но и стоя в резерве, выжидая удобный момент для действия чисто кавалерийского, губительный огонь турецкого дальнобойного оружия выводил многих из рядов. При всяком отдельном начальнике есть казачий конвой, отдаваемый в его полное распоряжение и надо видеть, как некоторые из них пользуются этим. Считая, что казак неумолим, что он всё вынесет, рассылают его в разные стороны, целые сутки не принимая во внимание, что лошадь его плетет ноги от усталости, что казак – прежде всего человек, и требует хоть немного отдохновения при утомлении; об опасностях чисто боевых я не говорю»¹.

Воспоминания Ржевусского наполнены сюжетами военно-бытовой повседневности, описаниями боевых эпизодов, в которых автору приходилось принимать участие, экскурсами в историю мест, по которым проходили казаки, яркими этнокультурными зарисовками курдов, армян, кавказских горцев. Как-то майор Ржевусский получил донесение, что курды отрезали от русских позиций оторвавшихся вперед нескольких казаков во главе с хорунжим Бирюлькиным. «Повернув

сотню, бросился я освобождать своего боевого товарища, – вспоминал Людомир Александрович. – Невзирая на камни и рытвины, мчались казаки на выручку своих одностаничников. К крайнему моему удивлению, курды не повернули назад, а потрясая своими длинными бамбуковыми пиками, скакали прямо на нас. Всё ближе и ближе становились мы друг к другу. Разноцветные чалмы, обертывающие их головы, фантастические костюмы всё яснее и яснее обрисовывались, даже черты лица уже можно было разобрать, как вдруг вся масса, человек 200, приостановилась, заколыхалась и бросилась назад, в два раза быстрее, чем наступала. Мы кинулись их преследовать, но заморенные казачьи лошади не в силах были тягаться с кровными курдскими, и мы зарубили только троих, из которых, у одного упала лошадь, а двоих догнали. <...> С радостью увидел я Бирюлькина и четырёх казаков, ехавших вместе с ним»². За участие в турецкой кампании Л. А. Ржевусский был награждён орденами Св. Владимира 4-й степени с мечами, Св. Станислава 2-й степени с мечами.

Будучи прикомандирован к Волгскому казачьему полку, Людомир Александрович принял участие ещё в одной войне – в первой Ахал-Текинской экспедиции под командованием генерала Н. П. Ломакина.

О походе в Среднюю Азию он написал воспоминания участника, которые были опубликованы в 1884–1885 гг. в «Военном сборнике»³. В своих записках оставался верен себе, описывая детали быта и культуры народов, с которыми приходилось иметь дело русским войскам. «По наружному виду и по одежде текинцы ничем не отличаются от иомудов и гокланов, – рассказывал Людомир Александрович. – У них такие же громадные, конусообразные, бараньи папахи, толстые ваточные халаты, широкие, толстого белого холста, шаровары и кожаная обувь, вроде наших лаптей. У бока большинства из них привешена, на кожаной портупее, кривая, однообразного образца, узкая, тяжёлая, острая, как бритва, с сильным изгибом, выкованная из дамаскированной стали, сабля, с роговою ручкою и в деревянных, покры-

¹ Ржевуский Л. А. Из воспоминаний сотенного командира // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878. СПб., 1879. Т. V. С. 128–129.

² Ржевуский Л. А. Из воспоминаний сотенного командира. С. 174.

³ Ржевуский Л. А. От Тифлиса до Денгиль-тепе (Из записок участника) // Военный сборник. СПб., 1884. № 6–10. 1885. № 3, 6, 7.

тых кожей, ножнах. За спиной у большинства тяжёлые старинные ружья, зачастую фитильные, с неизбежно приделанною у дула на шарнире подставкою, с которой они, в большинстве случаев, и стреляют, хотя и с близкой дистанции, зато с большею меткостью. За поясом у каждого короткий узкий нож – необходимая принадлежность каждого туркмена, – принадлежность, употребляемая и для защиты, и для мирных хозяйственных потребностей. Сверх того, у некоторых к стремени седла приделан кожаный бушмат, из которого торчит бамбуковая пика с железным наконечником, под которым развевается что-то вроде шерстяных кистей; пики эти иногда доходят до безобразной длины, чем и отличаются от куртинских. Привычка стрелять не с плеча, а с сошек, так вкоренилась у текинцев, что даже к попавшим в их руки, во время экспедиции 1879 года, нашим берданкам, в нескольких вершках от дула, приделана ими подставка, как можно судить по присланному, в 1880 году, образцу берданки, отнятой во время одного из набегов у одного из текинцев»¹. За участие в событиях этого неудачного в целом похода, Л. А. Ржевусский был удостоен ордена Св. Анны 2-й степени с мечами, а затем – чина полковника.

Оставил после себя Людомир Александрович и интересные заметки об Иране, куда ему пришлось выезжать по делам службы².

С 1892 Людомир Александрович командовал кубанцами 1-го Уманского полка, с 1897 г. – 1-м Волгским полком Терского казачьего войска (рис. 2).

Рис. 2. Л. А. Ржевусский – командир 1-го Волгского полка Терского казачьего войска

¹ Ржевусский Л. А. От Тифлиса до Денгиль-теле (Из записок участника) // Военный сборник. СПб., 1884. № 6–10. 1885. № 3, 6, 7. С. 349–350.

² Ржевусский А. Поездка в Мешхед // Военный сборник. 1890. № 5, 6; Он же. В Тегеран. Дорожные заметки. Пятигорск, 1911.

С этого момента, его дальнейшая служба связана с казачьим Тереком – он стал атаманом Пятигорского отдела Терской области и старшим помощником Наказного атамана Войска. В годы Первой русской революции он неизменно отстаивал интересы казачества. В 1906 г. известный кавказовед и либерал М. М. Ковалевский даже обвинял Л. А. Ржевусского в том, что в развернувшемся противостоянии ингушских аулов и казачьих станиц помощник Начальника области всегда становится на сторону последних³. На одном из собраний Государственной Думы Ковалевский зачитал телеграмму представителей ингушей, в которой говорилось: «Кзаки пользуются всяким случаем, чтобы придраться к нам, взыскивать штрафы, убивать. За один последний год нам пришлось заплатить в пользу казаков 50 000 рублей, а между тем местные власти находятся исключительно в руках казаков. Областной начальник, будучи в то же время атаманом Терского казачьего войска, Л. А. Ржевусский не только ничего не предпринимает против них, но и поощряет их в этом направлении»⁴.

Во время жизни на Кавказе полковник Ржевусский, как это часто случалось со служившими здесь офицерами, искренне увлёкся историей и традиционной культурой казачества. Особенно близки ему стали терцы, сбором и изданием материалов по военной службе, жизни и быту которых он занимался в свободное время. В 1888 г. во Владикавказе выходит составленная Людомиром Александровичем книга «Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске». Это своеобразная хрестоматия по истории и традиционной культуре терских казаков. Сюда вошли материалы, собранные Ржевусским в отдельных периодических изданиях, статьи И. Д. Попко о ранней истории терского и гребенского казачества, И. Сафонова, П. Ницика, описание быта кизлярско-гребенских казаков, их свадебных обычаев, празднование Масленицы Ф. Пономарёва, работа Николая Кулебякина о гребенцах и гребеничках, песни терских казаков. В 2014 г. московское издательство

³ Матиева А. Х. М. М. Ковалевский и ингуши [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ghalghay.com/2009/11/26> (Дата обращения 28. 02.2015).

⁴ Там же.

«Вече» переиздало эту книгу¹. И хотя Ржевусский выступил здесь только составителем, отбор материала определяет глубину его взгляда на терское казачество, попытку дать читателю представление не только о сословно-служебной структуре казачьего войска, но и о системе ценностей, жилищах, одежде, обрядах жизненного цикла терцев. Например, о казачках гребенских станиц в книге отмечалось: «Семейные отношения гребенички-снохи к свёкру, свекрови, деверям и золовкам не представляют тех особенностей, какие мы видим вообще в русских семьях. Здесь всё основано на умственном и нравственном превосходстве человека: умная свекровь управляет домом и детьми, а нет её – управляет всем сноха, сохраняя, конечно, притом должное уважение к свекрови. Здесь все равны, и не равен только тот, кто не умеет себя держать. Если золовка дружна со снохой, то последняя часто обряжает её в свой костюм: на свадьбу, вечеринку или хоровод, а деверь холостой при добрых отношениях может рассчитывать на сноху, что она его обошьёт; дальше этого трудно провести грань отношений. <...> Женщины-гребенички при мужчинах не расчёсывают своих волос; причёсывание головы при мужчинах считается большим стыдом, и если женщина, расчёсывая голову, заметит мужчину – сейчас же закрывает платком голову. Женщины при встрече с мужчинами наклоняют голову, обязывая таким образом и мужчину приподнять шапку; если же она заметит идущего ей навстречу мужчину, то останавливается, не переходя ему дорогу, и, пропустив его мимо себя, продолжает идти своим путём»². Поскольку сбор полевого фольклорно-этнографического материала в старожилых терских станицах в силу трагических событий начала XXI в. на Северном Кавказе был затруднён, славянское население подвергалось дискриминации и выдавливанию, материалы, собранные Л. А. Ржевусским и его соратниками, сегодня являются во многом уникальными источниками по духовному наследию терцев.

В годы командования волгцами Людомир Александрович вместе с сотником Г. П. Фисенко написал «Памятку 1-го Волгского

полка Терского казачьего войска». Это сочинение вышло в Хотине, в Бессарабии, где располагалась штаб-квартира полка, в 1899 г. Такие полковые памятки служили делу воспитания личного состава на героических примерах и боевых традициях волгцев, и в этот труд Людомир Александрович вложил всю свою служилую душу. Происхождение казачества Ржевусский связывал с «несостоятельностью княжеских дружин в борьбе с татарами»³. Он разделял высказанную ещё в дореволюционной историографии версию о том, что казаки были современниками Дмитрия Донского и участниками Куликовской битвы. «Когда собственно появилось в России название «казак» определить трудно, – отмечал Ржевусский, – но в выписке из древней летописи (составленной рязанским митрополитом Стефаном в 1712 г. – О. М.), помещённой у находящегося теперь в Москве на Лубянке образа Гребенской Божия Матери, поднесённого казаками, жившими в городке Гребени победителю Мамаю Великому князю Дмитрию Иоанновичу, прозванному Донским, в 1380-м году, сказано: «Тамо (в верховьях Дона) народ христианский воинского чина живущий, завоими казацы, в радости сретаючи его со святыми иконами и со кресты, поздравляюще его о избавлении своём от супостатов и приносяще ему дары от своих сокровищ, яже имеху у себя чудотворныя иконы в церквах своих». Великий князь, продолжает: «... с великою верою и любовью прием се их воинство вельми телесными дары обогатив и почтив и по вся лета устави им казакам своё жалование за почесть их и сильную храбрость противу супостатов Агарянского языка». Эта выписка доказывает, что казаки появились на Руси уже более 500 лет, и что тогда уже он стояли на страже земли Русской, отличаясь своей храбростью и глубокой набожностью»⁴. На самом деле выписка доказывала только одно: тот факт, что в 1712 г. имело место предание об участии казаков в Куликовской битве. Исследователи, специально изучавшие этот вопрос, до сих пор не обнаружили документальных свидетельств о су-

¹ Терское казачье войско / авт.-сост. А. А. Ржевусский, Е. Д. Максимов. М., 2014.

² Терское казачье войско. С. 181–182.

³ Памятка 1-го Волгского полка Терского казачьего войска / составлена полковником Ржевусским и сотником Фисенко. Хотин, 1899. С. 2.

⁴ Памятка 1-го Волгского полка. С. 2–3.

ществовании русского казачества в 1380 г.¹ Поэтому Людомир Ржевусский пошёл здесь на поводу у А. Ригельмана, М. Хорошкина, Г. Абрамова, упоминавших о поднесении казаками иконы Дмитрию Донскому как о чём-то вполне проверенном и общеизвестном.

Верноподданнический характер «Памятки» проявился в том, что её авторы обошли вопрос о связи переселения волжских казаков на Кавказ с восстанием под предводительством Е. И. Пугачёва, обозначив в качестве причин лишь то обстоятельство, что «тяжёлые условия жизненные и служебные заставили Волжских казаков искать новые места, где, по их мнению, жизнь была бы привольнее»². Зато авторы специально подчеркнули: на Терек «Волжцы принесли с собою войсковые заслуги и регалии, сохранив за собою все привилегии, дарованные им Императрицей Анной Иоанновной»³. Реальная история переселения, связанная напрямую с социальными взрывами и выступлениями внутри казачьего сообщества, была богаче и многограннее, чем это представлялось авторам «Памятки». Вместе с тем, в современной историографии Волжского казачьего войска замечательный историк-казачевед А. В. Курышев (к сожалению, безвременно ушедший из жизни в 2015 г.) на основе кропотливых архивных разысканий пришёл к выводу: «Переселение на Терек не было наказанием за переход волжских казаков на сторону восставших»⁴.

Значительное внимание «Памятка» уделяла Кавказской войне. «С ежедневными мелкими хищничествами горцев, – писали Ржевусский и Фисенко, – казаки вскоре освоились и относились к ним как к неизбежному и роковому злу; время от времени они с лихвою оплачивали им тою же монетою, сокращая жилища врагов, уничтожали посевы и запасы, забирали имущество и уводили с собою множество пленных. Но горцы вновь производили набеги, вновь происходила резня и случалось, что один и тот же скот по нескольку раз переходил из рук в руки. При

такой непрерывной борьбе, борьбе втихомолку, где большею частью дело кончалось ударом шашки или кинжала, закалялись не только старые Волгцы, но и женщины казачки, которые при случае в самоотверженности и храбрости не отставали от своих мужей и братьев»⁵.

«Памятка» содержала сведения об участии Волжских полков в русско-турецкой войне 1877–1878 г., хронологию важнейших событий в истории терского казачества, списки наказных атаманов Кавказского Линейного и Терского казачьих войск, командиров, офицеров и чиновников Волжского полка, нижних чинов, удостоенных знака отличия военного ордена Св. Георгия. «Памятка» даёт и зримые свидетельства боевого прошлого волгцев: в ней были напечатаны ценные фотографии, в том числе самого Людомира Александровича Ржевусского в окружении офицеров его полка. На фотографии Л. А. Ржевусский предстаёт обладателем густой бороды и очков; плохое зрение, по-видимому, было связано с занятиями литературной деятельностью в редко свободное от службы время.

Здесь же, на Кавказе, Людомир Александрович нашёл своё счастье, познакомившись с дочерью действительного статского советника, уроженкой Санкт-Петербурга Екатериной Александровной Любарской, отец которой служил в Святейшем Синоде. Но это обстоятельство не помешало ей, православленной, выйти в 1887 г. в Кисловодске замуж за католика Ржевусского. В 1901 г. Людомир Александрович выслужил генеральский чин, недолго командовал 2-й казачьей дивизией, и в чине генерал-лейтенанта вышел в 1910 г. в отставку. К этому времени он овдовел: Екатерина Александровна скончалась в августе 1909 г. и была погребена на пятигорском кладбище.

Но стоило начаться Первой мировой войне, и Ржевусский вновь был в строю. Правда, принять участия в боях не пришлось: 66-летнего генерала от кавалерии держали в резерве чинов при штабе Двинского Военного округа, где он числился по армейской кавалерии, а с 1916 г. – по Терскому казачьему войску.

Падение монархии в России он воспринял болезненно, не пожелал служить Временному Правительству и в мае 1917 г.

¹ Очерки традиционной культуры казачеств России / под общ. ред. Н. И. Бондаря. М.–Краснодар, 2002. Т. I. С. 151.

² Памятка 1-го Волжского полка. С. 13.

³ Там же. С. 14.

⁴ Курышев А. В. Волжское казачье войско (1730–1804): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. Волгоград, 2011. С. 168.

⁵ Памятка 1-го Волжского полка. С. 20.

вышел в отставку. Из охваченной революцией и братоубийственным противостоянием страны генерал смог выбраться на родину предков, в возрождённую на руинах войны Польшу. В Куявско-Поморском воеводстве есть город Быгдоць, расположенный на берегах рек Брда и Висла, его называют ещё маленькой Венецией. Сегодня здесь расположен Центр по подготовке многонациональных сил НАТО. Вряд ли организаторы Центра, проигрывающие сегодня сценарии военных действий против вооруженных сил России и Белоруссии, задумываются о том, что здесь, в Быгдоце, 10 ноября 1932 г. завершился земной путь подвижника славянского единства, русского генерала, казачьего атамана и польского дворянина Людомира Александровича Ржевусского.

Мало сведений сохранилось о потомках генерала. Известно, что его сын, Николай Адамович-Людмирович Ржевусский, оставшийся в России, был в 1925 г. арестован, приговорён как сын царского генерала к двум

годам заключения и трём годам ссылки на Урал¹. Последняя информация о нём встречается в документах, датированных июлем 1928 г.: он находился в это время в деревне Кузнецово Табаринского района Ирбитского округа, и его дочь, Марианна Николаевна Арнольди, ходатайствовала перед Помполитом об освобождении отца из ссылки.

Автор будет признателен польским коллегам, если обнаружатся следы родственников генерала и его семейного архива в Польше.

Таким образом, жизненный путь и военно-историческое наследие Людомира Александровича Ржевусского являются наглядными примерами интеграционного воздействия имперского ядра России на национальную периферию. Служение Российской империи позволило успешно реализовать себя на военном поприще и творчески состояться замечательному военному, историку, бытоописателю и мемуаристу, который с гордостью носил казачий мундир.

¹ Заклеймённые властью. Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский Политический Красный Крест и Помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК-ОГПУ-НКВД (по категориям репрессированных) [Электронный ресурс] // Международное историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество МЕМОРИАЛ. Режим доступа: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Re.html>. (Дата обращения 13.10. 2014).

РАЗДЕЛ III ПОЛЬША В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

П. Цихорацкий

ЛИДЕРЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ПОЛЬШИ О САМЫХ ОСТРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ В ПОЛЬШЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОГО КРИЗИСА (В СВЕТЕ СОВЕТСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ)*

Период т. н. Великого кризиса, хронологические рамки которого для межвоенной Польши охватывают 1930–1935 гг.¹, был временем усиления социальных волнений с точки зрения их количества и масштаба, а также форм проявления. В крайних случаях они принимали форму массовых крестьянских выступлений (например, волна беспорядков в центральной Малой Польше в 1932–1933 гг.) и даже вооружённых стычек (например, события в Лесском повяте или на пограничье Полесского и Волынского воеводств в 1932 г.). Следствием этого всегда было силовое вмешательство со стороны государственных властей, что неоднократно приводило к человеческим жертвам. Это, впрочем, касалось обеих сторон конфликта. Указанное явление отразилось на начинаниях Коммунистической партии Польши (КПП). Её руководство признало активизацию общественных выступлений обстоятельством, способствующим своей деятельности, которую можно определить как «подрывную», а тем самым направленную на дезинтеграцию, а затем – ликвидацию независимой польской государственности.

Предметом данной статьи выступает представление позиции лидеров КПП по отношению к самым значительным социальным волнениям, привлекавшим их внимание. Эта проблема с начала 1930-х гг. играла в их деятельности значительную роль², став одним из наиболее важных факторов, обуславливающих формирование текущей так-

тики партии в описываемый период, а именно до 1933 г.

Под понятием «руководство КПП» здесь будут пониматься лица, которые в первой половине 1930-х гг. входили в состав Политического бюро и Центрального комитета КПП³. Ведущее место в руководстве партии следует отвести Юлиану Лещиньскому-Леньскому, с 1929 г. – Генеральному Секретарю ЦК (уже по этой причине его высказывания можно считать наиболее авторитетными среди руководителей партии этого периода). Учитывая особенности корпуса источников, среди которых самыми многочисленными являлись официальные выступления Генерального секретаря ЦК КПП, даже с учётом их аутентичности, Леньский предстаёт как несомненный лидер фракции в среде партийной элиты, которую принято было называть «меньшинством», появившемся после II съезда КПП 1923 г.

Как характерную черту этой группы можно отметить очевидный радикализм в понимании способа прихода коммунистов к власти в Польше (принцип «одноэтапности»), маргинализацию национального фактора, наконец, отказ от возможности соглашения с легальными левыми партиями, оппозиционными по отношению к правящему после мая 1926 г. пилсудчиковскому лагерю. В реалиях экономического кризиса первой половины

³ В состав ЦК избранного на V съезде КПП в 1930 г. вошли: Б. Бортновский-Бронковский, С. Бужиньский, Ю. Леньский, А. Славиньский, Е. Сохацкий (все – одновременно члены Политического бюро), В. Анёлковский, Г. Хенрыковский, Я. Изыдорчик, И. Каляга, В. Кнорин, А. Лямпе, А. Липский, Ю. Лохинович, Ф. Мазур, Э. Прухняк. На VI съезде в 1932 г. в ЦК появились также Б. Цукер, Ф. Гжельчак, З. Новак, Я. Пашин, Е. Рынг, С. Скульский, А. Шкудлярк, Ш. Захариаш. Состав же членов Политического бюро не подвергся изменениям. См.: Cimek H., Kieszczyński L. Komunistyczna Partia Polski 1918–1938. Warszawa, 1984. S. 245, 253–254.

* Пер. с польск. И. К. Кима. – *Прим. ред.*

¹ Landau Z., Tomaszewski J. Gospodarka Polski międzywojennej. T. III. Wielki Kryzys 1930–1935. Warszawa, 1982. S. 8.

² О причинах такой оценки значения социальных событий, сделанной в первой фазе описываемого периода, см.: Ленский Ю. За революционное разрешение кризиса в Польше! // Коммунистический Интернационал. 1930. № 26. С. 12–13.

1930-х гг. «меньшинство» сформулировало программу «революционного выхода из кризиса»¹. В ходе VI пленума ЦК КПП в июне 1929 г. эта фракция пришла к руководству в партии, и продвижение Лещиньского-Леньского в партийной иерархии выступило тому ярким свидетельством². Это направление в развитии партии оказалось подтверждено V и VI съездами КПП в 1930 и 1932 гг.³

Следует проанализировать оценки, которые были сделаны лично указанной категорией деятелей, при этом официальные партийные документы (резолуции пленумов и съездов) необходимо трактовать как фон и точку отсчёта. Поскольку в польской историографии обычно анализируется публицистика на польском языке, содержащаяся на страницах прессы КПП, внимания требуют те тексты, которые публиковались в советской периодической печати – как сугубо пропагандистского характера (газета «Правда»), так и рассчитанные на партийный актив (ежемесячник «Коммунистический Интернационал»). Обращает на себя внимание то, что в отдельные периоды в этих изданиях выступления лидеров КПП помещались довольно часто⁴, что демонстрирует важность контактов между польскими коммунистами для советского руководства.

Для описываемого периода (первая половина 1930-х гг.) в качестве исходной декларации можно признать широко, хотя и фрагментарно, распространённые выступления Леньского на VII пленуме ЦК КПП в январе 1930 г. и XI пленуме Исполкома Коминтерна (ИККИ) в марте-апреле того же года. Они представляются важными по нескольким причинам. Сегодня их можно признать своеобразным синтезированным каталогом

аргументов в пользу распространявшегося несколько лет тезиса, что Польша находится на пороге решающей битвы за власть, в которой одной из сторон будет выступать КПП. Генеральный Секретарь относил к проявлениям этой борьбы все существенные формы социальных волнений, до каких дошло или должно было, по его мнению, дойти в течение первого года экономического спада, затронувшего Польшу. Обращает на себя внимание, что инциденты любого рода им однозначно одобрялись. Так, забастовки в городах должны были содержать «элементы штурма», в проявлениях сопротивления выплата налогов в деревне Леньский усматривал «симптомы революционного роста масс», напряжённое же положение в юго-восточных воеводствах трактовалось им как имеющее черты «гражданской войны»⁵.

Эта последняя проблема вызывает особый интерес, поскольку её восприятие Леньским доказывает радикальный подход ко всяким социальным волнениям на территории Польши, несмотря на гетерогенную природу беспорядков. Представляется характерным, что не коммунисты, а националистические круги из Организации украинских националистов выступали в последнем случае иницилирующей стороной инцидентов. Несмотря на это обстоятельство, Леньский выступил против тех деятелей Коммунистической партии Западной Украины, которые критиковали настоящих организаторов волнений⁶.

По очевидным обстоятельствам, положение в фактической сфере влияния КПП (в западной и центральной части Польши она охватывала главные города) возбуждало особый интерес партийного руководства. В этих регионах анализировалось и интерпретировалось забастовочное движение. Сегодня эти интерпретации удивляют своим оптимизмом, причём представляется, что со временем он у лидеров КПП только возрастал. На помощь этой позиции привлекались многие средства, в том числе и статистика. В итоге растущая волна забастовок в конце 1931 г. оценивалась Скульским (вскоре ставшим членом ЦК) как свидетельство нараста-

¹ Ibid. S. 217–227.

² Об обстоятельствах хода VI пленума, в том числе об изменении ситуации в СССР, см., например: Kowalski J. Trudne lata. Problemy rozwoju polskiego ruchu robotniczego. 1929–1935. Warszawa, 1966. S. 96–105. О контексте, который представляла ситуация в III Интернационале, см.: Маккензи К. Коминтерн и мировая революция 1919–1943 / пер. с англ. Г. Г. Петровой. М., 2008. С. 146–164.

³ Cimek H., Kieszczyński L. Op. cit. S. 241–259.

⁴ Примером является выступление Леньского на XI пленуме Исполкома Коминтерна, как единственного опубликованного в «Правде» наряду с докладом Д. Мануильского. См.: Навстречу решающим классовым боям в Польше. Сводоклад секретаря ЦК КПП тов. Ленского на XI пленуме ИККИ // Правда. 1930. 11 мая. № 128. 11 V.

⁵ Ленский Ю. Ударные задачи компартии Польши (Китогом пленума ЦК КПП) // Коммунистический Интернационал. 1930. № 7. С. 16. Цит. по: Он же. Положение в Польше и задачи польской Компартии // Коммунистический Интернационал. 1931. № 13–14. С. 28–31.

⁶ Ленский Ю. Положение в Польше. С. 39.

ния революционного кризиса и составляющая «подготовки решающего удара»¹. Тем не менее, в начале рассматриваемого периода и даже в 1932 г. попадались более осторожные мнения, содержащие выводы об отсутствии в забастовочном движении революционной точки над «i»². Однако, в это же самое время Ленский демонстрировал решительный оптимизм, считая, что забастовки в городах уже являются «элементом гражданской войны», поэтому следует форсировать их развитие как наивысшую форму политической сознательности городского пролетариата³. Летом 1933 г. он прямо утверждал, что именно забастовки доказывают переход масс «от обороны к наступлению»⁴, но при этом затруднялся с более точным определением, — какая именно забастовка должна превратиться в столь ожидаемое руководством КПП «вооружённое восстание»⁵.

События в деревне представляли для руководства КПП определённые сложности. Это не значило, что оно ими пренебрегало⁶. Будучи по масштабам и формам более серьёзными, чем события в городе, эти выступления неизбежно должны были оказаться в поле интересов партийного руководства, внутри которого даже в 1933 г. утверждалось, что именно инциденты в деревне являются «переломным моментом революционного движения в Польше»⁷. Поскольку, исключая частично территории восточных воеводств, коммунистическое движение не играло в сельской местности серьёзной роли⁸, рито-

рика ведущих представителей партии о событиях отличалась от высказываний относительно столкновений в городе. Складывается впечатление, что из-за дефицита информации, признаваемой достоверной в руководящих партийных кругах, возникла проблема дефиниций характера событий. Так, упоминавшиеся выше столкновения в южной части Лесского повята летом 1932 г. Ленский определил несколькими неделями позже как «частичное восстание»⁹. Год спустя, после серии волнений в центральной Малой Польше, в ходе которых погибли несколько десятков человек, Генеральный Секретарь КПП сдержанно декларировал, что крестьянское движение «ещё остаётся позади»¹⁰.

Возмущения, вызванные экономическими причинами, до которых также доходило дело в восточных воеводствах, свидетельствовали, по мнению лидеров КПП, о вступлении в борьбу «с польской оккупацией Западной Белоруссии и Западной Украины»¹¹. Однако в этом случае ещё сильнее, чем в анализе событий в городе или на территории с преобладанием поляков, обозначилась у руководителей партии невозможность разрешения дилеммы в оценке событий. С одной стороны, они отдавали себе отчёт, что желаемая радикализация настроений не наступила, с другой, по-прежнему оперировали крайними лозунгами. Впрочем, после вооружённых инцидентов 1932 г. (особенно на полесско-волынском пограничье), признавалась необходимость пока «отмежеваться от курса на организацию вооружённого движения», но одновременно проявлялись намерения использовать такого рода ситуацию, например, для организации «самообороны»¹². Остаётся другая проблема: если речь идёт об информации из восточных воеводств, примеры, которые приводились, временами имели немного общего с действительностью и сегодня поражают

емыми конспиративными структурами, часто не присутствовавшими на месте событий, либо материалами зарубежной прессы. См.: Генриковский Г. Новая волна крестьянской борьбы в Польше. С. 28.

⁹ Ленский Ю. Нарастание революционного кризиса в Польше.

¹⁰ Ленский Ю. Новая полоса классовых боёв в Польше.

¹¹ Ленский Ю. Четвёртый год кризиса в Польше // Коммунистический Интернационал. 1932. № 4. С. 31.

¹² Бронковский Б. VI съезд КПП о борьбе с оккупацией и национальным гнетом // Коммунистический Интернационал. 1933. № 1. С. 36.

¹ Скульский С. Нарастание стачечной борьбы в Польше // Правда. 1931. 11 декабря. № 340.

² Генриковский Г. У порога новых боёв // Коммунистический Интернационал. 1931. № 25. С. 45; Он же. Уроки последних стачечных боёв в Польше // Коммунистический Интернационал. 1932. № 22. С. 32–33.

³ Ленский Ю. Нарастание революционного кризиса в Польше // Правда. 1932. 24 августа. № 234.

⁴ Ленский Ю. Новая полоса классовых боёв в Польше // Правда. 1933. 16 июля. № 194.

⁵ [Ленский Ю.] Германия и Польша — узловые пункты революционного фронта // Коммунистический Интернационал. 1932. № 28–29. С. 32 [доклад Ю. Ленского на XII пленуме ИККИ].

⁶ По вопросу о преодолении идеологического наследия люксембургизма в КПП // Коммунистический Интернационал. 1932. № 1. С. 33 [резолюция ЦК КПП от декабря 1931 г.]; Ленский Ю. Четвёртый год кризиса в Польше // Коммунистический Интернационал. 1932. № 4. С. 39.

⁷ Генриковский Г. Новая полоса крестьянских боёв в Польше // Коммунистический Интернационал. 1933. № 34–35. С. 63.

⁸ Это серьёзно влияло на достоверность доступной для руководства КПП информации, которую оно было вынуждено подкреплять либо данными, предоставля-

преувеличениями¹. Сложно определить, в какой степени происходящее выступало результатом слабости местных коммунистических структур, плохо ориентирующихся в происходивших событиях. Проблема достоверности их отчетов и переоценка в них масштабов разного рода событий и инцидентов была известна руководству партии, но в значительной мере им же и недооценивалась².

В контексте отношения руководства КПП к острым социальным выступлениям следует поднять вопрос о его позиции по отношению к неизбежным в этой ситуации столкновениями с силами правопорядка государства. С начала рассматриваемого периода из наиболее узкого руководящего круга КПП исходили рекомендации и предложения не избегать столкновений с органами безопасности. Например, противоборство с полицией признавалось «высшей формой борьбы»³, трактовалось как наиболее характерное и желаемое из-за возможности спонтанного вооружения масс за счёт полиции или парамилитарных формирований⁴. Сообщения о потерях среди полиции в этих инцидентах были использованы для подтверждения тезиса о нарастании «революционного кризиса»⁵.

Именно в связи с таким отношением к государственному строению, ответственным за внутренний порядок, можно утверждать, что лидеры КПП с начала 1930-х гг. не отказывались от пропаганды лозунга «вооружённого восстания», которое, как утверждал Ленский, в соответствии с принципами ленинизма является важнейшей формой борьбы⁶. Как бы промежуточным требованием объявлялось создание (особенно в деревне) «самообороны», задачей которой вменялось ведение открытой, повседневной борьбы против вмешивающейся в события

полиции⁷. О решительном характере подобных взглядов свидетельствует допущение ситуации, когда выступление оказывалось подавлено не только при помощи полиции, но и армии (примером выступают всё те же события в Лесском повяте)⁸. Парадоксально звучало выступление Ленского в ходе XIII пленума ИККИ, когда, с одной стороны, он фактически признавал, что наступило ослабление внутренней напряжённости в Польше, с другой же призывал, в частности, к «разоружению полицейских и т. п., и т. д.»⁹. Это доказывает постоянное стремление партийного руководства не считаться с реалиями, что оно неоднократно демонстрировало в рассматриваемый период. С 1934 г. можно, однако, заметить, что использование лозунга «вооружённого восстания» становится ритуальным, имеющим цель замаскировать необходимость признания ошибочной оценки степени социальной напряжённости в Польше, а также выступать доказательством верности ленинским принципам. В попытке осмысления накопившихся противоречий в доктрине Ленский обратился к проблеме восстания и в заключительной части своего выступления, содержание которого в целом имело с ней немного общего¹⁰.

Сами социальные волнения, перерастающие в кровавые столкновения с государственными институтами, тем самым оценивались почти однозначно как свидетельство нарастания «революционного кризиса» и симптом быстро приближающейся решающей борьбы за власть. Явно менее оптимистично в этом контексте в свете оценок лидеров КПП изображалась сама партия, хотя масштаб самокритики различался. В 1932 г. ими неоднократно признавалось, что на фоне благоприятных обстоятельств и, несмотря на усиленную работу, минусом являлась относительная слабость партии, возглавляемой ими формально, а не в ре-

¹ Из речи т. Ленского в польской комиссии ИККИ // Коммунистический Интернационал. 1930. № 25. С. 46.

² Cimek H., Kieszczyński L. Op. cit. S. 229.

³ Бронковский Б. Обострение классовых боёв в Польше и задачи Коминтерна // Правда. 1930. 10 февраля. № 40.

⁴ Ленский Ю. Революционная перемишка пролетариата и крестьянства в Польше // Правда. 1933. 7 сентября. № 247.

⁵ Ленский Ю. Четвёртый год кризиса в Польше. С. 29.

⁶ Ленский Ю. V съезд компартии Польши // Коммунистический Интернационал. 1930. № 29-30 С. 22. Из речи т. Ленского в польской комиссии ИККИ. С. 46. Цит. по: Он же. К новым маневрам польского социал-фашизма // Коммунистический Интернационал. 1932. № 17. С. 14.

⁷ Корчик П. Узловой пункт нашей работы в деревне // Коммунистический Интернационал. 1931. № 17. С. 34.

⁸ Генриковский Г. Актуальные вопросы революционного крестьянского движения в Польше // Коммунистический Интернационал. 1932. № 25-26.

⁹ Ленский Ю. На подступах к революционному кризису // Коммунистический Интернационал. 1934. № 1-2. С. 87.

¹⁰ Ленский Ю. Развитие единого пролетарского фронта // Коммунистический Интернационал. 1934. № 30.

альности¹. Ленский особенно жаловался на неумение связать события в городе и деревне, что трактовалось им как существенное условие успеха в борьбе за приход к власти². Временами признавалось, что положение партии выглядело бледно на фоне легальных антисанационных партий, особенно крестьянского «Стронництва людового»³. Однако для оптимистических интерпретаций острых внутренних выступлений характерно, что критика партийных структур основывалась, прежде всего, на обвинениях в «недооценке революционной напряжённости» или за отставание от радикализирующихся настроений. Это касалось всех упомянутых выше категорий событий⁴. Следует, однако, указать и на высказывания партийных лидеров, свидетельствующие о переоценке ими своего влияния и приписывании себе заслуг в дестабилизации ситуации в Польше только на том основании, что участники событий в очень общем виде выдвигали близкие к призывам коммунистов лозунги⁵.

В свете данных приводимых источников следует согласиться с исследовательницей истории коммунистической политической мысли К. Трэмбицкой, которая утверждала в отношении описываемого периода, что «коммунисты в оценке событий демонстрировали незнание ситуации и полное отсутствие понимания основных проблем, с которыми боролось общество»⁶. Уже на рубеже 1933–1934 гг. в высказываниях Ленского, самого воинственного из рассматриваемых партийных функционеров, появляются но-

вые тона. С одной стороны, события предыдущего года, по его мнению, подтверждали перспективы, сформулированные III Интернационалом и КПП на рубеже 1920–1930-х гг. С другой стороны, он вынужденно признал, что произошедшее не означало «автоматического прыжка» Польши к революции, а также предостерегал «левацки не забегать вперёд»⁷. Попытка отстаивания прежней линии партийного руководства, в том числе в контексте острых социальных выступлений при одновременном признании её ошибочности вела Ленского к декларациям, содержащим очевидные противоречия⁸. Именно так можно оценивать его позицию накануне VII конгресса Коминтерна. Он заявлял, что партия выступала против «искусственного форсирования вооружённых выступлений», но признавала актуальными, например, лозунги «массового сопротивления полиции», правоту которых должны подтверждать кровавые инциденты в Лесском повяте в 1932 г. или события на пограничье Львовского и Краковского воеводств годом позже⁹.

Заявления Ленского во второй половине 1930-х гг., поводом для которых стали трагические столкновения рабочих с полицией в Кракове и Львове весной 1936 г., уже доказывают смену риторики. Вопреки декларациям 1930–1933 гг. теперь он избегал в интересах партии формулировать демонстративно оптимистические оценки ситуации¹⁰.

Открытым остаётся вопрос, насколько прослеживаемая смена позиции явилась результатом эволюции собственных взглядов, а насколько – итогом типичного для польских коммунистов подчинения актуальным директивам советского электората, передаваемых ими через руководство III Интернационала.

¹ Генриковский Г. Обострение классовых боёв в Польше и задачи Коминтерна // Правда. 1932. 1 марта. № 60. Ленский Ю. Нарастание революционного кризиса в Польше.

² Ленский Ю. Новая полоса классовых боёв в Польше; Он же. Революционная перемишка пролетариата и крестьянства в Польше.

³ Генриковский Г. Новая волна крестьянской борьбы в Польше // Коммунистический Интернационал. 1933. № 25. С. 31; Ленский Ю. На подступах к революционному кризису. С. 85; Он же. Компартия Польши от VI к VII Конгрессу Коминтерна // Коммунистический Интернационал. 1935. № 16–17. С. 45.

⁴ Бронковский Б. VI съезд КПП о борьбе с оккупацией и национальным гнетом. С. 33; Ленский Ю. Четвёртый год кризиса в Польше. С. 39; Он же. На подступах к революционному кризису. С. 86.

⁵ Генриковский Г. Новая полоса крестьянских боёв в Польше. С. 67.

⁶ Trębicka K. Między utopią a rzeczywistością. Myśl polityczna Komunistycznej Partii Polski (1918–1938). Lublin, 2007. S. 125–126.

⁷ Ленский Ю. На подступах к революционному кризису. С. 79, 87. Ещё более умеренно вскоре высказался и Г. Хенрыковский. См.: Генриковский Г. Стачные бои польского пролетариата // Коммунистический Интернационал. 1934. № 14. С. 39–45.

⁸ В литературе можно встретиться с тем мнением, что оценки, формулируемые лидерами КПП в 1935 г. в ходе VII конгресса Коминтерна, в основном касавшиеся позиции партии в период Великого кризиса, выглядят «явно непоследовательными». См.: Kowalski J. Komunistyczna Partia Polski 1935–1938. Studium historyczne. Warszawa, 1975. S. 117.

⁹ Ленский Ю. Компартия Польши от VI к VII Конгрессу Коминтерна. С. 43.

¹⁰ Ленский Ю. За мощный фронт свободы и мира // Коммунистический Интернационал. 1936. № 9. С. 59–65.

И. К. Ким

МАНИФЕСТАЦИИ ЦЕНТРОЛЕВА 14 СЕНТЯБРЯ КАК ЭПИЗОД ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ 1930 г. В ПОЛЬШЕ

1930 г. стал переломным в отношениях между правящим санационным лагерем и оппозицией. Захватив после возглавленного Ю. Пилсудским майского переворота 1926 г. исполнительную власть, санация в результате выборов 1928 г. смогла получить лишь относительное большинство в парламенте, ставшим главной ареной её противоборства с легальной оппозицией. Во второй половине 1920-х годов основными оппозиционными выступали партии четырёх лагерей: правонационалистического – «Стронництво народове» (СН), центристского – «Польское стронництво христианской демократии» (ПСХД) и «Национальная рабочая партия» (НПР), людовского (крестьянского) – умеренный «Пяст» и левые «Вызволене» и «Стронництво хлопске» (СХ), социалистического – «Польская социалистическая партия» (ППС). Осенью 1929 г. в Сейме образовалась коалиция шести левых и центристских партий – Центролев. Решающее столкновение между ним и санацией произошло в 1930 г., когда партии Центролева, посчитав исчерпанными возможности парламентского противодействия правящему лагерю, перешли к организации и проведению мероприятий внепарламентского характера. Краковский конгресс этой коалиции и массовая манифестация в его ходе в конце июня отличались жёстким антисанационным тоном, в резолюциях содержался призыв покончить с диктатурой Пилсудского и отстоять демократию.

В ответ на радикализацию действий оппозиции санация начала подготовку к решительным шагам: в конце лета правительство возглавил сам Ю. Пилсудский, были составлены списки подлежащих аресту особо активных деятелей оппозиции, депутатов Сейма. 30 августа было опубликовано распоряжение Президента И. Мосьцицкого о роспуске парламента и новых выборах в ноябре. В ночь с 9 на 10 сентября лишившиеся депутатской неприкосновенности видные лидеры оппозиционных партий были

подвергнуты административному аресту. В официальном сообщении говорилось, что был задержан ряд бывших депутатов, которые совершили «преступления как уголовной (кражи, мошенничество, присвоение и т. п.), так и политической природы (стрельба в полицию, призывы к насилию и неповиновению властям, антигосударственные выступления и т. п.)»¹. Аресты продолжались и в последующем.

В таких условиях оппозиция вступила в предвыборную кампанию, в которой наибольшей активностью отличался Центролев. По данным характеристики, содержащейся в отчёте МВД за первую половину сентября, он «по-прежнему активно выступал на местах под лозунгами беспощадной борьбы с правительством, что, однако же, переходило меру легальных оппозиционных действий, а приобретало в преобладающей части характер вредных и просто опасных для государства выступлений». В качестве доказательств приводились примеры действий оппозиции: «Полукошпиративная подготовка съездов, созванных на 14 IX т. г. в 19 городах, вооружение боевых отрядов, нацеливание их на активное столкновение с органами общественной безопасности, подстрекательство демагогическим образом крестьянских и рабочих масс, угрозы мести народу, подрыв авторитета административных и судебных властей, очернение членов правительства и т. п. ...»².

Непосредственно перед первыми арестами, 9 сентября коалиция Центролев была преобразована в предвыборный блок под названием «Союз защиты прав и свободы народа». В него вошли пять партий коалиции – НПР, «Пяст», «Вызволене», СХ и ППС. В протоколе об общем заседании представителей 5 партий провозглашалось создание Союза и определялось общее ко-

¹ Gazeta Polska. 1930. 11 września.

² Archiwum Akt Nowych (далее – AAN). Zesp. 106. Cz. 1 Sygn. 19. K. 5.

личество выдвигаемых от них кандидатов в депутаты¹. К протоколу прилагалось обращение, опубликованное 10 сентября и начинавшееся следующим образом: «Сейчас слово принадлежит Нации. Страна должна разрешить своим голосованием 16 и 23 ноября, выступает ли она за диктатуру или же против неё, ибо дальнейшее пребывание в состоянии неуверенности ведёт Польшу к катастрофе, разлагает изнутри её живое тело». Перечислив экономические трудности, которые ставят страну в тяжёлое положение, в обращении жёстко утверждалось: «Диктатура Юзефа Пилсудского углубила и обострила до крайних границ эти все трудности польской жизни. Диктатура не разрешила больших социальных, экономических, политических, культурных проблем, стоящих перед нами и решающих о нашем будущем. Не разрешила их, а запутала их и увеличила препятствия. Подорвала же чувство права у нации, топча и ломая Конституцию и законы». Поэтому партии постановили создать для выборов в Сейм и Сенат «единый фронт всех людей труда, единый Союз защиты прав и свободы народа в целях полной и окончательной ликвидации диктатуры Юзефа Пилсудского, в целях полной и окончательной ликвидации «послемайской» системы правления, возвращения во всей полноте действия Конституции и Закона, победу демократии и превращения Народа в хозяина в своей стране»².

Вне блока оказалась участвовавшая до этого в Центролеве ПСХД. Это партия объясняла отказом других политических организаций Центролева поместить в предвыборную программу блока пункт о гарантиях «гражданам католикам, как составляющим большинство в католическом государстве, полное уважение положений Конституции и Конкордата с Апостольской столицей в делах Костёла, брака и религиозного воспитания молодых поколений». Несмотря на солидарность с партиями Центролева в борьбе за права и свободу народа, ПСХД заявляло, что «не может принять их предвыборной программы» и пойдёт на выборы самостоятельно³.

¹ Archiwum Państwowe miasta stołecznego Warszawy (далее – APmsW). Zesp. 72/1/0. Sygn. 349. K. 336.

² Wolność i Pokój (далее – WIP). Wszystkie stronnictwa. № 36/165. 15 września. 1930. S. 335–337.

³ WIP. Wszystkie stronnictwa. № 37/166. 22 września. 1930. S. 346.

Манифестация Центролева 14 сентября должна была стать первым массовым предвыборным мероприятием оппозиции. Её проведение планировалась до объявления выборов. 21 августа партии Центролева договорились о проведении 14 сентября массовых антиправительственных манифестаций в 20 городах. Каждая партия взяла на себя их организацию в отдельных городах: ППС в 12 городах (в том числе в Варшаве, Лодзи, Ченстохове, Бельско-Бялой, Тарнуве, Пшемьсле, Львове), НПР – в 5 (в том числе в Катовице, Познани и Торуня) и по одному – «Пяст» (в Белостоке), «Вызволене» (в Люблине) и СХ (в Замостье)⁴. Основными должны были стать антиправительственные лозунги, сформулированные на Краковском конгрессе, которые были дополнены актуальным: «Мы требуем чистых и честных выборов в Сейм и Сенат!»⁵, а после 10 сентября и требованием освобождения арестованных лидеров оппозиции.

Мероприятия по организации манифестаций активно проводились в первой половине сентября. Так, 9 сентября состоялось заседание оргкомитета по проведению манифестации в Варшаве с участием представителей ППС, СХ, «Вызволене», «Пяста» и НПР. Было решено провести её, «несмотря на то, предоставят ли власти разрешение или же нет». В первом случае предполагалось «установить на Театральной площади Варшавы мегафон, через который будут говорить отдельные ораторы Центролева». Во втором – установить «6 трибун, с которых будут выступать представители партий»⁶. Оргкомитет манифестации Центролева в Варшаве сообщил участникам, что в разных районах столицы определено 13 мест сбора участников в 7 часов утра. После этого манифестанты должны будут организованно пройти в центр города на Театральную площадь. После выступлений там «собравшиеся двинутся демонстрацией через город. Маршрут демонстрации до сих пор не определён». В примечании к этому документу в информационном сообщении комиссара правительства в Варшаве от 12 сентября говорилось, что ожидается изменение в программе «из-за позиции административных властей»⁷.

⁴ APmsW. Zesp. 72/1/0. Sygn. 349. K. 320–332.

⁵ Ibid. K. 259.

⁶ Ibid. K. 342–343.

⁷ APmsW. Zesp. 72/1/0. Sygn. 349. K. 348.

Согласно приказу партийной милиции ППС в Варшаве, детально расписывалось, каким образом её члены должны охранять манифестацию. Предполагалось, что участники придут под охраной партийной милиции к 11 часам на Театральную площадь. После окончания выступлений манифестанты должны отправиться с площади, вновь под охраной партийной милиции, причём порядок движения представителей партий должен быть следующим: НПР, «Пяст», СХ, «Вызволене» и ППС. Во время хода демонстрации требовалось, чтобы в её «голове» и «хвосте» милиция располагалась таким образом, чтобы обезопасить колонну «от возможного бегства или паники, которые могут быть вызваны провокаторами специально для приведения в замешательство участников манифестации». По бокам колонн должны были располагаться члены партийной самообороны¹.

Накануне манифестации высшие государственные власти выдали распоряжение нижестоящим административным властям о запрете проведения митингов под открытым небом. Были разрешены лишь собрания в закрытых помещениях и только после предварительного разрешения соответствующих административных властей. В Варшаве комиссариат правительства «запретил всякие демонстрации под открытым небом, принимая во внимание общественную безопасность»².

Запрет властей стал накануне 14 сентября предметом обсуждения на заседании партий Центролева с участием лидеров партий. Представитель ППС М. Недзялковский заявил о готовности его партии «вывести массы на улицы несмотря на запрет властей, чтобы протестовать против ареста б[ывших] депутатов». Против этого намерения выступили представители крестьянских партий С. Врона (СХ) и М. Ратай («Пяст»), которые были склонны подчиниться запрету, что вызвало возмущение других участников заседания. Первый заявил, что «перед лицом слабого интереса крестьянства к воскресным манифестациям, он выдаст запрет официального участия в них членам Стронництва хлопского». Второй же полагал, что «призывать крестьян к уличной манифестации вопреки запрету властей, по крайней

мере, неуместно». Никакого давления на СХ с целью принуждения его участвовать в манифестации предпринято не было, поскольку допускалось, что «воскресные манифестации могут привести к печальным последствиям». Представители ППС, НПР и «Вызволене» высказались за то, чтобы провести объявленные манифестации, «громко требовать на них отставки П[ана] Маршала Пилсудского и немедленного освобождения арестованных». В информационном сообщении комиссара правительства в Варшаве указывалось также, что отсутствие «единомыслия» по вопросу проведения манифестации «вызвало недовольство заседавших»³.

Манифестации оппозиции 14 сентября прошли при активном противодействии властей и проправительственных организаций и не отличались большой массовостью. О настроениях участников манифестаций, их социальном и политическом обличье информировало МВД: «...среди тех, кто прибыл на митинг, констатировалось очень возбуждённое настроение. Это настроение было тем более понятным, что манифестировали хорошо организованные социалисты – наиболее податливый элемент для уличных выступлений. Участие крестьян было совершенно минимальным, даже в таких воеводствах, в которых крестьянскими массами овладели людовские партии Центролева (Краковское воев[одство])»⁴. Тем самым, был вполне предсказуем не вполне мирный исход манифестаций в отдельных городах.

На митинг в Катовице прибыло 3 тыс. человек, но зал вместил только половину. Здесь была принята резолюция, в которой акцентировалось внимание на осуждении германских ревизионистских тенденций в отношении польских границ и призывалось голосовать «только за списки оппозиционных крестьянских партий, стоящих на почве польской государственности», а также противодействовать «всем попыткам насилия, злоупотреблений и коррупции на выборах». Призывая народ Силезии не голосовать ни за немецких националистов, ни за коммунистов, утверждалось: «Только согласованная поддержка списков польских партий, борющихся за господство прав и свободы, может

¹ Ibid. K. 343-344.

² Gazeta Polska. 1930. 13 września.

³ APmsW. Zesp. 72\1\0. Sygn. 349. K. 354-355.

⁴ Цит. по: Garlicki A. Od Breście do maja. Warszawa, 1986. S. 52.

готовить лучшее будущее»¹. Митинг закончился стычками участников с членами проправительственной организации, были раненные, а вмешательство полиции привело к арестам нескольких десятков человек.

В Лодзи и Калише митинги прошли в закрытых помещениях с участием нескольких тысяч человек, а во Львове каждая партия блока провела отдельные митинги в помещениях. В Люблине митинг закончился арестом главного его оратора И. Космовской из «Вызволене» за слова, что Пилсудский психически болен. В Острове Велькопольском демонстрацию разогнала полиция. В Тчеве демонстрация была не допущена проправительственными боевыми группами, а в Ченстохове несколько сотен участников манифестации подверглись нападению боевых групп проправительственных организаций (были брошены две бомбы). В Радоме в столкновениях получили ранения 18 человек. В Торунь организаторы демонстрации, на которую собралось 6 тыс. человек, игнорировали требование старосты распустить её, устранили его с улицы, произошла перестрелка с полицией, в результате которой были ранены 2 полицейских и 58 человек арестованы. В Тарнув на митинг прибыло 4 тыс. манифестантов, в своём большинстве крестьян. Там в результате стычек оказалось ранено 14 человек, и проведены многочисленные аресты. Не состоялись манифестации в Бельско и Вильно². Всего в стране в ходе выступлений 14 сентября было убито два человека, 74 ранено и несколько сотен арестовано³.

Самая крупная манифестация 14 сентября прошла в Варшаве. Она была организована ППС, и в ней приняли участие также представители и сторонники НПР, «Пяста», «Вызволене» и СХ. Местом проведения митинга стала Швейцарская долина, находившаяся поблизости от центральной части города. Проправительственная «Газета польска» сообщала о присутствии на митинге от 1,5 до 2 тыс. человек⁴. По оцен-

ке информационного сообщения комиссара правительства в Варшаве, к началу мероприятия собралось около 2,5 тыс. человек, но присутствовавшие небольшими группами уходили во время выступлений, поэтому к моменту их окончания собравшихся насчитывалось до 2 тыс. человек (А. Чубинский приводел цифру 3–4 тыс. участников⁵).

В президиум были выбраны представители всех 5 партий Центролева⁶. Первым среди выступавших стал старейший член ППС Б. Лимановский, который заявил присутствовавшим, что прибыл сюда, поскольку «всей душой с вами, против всяческой диктатуры... за настоящую Республику, в которой господствует право и свобода, равенство в правах граждан, чтобы Польша была на самом деле свободна и благословенна народами»⁷. Затем выступили представители всех 5 партий Центролева. М. Недзялковский (ППС) высказался в достаточно умеренном тоне. «В 1926 г. при нашей поддержке П[ан] Маршал Пилсудский пришёл к власти. Четыре с половиной года прошло с этого момента, а итоги правления – это болото клеветы». Были арестованы участники борьбы за независимость и укрепление польской государственности, а «бывшие хорошие полицейские государств-захватчиков сегодня являются старательными чиновниками в Польше, с ними выслуживаются послемайские правительства». «В 1926 г. мы отдали управление в несоответствующие руки, сегодня польский народ возвращается, чтобы напомнить о своих обидах и своих правах!»⁸, – завершил свою речь лидер ППС.

Выступавшие от других партий с разной степенью радикализма негативно охарактеризовали диктатуру и выразили готовность их партий совместно бороться против неё. Я. Смола («Вызволене») заявил, что нынешние выборы должны решить «останется ли диктатура Пилсудского, которая приносит народу унижение, или же сам народ должен собой править». Эта диктатура «пытается устранить закон и толкнуть Нацию на дикие тропы развития. ... Люди, находящиеся во враждебном для демократии лагере, не останавливаются ни перед чем, чтобы

¹ WIP. Wszystkie stronnictwa. № 37/166. 22 września. 1930. S. 348–349.

² AAN. Zesp. 106. Cz.1 Sygn. 19. K. 8. Próchnik A. (Swoboda H.) Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej. Zarys dziejów politycznych. Warszawa, 1983. S. 308; Czubiński A. Centrolew. Warszawa, 1963. S. 224–226; Garlicki A. Piękne lata trzydzieste. Warszawa, 2008. S. 116.

³ Czubiński A. Op. cit. S. 226.

⁴ Gazeta Polska. 1930. 15 września.

⁵ Czubiński A. Op. cit. S. 226.

⁶ APmsW. Zesp. 72/110. Sygn. 349. K. 359.

⁷ WIP. Wszystkie stronnictwa. № 37/166. 22 września. 1930. S. 348.

⁸ APmsW. Zesp. 72/110. Sygn. 349. K. 360–361.

удержать власть», и аресты заслуженных в борьбе за независимость Польши лиц, являются свидетельством того, что «диктатура Пилсудского кончилась». «Долой диктатуру!»¹, – закончил оратор своё выступление. Хофмокл-Островский (СХ) заявил: пусть Пилсудский «наконец поймёт, что не он сам один является поляком в Польше», а его окружение должно отступить и дать Пилсудскому «отрезветь, чтобы понял, что он отошёл от тех, кто шли с ним в 1914 и 1920 году, кто стоял с ним в 1926 году». Обращаясь к крестьянам и рабочим, оратор призвал: «под знаменем согласия и единства идите на выборы и помните о том, что каждый голос, брошенный на чашу весов демократии, приближает нас к лучшему завтра»². Рогович («Пяст») отметил, что на манифестациях в стране собрались те, кто ныне «подали друг другу руки, обращая фронт к защите национальных интересов». «Страна управляется личностями, которые используют своеволие», и последние репрессии являются «выражением надлома диктатуры», – добавил выступающий, выразив надежду, что «будет лучше и что будущее Польши будет за нами»³.

Квецинский (НПР) отметил, что крестьянин, рабочий и трудящийся интеллигент поняли, что «дело, для которого они объединились, великое, а победу можно одержать только в едином фронте». Докладчик оценил переворот 1926 года как «преступление» и совершение «великого обмана», приведшего к пролитию «братской крови». От имени НПР выступавший заявил: «Точкой нашей чести и чувства собственного достоинства будет показ того, что идиотами является не Нация, а те, кто рассчитывали на наш раскол», поэтому партия вступила в предвыборный блок, чтобы «вместе со всей польской демократией держать победу»⁴.

По итогам выступлений на митинге в Варшаве была единогласно принята резолюция. В ней требовалось «немедленно освободить арестованных лидеров польской демократии», приветствовалось создание предвыборного блока «всей польской демократии» и выразилась солидарность с содержанием его предвыборного обращения

к избирателям и с резолюциями Краковского конгресса, а также содержался протест против покушений германских националистов на целостность польских земель⁵.

«Газета польска», в несколько карикатурном виде представившая ход самого митинга, описала и события, произошедшие после его окончания. «Отуманенная, дезориентированная и подстрекаемая антиправительственными речами лидеров Центролева [толпа] захотела продемонстрировать. Провозглашая лозунги, навязанные ей на митинге, она формирует демонстрацию», – сообщала газета. Организаторы знали, чем это грозило, но отправили толпу на улицу, «сами, оставаясь в стороне в роли наблюдателей». Демонстранты в количестве 700 человек двинулись в направлении центра города, конный отряд полиции, появившийся в хвосте колонны, попытался её рассеять, освободив проезжую часть. «В этот момент из рядов демонстрантов раздалась в едущих сзади полицейских... выстрелы, и одновременно раздался мощный взрыв. Это ручная граната, брошенная каким-то провокатором в полицию, взорвалась. Среди демонстрантов и многочисленных прогуливавшихся возникает неопишуемая паника. Все бросаются бежать... Слышны стоны раненных и затоптанных толпой», – драматично описывала ход событий проправительственная газета. Вмешательство полиции, применившей слезоточивые гранаты, останавливает кровопролитие. Полицейские перекрывают дорогу в центр города, проверяют удостоверения личности, задерживают подозрительных, особенно тех, у кого обнаружено оружие. Всего было арестовано около 300 человек. Скорая помощь занимается пострадавшими, тяжело раненных отвозят в больницы. По сообщению «Газеты польской» в результате событий в Варшаве были убиты два человека, ранены 6 полицейских и 13 гражданских лиц⁶. Среди пострадавших оказался бывший депутат от СХ Дзидух, «получивший удар прикладом в бок», однако сам он «факт избития держит в тайне»⁷.

Оценка манифестаций 14 сентября была разной в зависимости от политической принадлежности оценивающих. Реакцию Пил-

¹ Ibid. K. 361.

² WIP. Wszystkie stronnictwa. № 37/166. 22 września. 1930. S. 348.

³ APmsW. Zesp. 72/1/0. Sygn. 349. K. 362.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. K. 362–363.

⁶ Gazeta Polska. 1930. 15 września.

⁷ APmsW. Zesp. 72/1/0. Sygn. 349. K. 367.

судского представил в своих воспоминаниях Министр внутренних дел Ф. С. Складковский, доложивший тому на следующий день о манифестациях. «Пан Маршал слушал спокойно, не прерывая... Он, прежде всего, запретил раздувать значение событий и манифестаций ... В Польше должно господствовать спокойствие, без всяких чрезвычайных положений ... суды должны немедленно преследовать преступления против порядка в Государстве так, чтобы пример наказания действовал возможно быстро и непосредственно»¹. «Ход воскресных манифестаций в столице и провинции продемонстрировал всё бессилие и немощь оппозиции, отсутствие какой-либо опоры в массах», – резюмировала «Газета польска». Этот вывод опирался на данные о незначительном количестве участников и использовании оппозицией недопустимых методов: «Преступные методы, пролившие кровь невинных людей, которые партийные шулеры хотели бы использовать в нелояльной борьбе, следует лишить значения и силы»².

15 сентября партии Центролева провели совещания с целью «предотвращения дальнейшего пролития крови, избегания любой ценой новых инцидентов»³. На заседании президиума «Вызволене» 17 сентября его Генеральный Секретарь Носек отчитался о проведении манифестации. Ожидалось прибытие в Варшаву около 2,5 тыс. человек, а прибыло 1214, что объяснялось, в частности, репрессиями со стороны административных властей в отношении крестьян, которые на повозках ехали в столицу из окрестных местностей. В провинции, по оценке выступавшего, участие крестьян в манифестаци-

ях было «намного большим», особенно в восточной части Западной Малой Польши. В то же время полное фиаско «имело место в Вильно, где «Стронництво хлопске» не подготовило никакой акции». Кроме того, «как в Ченстохове, так и Люблине имели место случаи нападения санационных боевых групп, а арест Космовской является лишь частной мстью местных административных властей». В целом Генеральный Секретарь партии «оценил день 14 сентября т. г. как относительно удачный, принимая во внимание репрессии, применённые к крестьянам»⁴.

Манифестации стали крупнейшим совместным предвыборным мероприятием партий Центролева. Тем не менее, по размаху они не смогли превзойти Краковский конгресс объединения в июне, который и стал вершиной его деятельности. Выход из Центролева ПСХД, усиление разногласий между партиями относительно степени радикализма выступлений и внутри партий из-за отношения к санации невыгодно отличали манифестации 14 сентября от Краковского конгресса. Сдерживающе на размах манифестаций повлияла готовность властей жёстко противостоять оппозиции: аресты лидеров оппозиции, запрет на проведение мероприятий под открытым небом и применение полиции для их недопущения, мобилизация для противодействия оппозиции проправительственных организаций. Тем самым манифестации 14 сентября не способствовали успеху Центролева на выборах. По их итогам, Центролев получил 17,3 % голосов и стал обладателем 79 мандатов, а проправительственный ББВР – 46,7% и 249 мандатов⁵.

¹ Składkowski F. S. Strzępy meldunków. Warszawa, 1988. S. 108.

² Gazeta Polska. 1930. 16 września.

³ APmsW. Zesp. 72/1/0. Sygn. 349. K. 374.

⁴ Ibid. K. 382–383.

⁵ Mały Rocznik Statystyczny. 1931. Warszawa, 1931. S. 134.

С. В. Кретинин

ПОЛЯКИ И НЕМЦЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ: МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И КОНТАКТЫ

Восстановленное в ноябре 1918 г. Польское государство, известное как Вторая Республика (или Вторая Речь Посполитая), стало ярким примером межэтнических взаимодействий, конфликтов и контактов. Наиболее наглядно этот иллюстрируют взаимоотношения между поляками и немцами.

Именно Польша выступила одним из эпицентров региональных конфликтов в Восточной Европе, которые находились в тесной связи с вопросом послевоенных границ. Познань, Верхняя Силезия, Поморье, украинские и белорусские территории – вот только основные регионы, на обладание которыми претендовала Вторая Республика¹.

Польские власти мало внимания обращали на фактор национальных меньшинств, оказавшихся в составе их государства по решениям Парижской мирной конференции 1919 г. При этом их положение регулировалось международным и национальным правом. Сам Версальский мирный договор от 28 июня 1919 г. гарантировал возможность получения (выбора) польского гражданства для бывших подданных Германской империи (ст. 91)².

Накануне его заключения, 24 июня 1919 г., французский премьер-министр Ж. Клемансо обратился с открытым письмом к польскому премьеру И. Падеревскому, в котором выражал уверенность, что в восстанавливаемом Польском государстве национальным и религиозным меньшинствам будет гарантирована защита³.

Детально права вышеуказанных категорий населения были прописаны в специаль-

ном договоре о защите национальных меньшинств, заключённых в Версале в качестве приложения к основному мирному договору от 28 июня 1919 г. В документе было зафиксировано: «Польша обязуется предоставить право на получение собственного гражданства без ограничений бывшим подданным Германии, Австрии, Венгрии и России»⁴. Им гарантировалось право свободно использовать национальный язык в общении, делопроизводстве и образовании. Показательно, что в договоре были особо прописаны права немецкого и еврейского меньшинств, но прямо ничего не говорилось об украинском и белорусском, хотя именно эти группы составили в итоге большинство среди национальных меньшинств страны.

Конституция Второй Республики 1921 г. также декларировала национальным меньшинствам широкие права: «Те граждане польской республики, которые принадлежат к отдельным национальным, конфессиональным и языковым меньшинствам, имеют равные с другими гражданами права на создание, управление и содержание собственных организаций образовательного, социального и культурного толка на собственные средства, равно как и на свободное использование национального языка и свободно отправление религиозных нужд»⁵.

Однако при рассмотрении спорных вопросов польские юристы по-своему интерпретировали 91-ю статью Версальского договора, признавая право на польское гражданство только для немцев бывших прусских территорий. Предпринимались попытки законодательно вынудить немцев покинуть территорию Польши, что наталкивалось на сопротивление и апелляции к международному праву и международным организациям, в частности, к Лиге наций.

⁴ Handbuch des Deutschtums in Polnisch-Oberschlesien. S. 4.

⁵ Handbuch des Deutschtums in Polnisch-Oberschlesien. S. 26.

¹ Подробнее см.: Кретинин С. В. Немецкие военизированные формирования в Верхней Силезии в 1918–1922 гг. // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 1. С. 168–181.

² Handbuch des Deutschtums in Polnisch-Oberschlesien. Eine Sammlung der im Abtretungsgebiete geltenden Grundgesetze für die nationale Minderheit. Kattowitz, 1922. S. 1.

³ Bundesarchiv: Abteilung Reich und DDR zusammen mit Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR. Berlin (данее – BA). NS 43 / 30/ Fol.1 Bl. 102.

В столь трудной ситуации оказались немцы, оставшиеся после 1918 г. в границах Польской республики общей численностью, по разным данным, от 740 тыс. до 1,7 млн человек. Сложность с определением точной диаспоры немецкого населения в Польше состоит в наличии разных сведений, зависящих от политических пристрастий и национальности их собирателей: так, немецкие источники указывают большее число, нежели польские. Дополнительную противоречивость внёс тот факт, что окончательные границы Польши были установлены лишь к октябрю 1921 г. При этом в некоторых районах со смешанным населением польская администрация появилась лишь в июле 1922 г. Кроме того, по сравнению с 1910 г., число немцев на территориях, отошедших Польше после 1918 г., резко (почти вдвое) сократилось в силу потерь в годы Первой мировой войны (как на фронте, так и за счёт депортаций и бегства населения). По германским данным на 1910 г., на территориях, вошедших затем в состав Польской республики, проживали 2,2 млн немцев¹, при этом отмечалось, что при официальных подсчётах польские власти занижали численность нетитульных национальностей.

Действительно, перепись населения в Польше 1921 г., по сообщениям германского консульства из Лодзи, проходила с массовыми нарушениями. Часто переписчики просто заполняли формуляры у себя дома и причисляли всех граждан к польской нации. В ряде небольших городов Средней Польши были зафиксированы случаи, когда евреям отказывали в праве сделать записи в опросных листах на своём языке. В небольшом поселке Псары под Ходецом из 40 проживавших там немецких семей только один школьный учитель был записан как немец. Остальные стали на бумаге поляками².

Такая политика привела к официальному сокращению граждан Польши немецкой национальности, которых в 1927 г., даже по официальным данным германского МИДа, насчитывалось всего лишь 1 млн 150 тыс.³

¹ См. данные архива польских социалистов в Польше: Archiv der Deutschen Sozialistischen Arbeiterpartei Polens in der Friederich-Ebert-Stiftung, Bonn-Bad-Godesberg (далее – AdDSAP). A.-a-1. № 277.

² Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Berlin (далее – PA). VI Po. Politik 25- Polen. R 82188. Bl.025 Rückseite.

³ PA. VI Po. Politik 25- Polen. R 82202. Bl. 001.

Эти данные подтверждались и польскими источниками, согласно которым в 1926 г. число немцев в Польше упало с 2,5 млн до 1 млн 32 тыс.⁴

Показательным является пример с подсчётом численности немцев в Волини. Там по официальным польским данным 1931 г. проживали около 47 тыс. человек. Однако в 1939–1940 гг. из Волини выехало 67 тыс. этнических немцев⁵, т. е. за 8–9 лет немецкое население в этой области увеличилось на 1/3. Очевидно, что в условиях полонизации многие этнические немцы становились на бумаге поляками, а в ходе переселенческой кампании нацистской Германии вновь вернулись к своей исходной национальности. Хотя, при переселении 1939–1940 гг. выехать за пределы СССР стремились и представители других национальностей.

К аналогичному выводу пришёл польский историк Альберт Котовский, который сравнил официальные данные о немецком населении в Познани и Померании, вошедших в состав Польши по решениям Парижской мирной конференции без плебисцита, с данными по Верхней Силезии, где плебисцит был проведён. Выяснилось, что в Познани и Померании число немцев на 1921 г. сократилось по сравнению с 1910 г. вдвое (с 1 млн 100 тыс. до 503 тыс.), а в Верхней Силезии, напротив, даже увеличилось (с 264 тыс. до 293 тыс. человек)⁶.

Современный американский историк Винсон Чу провёл сравнение польских и немецких источников за 1921 и 1931 гг., оперируя следующими данными: согласно польским подсчётам, в 1921 г. на территории страны проживало 1 млн 92 тыс. немцев, большинство из которых (более 856 тыс.) – на территории бывших германских владений и перешедшей от Австрии Тешенской Силезии. На территории бывшего Царства Польского польские источники насчитывали лишь немногим более 166 тыс. граждан немецкой национальности. Это сильно отличалось от немецких данных, по которым только в Конгрессовой Польше проживало 300 тыс. немцев! Всего же на территории Польши их

⁴ PA. VI Po. Politik 25- Polen. R 82200. Bl. 233.

⁵ Döring S. Die Umsiedlung der Wolhynien deutschen in den Jahren 1939 bis 1940. Frankfurt am Main, 2001. S. 37.

⁶ Kotowski A. Polens Politik gegenüber seiner deutschen Minderheit. Wiesbaden, 1998. S. 52.

находилось 1 млн 347 тыс. человек. Таким образом, расхождения между польскими и немецкими данными составили на 1921 г. 255 тыс. Ещё большее несоответствие мы встречаем в подсчётах за 1931 г. Польские источники сообщают о 741 тыс. этнических немцев, а немецкие – об 1 млн 140 тыс. Расхождение в цифрах, таким образом, составило уже почти 400 тыс.! При этом немцы в бывшем Царстве Польском, согласно польским источникам, получили прирост почти в 80 тыс. человек, а согласно немецким – всего лишь 30 тыс.!

Таким образом, установить полную ясность в вопросе о количестве немецкого населения в Польше представляется крайне затруднительным. И очевидно, что установить точное число немцев, проживавших в межвоенной Польше, на настоящий момент представляется невозможным.

Немецкое население было сосредоточено в 4 основных районах Польской республики: в бывших российских владениях (Царстве Польском²), в бывших германских восточных территориях (Познань и Поморье), в Верхней Силезии и в Галиции и Волыни.

В бывшем Царстве Польском (Средней Польше) проживало, по разным данным, от 500 тыс. до 600 тыс. немцев. Крупнейшими центрами немецкого расселения и экономической активности выступали города Радом, Лодзь и Томашов. Небольшие немецкие диаспоры проживали в Варшаве, а также в некоторых восточно-польских районах, в частности, в Белостоке.

Метрополией национальных меньшинств Средней Польши и всего государства являлся индустриальный центр Лодзь, ещё до 1914 г. считавшийся «Восточным (Польским) Манчестером». Для этого региона был характерен быстрый промышленный рост и урбанизация. Так, в 1921 г. в Лодзи проживало 452 тыс. человек, а в 1931 – более 600 тыс. Из них 30 % от его населения составляли евреи и немцы, при этом последние охватывали до 70 % среди занятых в промышленности лиц. Кроме того, это были, в основном, ремесленники и мелкие собственники. Неслучайно город Лодзь был

одним из центров социал-демократического движения в Царстве Польском и в независимой Польше. Даже в условиях экономического кризиса начала 1930-х гг. немцы сохраняли здесь сильные экономические позиции. Лодзь выступал также центром немецких банков и кредитных организаций: в 1925 г. их насчитывалось 80³.

Основная масса немцев сосредоточилась в лодзинской индустриальной области (180 тыс.). В Средней Польше в целом было велико и сельское население – около 33 000 хозяйств, которым принадлежало 250 тыс. га земли. Территориально немцы проживали в Калишской области – 25 тыс., столько же в Куявской области, ещё 11 тыс. в Вартебрухе, в Добринской области – 28 тыс., в Вайхельской низменности – 25 тыс.⁴

Немцы бывшего Царства Польского первыми стали полноправными гражданами Польской республики, войдя в её состав с самого начала, с 1918 г. Это дало им возможность раньше прочих немецких общин адаптироваться к новым условиям жизни. Они первыми делегировали своих депутатов в польский парламент (1919 г.), претендовали в начале 1920-х гг. на ведущие политические роли среди всех немцев Польши, что приводило к серьёзным разногласиям с политическими лидерами Познани, Поморья и Верхней Силезии.

Наибольшее число немцев Польши проживало в Познани и Поморье – от 700 тыс. до 1 млн 200 тыс. Крупнейшими центрами являлись города Бромберг (Быдгощ), Торн (Торунь), Позен (Познань), Грауденц (Грудзёндз). Значительным было и сельское население, среди которого польские власти вели активное наступление на экономические позиции немцев. Например, количество принадлежавшей им земли сократилось с 1,6 млн га (1914 г.) до 1 млн (1926 г.)⁵. При этом реформа 1926 г. затронула 91,2 % крупных немецких хозяйств и всего лишь 8,8 % польских⁶. А к 1939 г. в руках немцев оста-

³ Rogall J. Die Deutschen in Posener Land und in Mittelpolen. München, 1985. S. 132, 152.

⁴ Kauder V. Das Deutschtum in Mittelpolen. Ein Bildband. T.4. Leipzig, 1938. S. 8.

⁵ См.: Kessler W. Die deutsche Bevölkerung Pommerellens und Grosspolen nach dem Ersten Weltkrieg (1919–1929) // Die Abwanderung der deutschen Bevölkerung aus Westpreußen und Posen 1919–1929. Berlin, 1988. S. XX.

⁶ BA. NS 43 / 29. Vol.1. Bl. 5.

¹ Chu W. The German Minority in Interwar Poland. Cambridge – New York – Melbourne, 2012. P. 203.

² В германской историографии чаще употребляются названия «русский захват» или «Конгрессовая Польша» (*Kongresspolen*).

валось всего около 200 тыс. га¹. По донесениям германского консула в Познани, в ходе аграрной реформы произошла парцелляция сельских хозяйств, притом, что 90 % таких участков пришлось именно на долю немецких землевладельцев².

В Познани и Поморье немецкое меньшинство оказалось в наиболее тяжёлом положении. В 1918–1919 гг., по разным данным, бывшие восточные территории Германии покинули от 400 до 800 тысяч немцев³! Эти цифры подтверждаются Внешнеполитическим ведомством НСДАП от 1932 г., по донесениям которого, в Познани и Западной Пруссии до Первой мировой войны проживало 1 млн 200 тыс. немцев. Это число за время польского господства сократилось на 350 тыс. При этом сельское население потеряло 55 %, а городское – 85 %⁴!

По польским данным, с 1 декабря 1918 г. по 30 ноября 1921 г. только Познань и Поморье покинули 730 тыс. немцев! Ещё 400 тыс. уехали из страны после 1921 г. Тем самым из Второй республики была вытеснена половина его немецкого населения, имевшего право на польское гражданство⁵!

Польше же досталась всего 1/3 Верхней Силезии, зато она получила 42,5 % всего населения региона (почти миллион человек, из которых ок. 430 тыс. голосовали на плебисците 1922 г. за Германию, т. е. – 44,2 %), и центральную индустриальную область с Катовицами и Кенигсхютте⁶. В состав автономного воеводства Силезия была включена бывшая австрийская (Тешенская) Силезия с центром в Билиц-Биала. Численность немецкого населения здесь составляла около 330 тыс.

Силезия – традиционный центр угледобывающей и обрабатывающей промышленности, и в экономической области позиции

немцев здесь были доминирующими. Однако в результате разнемецивания, они оказались утрачены к началу 1930-х гг., что вкупе с последствиями экономического кризиса способствовало усилению в Верхней Силезии право-националистических настроений и в целом – росту симпатий национал-социализму.

Территория Малой Польши (Галиции), в административном плане была разделена на Краковское, Львовское, Сталиславское и Тарнопольское воеводства. Местные немцы проживали в Волини (Владимир Волынский, Луцк), Галиции (Краков, Львов, Станислау), Наревской области (Бельск-Подляшский). По данным на 1921 г., их численность составляла около 50 тыс. человек. Две трети местных немцев составляли крестьяне, преимущественно средние и мелкие. Ещё 8 % были сельскими наёмными рабочими, а 16 % – заняты в ремесленном, кустарном производстве. Около 20 % немцев проживали в городах, образуя слой интеллектуалов (педагогов, юристов, врачей) и предпринимателей⁷.

Немецкое меньшинство проживало как в анклавах, так и в районах, непосредственно граничивших с Германией и Судето-немецкой областью. Большая часть немецкого населения проживала в индустриально развитых районах (Силезское, Лодзинское воеводства, районы Познани и Бромберга).

Что касается конфессионального соотношения, то большинство немецкого меньшинства составляли протестанты (лютеране или евангелисты), что в идеале должно было содействовать единению немецкого меньшинства в республике, хотя сильны были и католические деноминации (в первую очередь, в Галиции), которые пользовались поддержкой польского руководства. В отдельных районах, особенно сельских, компактно проживали сектанты-меннониты.

Немцы в Польше достаточно долго и болезненно свыкались с новыми условиями жизни. Неслучайно, в апреле 1921 г. лидеры немецких профсоюзов в Познани были вынуждены напоминать своим соотечественникам: «Мы с вами живём уже не в Германской империи, а за границей»⁸.

Между немцами в различных регионах новообразованной республики существова-

¹ Senator Hasbachs Reden zur Senatdebatte 1939. Bromberg, 1939. S. 29.

² PA. VI Po. Politik 25- Polen. R 82201. Bl. 090.

³ Rhode G. Das Deutschtum in Posen und Pommerellen in der Zeit der Weimarer Republik // Die deutsche Ostgebiete zur Zeit der Weimarer Republik. Köln – Graz, 1966. S. 99.

⁴ BA. NS 43 / 29. Vol.1. Bl. 3.

⁵ Nitschke B. Vertreibung und Aussiedlung der deutschen Bevölkerung aus Polen 1945 bis 1949. München, 2004. S. 49.

⁶ Nordblom P. Die Lage der Deutschen in Polnisch-Oberschlesien nach 1922 // Oberschlesien nach dem Ersten Weltkrieg. Studien zu einem nationalen Konflikt und seiner Erinnerung. Marburg, 2003. S. 112.

⁷ Deutsche Geschichte im Osten Europas. Galizien. Berlin, 1999. S. 171.

⁸ Deutsche Rundschau für Polen, Bromberg. 06.04.1921.

ли значительные различия, в том числе и по вопросу об отношении к этой республике. Если силезские, поморские и восточно-пруссские немцы сопротивлялись вхождению их территорий в состав Польши, то немцы в бывшем Царстве Польском изначально были настроены лояльно, и в период советско-польской войны воевали в составе польской армии. Так, один из лидеров немецкой социал-демократии в Польше Артур Крониг с ноября 1918 по январь 1921 г. служил в польской армии в чине лейтенанта¹. Школьный учитель, краевед и историк Альберт Брейер в 1920 г. вступил в польскую армию добровольцем, причём как раз в тот момент, когда Красная Армия стояла под стенами Варшавы². В то же самое время, многие немцы из Познани и Верхней Силезии бежали в Германию, спасаясь от призыва в польскую армию, и открыто выражали симпатии Красной Армии.

И в 1920-е гг. немцы из разных частей Второй Республики, в первую очередь, крестьяне и представители средних городских слоёв, охотно шли служить в польскую армию. Несмотря на то, что отношение к военнослужащим нетитульной национальности было не всегда корректным, законопослушные немцы рассчитывали повысить свой социальный статус на службе и выйти в запас в чине офицера³. Некоторые этнические немцы, как Владислав Андерс, дослужились до высоких постов.

Противоречия между немцами различных регионов Польской республики сохраня-

лись на протяжении всей истории её существования, и все попытки найти между ними компромисс, добиться единства их действий не привели в итоге к конечному успеху.

Дополнительную сложность представлял тот факт, что в Польше, помимо немцев, проживало значительное количество других национальных меньшинств: евреев (ок. 3 млн), ок. 7 млн русских, украинцев и белорусов, а также кашубов (более 100 тыс. человек), кабатков, словинцев, чехов, венгров. Всего национальные меньшинства составляли (по разным данным) до 40 % населения страны: из 30 млн населения Польши (данные на 1921 г.) лишь 19 млн считали польский язык родным. В восточных областях страны национальные меньшинства составляли абсолютное большинство: 7,5 млн украинцев, белорусов, евреев и всего лишь 1,5 млн поляков⁴.

Таким образом, взаимоотношения между поляками и немцами в первые годы Второй Республики носили скорее характер взаимного недоверия, нередко переходя к конфронтации. При этом немцы находились на положении национального меньшинства, не самого многочисленного, но одного из самых политически активных. Неслучайно политика полонизации, проводившаяся польскими властями, была направлена на разнемечивание, разгерманизацию именно тех районов, где компактно проживали немцы⁵.

¹ См., Heike O. Die deutsche Arbeiterbewegung in Polen 1835/1945. Dortmund, 1969. S. 124.

² Breyer R. Albert Breyer // Ostdeutsche Gedenktage 1989. Persönlichkeit und historische Ereignisse. Bonn, 1988. S. 10.

³ Polen und sein Preußischer Streifen. Die deutsche Volksgruppe in Posen und Pommerellen. Berlin-Bonn, 1983. S. 5.

⁴ См., например, мнение польского историка Ежи Томашевского: Tomaszewski J. Rzeczpospolita wielu narodów. Warszawa, 1985.

⁵ Кретинин С.В. Польша для поляков: политика полонизации и разнемечивания в Польской республике в первой половине 1920-х гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 1. С. 51–57.

Р. Лещиньский

МОДЕЛЬ «КРЕСОВОГО ВОСПИТАНИЯ» В ПОЛЬШЕ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ: ПРОСВЕЩЕНИЕ В ТЕРНОПОЛЬСКОМ ВОЕВОДСТВЕ В 1923–1938 гг.*

Главной целью нашего исследования является стремление подробно представить модель т. н. «кресового воспитания»¹ на примере Тернопольского воеводства в 1923–1938 гг. Система просвещения в этом воеводстве функционировала в правовых рамках, определённых центральными органами власти. Новая политическая ситуация в межвоенное двадцатилетие, в период Второй республики (1918–1939), вынуждала воеводские власти организовывать просвещение в условиях соблюдения интересов полиэтничного сообщества. Дело в том, что к 1931 г. здесь из 1 600 406 жителей 49,3 % являлись поляками, 45,5 % – украинцами и 4,9 % – евреями². Именно с учётом этой данности в сфере просвещения должна была применяться модель «кресового воспитания», тесно связанная с набором самых важных ценностей и взглядов, характеризующих польское национальное самосознание.

Представляемая тема нашла лишь частично отражение в польских и украинских исследованиях: имеются лишь отдельные работы по теме «кресовой» системы просвещения. Основными источниками для раскрытия темы стали материалы фондов Воеводского управления в Государственном архиве Тернопольской области (особенно отчёты о ситуации за 1923–1933 гг.) и Министерства внутренних дел в Архиве новых актов в Варшаве (отчёты о жизни национальных меньшинств). Важным дополнением к

архивным материалам являются воспоминания польских семей кресов, опубликованные в журналах «Голоса подолян», «Над Одрой» и «На рубежи».

В межвоенное двадцатилетие общая ситуация в просвещении Польши выглядела не самым лучшим образом. В Тернопольском воеводстве уровень развития сети общеобразовательных школ был относительно высоким по сравнению со средним показателем по стране. Ниже мы остановимся на функционировании польских обществ и общественных организаций, а также в определённом смысле постараемся выяснить, насколько сильно они были связаны с политикой польского государства в сфере просвещения. Будут затронуты также проблемы утративших школ³, а также институциональных изменений в системе просвещения Тернопольского воеводства. Существенным представляется описание модели просвещения и его влияния на патриотическое воспитание поляков на кресах. Представление этой модели применительно к Тернопольскому воеводству позволит пролить свет на польско-украинские отношения во Второй республике.

Этническая ситуация и общая экономическая отсталость Тернопольского воеводства выступали серьёзным вызовом для органов просвещения польского государства. В середине 1920-х гг. во всём воеводстве насчитывалось 832 польских и 527 украинских школ. Большинство из них – 1279 – являлись начальными⁴. Количество средних государственных школ (гимназий и лицеев в совокупности) колебалось в 1930-е гг. вокруг

* Пер. с польск. И. К. Кима. – *Прим. ред.*

¹ Кресы – термин, ныне ассоциирующийся с восточными территориями польского государства до Второй мировой войны; до разделов Польши и в межвоенный период они составляли часть польского государства, в настоящее же время относятся к территориям Украины, Беларуси и Литвы; сейчас можно также встретиться с разделением бывших кресов на северо-восточных и юго-восточных.

² Hryciuk G. Przemiany narodowościowe i ludnościowe w Galicji Wschodniej i na Wołyniu w latach 1931–1948. Toruń, 2005. S. 79.

³ Утратившие школы – термин, относящийся к двуязычную школьную системы; процесс утративших школ означал частичную ликвидацию украинской школы посредством её постепенной полонизации; кампания утративших школ проводилась преимущественно в 1924–1926 гг.

⁴ Torzecki R. Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków, 1989. S. 286–294.

цифры 45, частных школ было всего 3, а профессиональных – 11. Государственные средние школы функционировали в Бродах, Бережанах, Бучаче, Чорткове, Камёнке Струмиловой, Тернополе, Трёмбовле, Збараже и Злочеве. Частные гимназии находились в Борщове, Бродах, Чорткове, Язловце, Перемышлянах, Радехове, Тернополе и Злочеве. Преподаватели получали образование в 4 государственных и частных учительских семинариях, которые функционировали в Бережанах, Чорткове, Тернополе и Залещиках. Кроме того, в воеводстве работали сельскохозяйственные, торговые и ремесленные школы¹. Характерной чертой этого находящегося на восточных кресах региона выступало отсутствие высших учебных заведений. Наконец, большой проблемой многих школ с начала 1920-х гг. оставалась их некомплектность, что в итоге вело к неравномерному уровню школьного образования. Так, встречались школы с двумя или четырьмя классами, примерно только в 40 учебных заведениях имелись собственные библиотеки. Следует учитывать и то обстоятельство, что система просвещения в межвоенное двадцатилетие переживала постоянную реорганизацию, что мало способствовало стабильному развитию образования.

На польском языке в начале 1920-х гг. преподавание велось в 807 начальных школах. В последующие годы количество начальных школ такого рода сохранялось на уровне 600. В 1926–1934 гг. общее количество начальных школ с украинским языком обучения колебалось в пределах от 75 до 140. Количество утративших образовательных учреждений менялось с 564 до 301². Похожая ситуация прослеживается и в гимназиях: на 16 учреждений с преподаванием на польском языке приходилось лишь 4 с украинским³. Статистические данные за 1936/37 учебный год указывают на значительное преобладание польского языка в средних школах⁴.

Количество учителей в Тернопольском воеводстве постепенно росло. Если в 1920/21 учебном году их было 2731 человек⁵, то 10 лет спустя численность педагогических кадров достигла уже 3589 человек⁶. В 1935/36 учебном году количество работающих учителей колебалось около показателя в 3 590 человек. Аналогично представлялась ситуация с обучающимися. В начальной школе в 1935/36 учебном году количество учеников составляло 195 905 человек, а во всех типах средних школ – 5 665⁷. В 1938 г. начальные школы посещали 198 128 детей, в гимназиях учились 5 500, а в лицеях – 438⁸. Количество учащихся в начальных школах постоянно росло, что было результатом постепенного экономического подъема Тернопольского воеводства в 1930-е гг.

Утраквизация просвещения была направлена на нивелирование различий между польской и украинской школой. Она затронула все воеводства кресов, в том числе и Тернопольское. По закону Грабского от июля 1924 г. должны были быть реформированы все типы школ. При формулировании самых важных разделов этого акта его авторы исходили из того, что государственным во внутренней жизни и внешних контактах является польский язык⁹. В основе закона лежала попытка объединения населения кресов с польской государственностью и стремление в дальнейшем воспитать сильное чувство принадлежности к польскому гражданскому обществу. В последствие закон способствовал осуществлению также т. н. национальной самоидентификации поляков на кресах.

Тесное сотрудничество центральной администрации с органами администрации территориальной было связано с необходимостью решения разного рода локальных проблем в сфере межнациональных отношений. Функционировавшие тогда органы просвещения совершили много ошибок во время реализации программы утраквизации, которые в итоге привели к обратной реак-

¹ Zapalec A. Ziemia tarnopolska w okresie pierwszej okupacji sowieckiej. 1939–1941. Kraków, 2006. S. 37–38.

² Symonowicz K. Szkolnictwo ukraińskie w Polsce Odrodzonej. Zarys historyczno-statystyczny. Lwów, 1937. S. 32–33.

³ Sanojca K. Relacje polsko-ukraińskie w szkolnictwie państwowym południowo-wschodnich województw Drugiej Rzeczypospolitej. Kraków, 2013. S. 147–169.

⁴ Torzecki R. Op. cit. S. 290–294.

⁵ Sanojca K. Op. cit. S. 306.

⁶ Statystyka szkolnictwa 1931/1932. Warszawa, 1933. S. 32–37.

⁷ Statystyka szkolnictwa 1935/1936. Warszawa, 1937. S. 11–28.

⁸ Statystyka szkolnictwa 1937/1938. Warszawa, 1939. S. 17–55.

⁹ Potocki R. Polityka państwa polskiego wobec zagadnienia ukraińskiego w latach 1930–1939. Lublin, 2003. S. 57.

ции: росту неприязни украинского населения к польскому. Её результатом, в частности, стало убийство в 1926 г. куратора Львовского учебного округа Станислава Собиньского, организованное членами Украинской военной организации (УВО).

Модель утравкизации в последующие годы подвергалась критике кругами, связанными с Юзефом Пилсудским. В целом подход к проблеме просвещения изменился после майского переворота 1926 г. В это время предпринимались попытки стабилизировать систему образования и усовершенствовать процесс утравкизации, изменяя в зависимости от политической потребности частоту проведения школьных собраний по выбору родителями учеников языка преподавания. Кроме того, на учителей была возложена обязанность получения соответствующей педагогической подготовки и знания второго языка¹.

Однако ключевым элементом политики просвещения с 1926 г. стало стремление к государственному обучению в школах для национальных меньшинств. Большое значение в этом контексте имел соответствующий подбор педагогических кадров, которые должны были заниматься обучением украинцев.

Следующим важным этапом изменений в школьном образовании выступила реформа Министерства по делам религиозных вероисповеданий и общественного просвещения. Проведённая Янушем Енджиевичем в 1832 г., она была призвана унифицировать систему среднего образования.

Воспоминания жителей Тернопольского воеводства того времени представляют образ школы, которая требовала от учеников высокой дисциплины и стремления учиться. Именно тогда педагогические кадры несли самую высокую ответственность за формирование молодых умов. В Тернопольском воеводстве типичных городских центров было немного, поэтому обучение осуществлялось, главным образом, в сельской местности. Деревенские школы насчитывали обычно две классные комнаты и маленькую квартиру для её руководителя. Зимой помещения отапливались недостаточно, и в ре-

зультате во многих школах ученики сидели в верхней одежде (например, в дублёнках). В зданиях не было ни раздевалок, ни печей для отопления. Каждый ученик обычно имел один учебник, а карандаш, резинку, перьевую ручку получал уже в старших классах. Вместо ранцев служили мешки из льняного полотна. Именно в столь сложных материальных условиях формировались поколения польской кресовой молодёжи. В атмосферу этнического пограничья отлично вписывался отличавших именно поляков набор ментальных характеристик и установок, ведущим мотивом которых являлся патриотизм. Это вполне объяснимо, поскольку проживающее в Тернопольском воеводстве польское население гораздо острее ощущало свою национальную идентичность, чем поляки на коренных территориях страны. Тем более что в польских школах в межвоенное двадцатилетие активно культивировались именно патриотические традиции.

В министерских программах обучения самое большое внимание уделялось умению учителя вызвать у учеников патриотические эмоции и осознание величия польского государства. Особенно ярко это выражалось в условиях восприятия местной исторической традиции, сохраняющей память об участии польской молодёжи в боях 1918–1919 гг., о тех, кто пожертвовал своей жизнью в борьбе за независимость родины. Эти ценности активно формировались в утравкистских школах и в семейном кругу. Большое значение для укрепления идеи «польскости» имели тесные отношения между учителями и учениками, выходящие за пределы класса. В этом контексте отличным примером могут быть воспоминания Хенрика Огоновского: «Я родился в Чабаровке в конце межвоенного двадцатилетия, и здесь прошло моё детство. Опекаемые моей воспитательницей, мы познавали окружающую среду, и это были первые, практические уроки патриотизма и истории родной земли. Мы учили народные и патриотические песни, читали стихи, ставили детские спектакли. Это было захватывающе!»².

Поведение учеников в большинстве случаев отражало взгляды и ценности, исповедуемые их родителями. За весь период

¹ Paruch W. Od konsolidacji państwowej do konsolidacji narodowej. Mniejszości narodowe w myśli politycznej obozu piłsudczykowski (1926–1939). Lublin, 1997. S. 148–149.

² Ogonowski H. Wsie kresowe // Głosy Podolan. Warszawa, 1995. № 8. S. 25.

межвоенного двадцатилетия в большинстве польских семей постоянно заботились о сохранении памяти о своём шляхетском происхождении, что сделало востребованным знание польской литературы. К обязательному прочтению в каждом доме следует причислить трилогию «Огнём и мечом», «Пан Володыёвский», «Потоп» Хенрика Сенкевича и «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича. Этот список дополняли многие стихотворения Юлиуша Словацкого, Винценцы Поля и Маурицы Гославского.

Особенно значительно влияло на формирование модели «кресового воспитания» творчество Х. Сенкевича. Его произведения имели настолько большое значение для отдельных жителей этих земель, что в Тернопольском воеводстве появилась деревня Сенкевичувка. Воспоминания того времени свидетельствуют: «В нашей деревне много читали, особенным успехом пользовалась трилогия Сенкевича. Зимой, когда было больше времени, мы собирались чтобы читать вместе, и иногда мне оказывали честь быть чтецом. Перед окончанием IV класса я знал уже всю трилогию»¹.

Кроме того, в польских домах большое значение придавали созданию огромных генеалогических родословных. Часто они выступали проявлением типичной мифологизации отдельных членов рода, которые с давних времён были включены в формирование культурной жизни на тернопольской земле. Они представляли собой своего рода вселенную знаков-символов, определяющих национальную принадлежность данной семьи². Именно поэтому столь важное значение для местного общества имели школьные предметы, связанные с собственной идентичностью: история, география и польский язык.

В польских школах большое значение придавалось символам и государственным праздникам, что позволяло реализовывать наиболее важные воспитательные принципы. Свыше 60 % школ в тогдашнем Тернопольском воеводстве были названы в честь лиц, связанных с историей Польши, её романтической или позитивистской литературой. В ноябре 1928 г. создавались специальные

повятовые комитеты по подготовке к празднованию десятой годовщины возрождения польского государства. В одном из отчётов воеводского управления читаем, что кружок Общества народных школ (ОНШ) в Зборове приступил к подготовке празднования 10-летия существования польского государства»³.

Несомненно, это провоцировало противодействие со стороны украинцев, которые не могли согласиться с маргинализацией их школьного образования. К проявлениям противодействия с их стороны следует отнести, прежде всего, уничтожение государственных символов Польши, которые находились на зданиях школ или недалеко от них. За эти действия несли ответственность главным образом украинские гимназисты, связанные с националистическими организациями УВО и ОУН (Организации украинских националистов)⁴. Так, в Шишковцах Борщовского повята на зданиях гминного управления и школы были уничтожены государственные гербы. В Салашке Бродского повята Пётр Скорык и Василь Илув сорвали со здания школы государственный флаг и бросили его в грязь. Другим проявлением неприятия являлось саботирование или попытки срыва важных для поляков национальных праздников.

Воеводские власти укрепляли посредством школ идею «польскости», а также организовали государственную и местную жизнь⁵. Существующая система просвещения ограничивала, однако, возможность сохранения нейтралитета в этнических вопросах. В последующем это вело к обострению польско-украинского конфликта на восточных кресах Польши.

Значимым явлением для защиты интересов населения польской национальности следует считать просветительские учреждения, поскольку большое значение для формирования образа «кресового воспитания» имела внешкольная деятельность, в рамках которой проводились курсы в светлицах, читались лекции и доклады для т.н. передовиков просвещения и учителей. Курсы вели местные деятели просвещения, а в некоторых случаях – представители Управления

¹ Łukasiewicz B. Wspomnienia ze Stryjówki // Głosy Podolan. Warszawa, 1996. № 9. S. 23.

² Kaprańska Ł. Pluralizm kulturowy i etniczny a odrębność regionalna Kresów południowo-wschodnich w latach 1918–1939. Kraków, 2000. S. 93.

³ Archiwum Akt Nowych (далее – AAN). Zesp. 1180. Sygn. 7. K. 456.

⁴ Kulińska L. Działalność terrorystyczna i sabotażowa nacjonalistycznych organizacji ukraińskich w Polsce w latach 1922–1939. Kraków, 2009. S. 246–247.

⁵ AAN. Zesp. 1180. Sygn. 8. K. 215.

учебного округа во Львове. Польские ученики из Тернопольского воеводства принимали участие в благотворительных кампаниях и деятельности различных общественных организаций, таких как Лига противоздушной и противогазовой защиты, Польский Красный Крест, Польское гимнастическое общество «Сокул», Союз гражданской работы женщин, Союз польского харцерства (СПХ) и Кружки польской молодёжи (КПМ)¹. Особую активность демонстрировали две последние.

Тернополь выступал одним из самых динамичных центров Львовской хоругви СПХ. Здесь имелось восемь дружин харцеров: I им. Иеремии Вишнёвецкого, II им. Тадеуша Костюшко, III им. князя Юзефа Понятовского, IV им. Станислава Сташица, V им. Завиши Чёрного, VI им. Яна Тарновского, VII (ей не было присвоено имени) и VIII им. Юлиуша Словацкого². Кроме того, в большинстве небольших городов Тернопольского воеводства имелись свои отряды харцеров. Больше всего их насчитывалось в Бродах, Бережанах, Бучаче, Чорткове, Копычинцах, Перемышлянах, Скалате, Залещиках и Злочеве. КПМ активно участвовали в патриотических богослужениях и организовали спектакли и танцевальные вечера. Доход от благотворительных акций был предназначен на местные нужды³. Кроме того, местная польская молодёжь принимала участие в различных региональных выставках, целью которых значилось укрепление польского национального духа. Большую активность Кружки проявляли в Чорткове, Камёнке Струмиловой, Перемышлянах² и Трёмбовле.

Во многих выступлениях польских политиков того времени поднимался вопрос о просвещении крестьян. На тернопольской земле активно действовало ОНШ, главной целью которого объявлялась популяризация образования в небольших городах и деревнях. Взгляды деятелей Общества обычно соответствовали польским концепциям национального характера, результатом чего стала возросшая численность членов ОНШ в воеводстве: в 1930-е гг. она достигла 84 тысячи человек.

Структура Общества включала следующие секции: внешкольного образования,

курсов и лекций, библиотек и светлиц, сельских хоров и театров, строительства народных домов, частных учительских семинарий, торговой школы, интернатов, библиотечную, популярных лекций, финансовую, хозяйственную и секцию пропаганды. В отчётах воеводского управления о ситуации мы находим много информации об их деятельности. Во многих местах организовались читальни, спектакли, конкурсы песни и декламации для школьной молодёжи (особенно в Тернополе, Бродах, Копычинцах, Скалате, Злочеве). В рамках ОНШ проводились беседы, публичные лекции и курсы для неграмотных, молодёжи, железнодорожников, земледельцев, лавочников и военных. Тематика, которую затрагивали во время встреч представители Общества, касалась упрочения «польскости». В среднем в каждом повяте было 15 Народных домов, связанных с этой организацией (в Тернопольском повяте – даже 37).

Процесс просвещения деревни зависел от наличия имеющих соответствующую квалификацию учителей. Вопросы воспитания нового поколения поляков имели огромное значение для Общества. В одном из отчётов о ситуации воеводского управления мы читаем: «Усилиями ОНШ в Бродах 16 февраля 1929 г. была проведена публичная лекция профессора гимназии Станислава Солтысяка п[од] н[азванием] “Забота о воспитании молодого поколения как будущих граждан государства”»⁴. К следующему отчёту за май 1933 г. прилагалась таблица с данными о деятельности ОНШ, в соответствии с которой оно организовало 24 спектакля, 7 вечеров и 253 публичные лекции⁵. В последующие месяцы эти показатели незначительно отличались от приведённых выше. К задачам общества относился и сбор средств на цели просвещения. Например, в Камёнке Струмиловой собранные средства передавались на написание монографии по истории повята⁶. В 1930 г. в Злочеве по инициативе Общества была отремонтирована местная библиотека.

В формировании патриотических установок огромное значение имело прибытие на территорию Тернопольского воеводства военных Корпуса охраны пограничья (КОП).

¹ Sanojca K. Op. cit. S. 222.

² Kozimala I. Lwowska Chorągiew Harcerzy ZHP w latach 1921–1939. Przemyśl, 2007. S. 269–278.

³ AAN. Zesp. 1180. Sygn. 8. K. 245.

⁴ AAN. Zesp. 1180. Sygn. 9. K. 111.

⁵ AAN. Zesp. 1180. Sygn. 20. K. 89.

⁶ Державний архів Тернопольської області (далее – ДАТО). Ф 231. Оп. 4. Д. 1441. Л. 8.

В результате инструкторы КОП создали организацию – Стрелецкий союз или «Стрелец», который охватил своим влиянием местную молодёжь, объединяя людей в возрасте 18–22 лет. В 1930 г. в Тернополе было создано Общество друзей «Стрельца», которое выполняло функцию окружного правления этой организации. В рамках «Стрельца» его молодые сторонники проходили обучение, слушали лекции по истории и принимали участие в самых важных местных торжествах. Тем самым реализовались воспитательные принципы польской администрации на территории всего воеводства. Об организации «Стрельца» в Радеховском повете читаем: «В декабре 1928 г. профессор Маденьский организовал для членов Стрелецкого союза в Радехове лекцию по истории Польши, о восстановлении и организации польского государства и его строе»¹. В другом отчёте мы находим следующую информацию: «27 января 1929 г. во время собрания Стрелецкого союза в Улашковцах представитель этого союза, учитель Стеллига, прочитал лекцию о январском восстании. В тот же день в Мухавке местный Стрелецкий союз поставил любительский спектакль п[од] н[азванием] "Триумф медицины"»². Основываясь на вышесказанном, следует подчеркнуть, что деятельность «Стрельца» касалась разных областей просветительской и культурной жизни. Члены Стрелецких союзов организовали танцевальные и театральные вечера, собирали денежные средства. В рамках Стрелецкого союза создавались Комитеты празднования дня рождения и именин Ю. Пилсудского, важных исторических годовщин. Кроме того, к задачам «Стрельца» относились выявление саботажников и противодействие их деятельности, сотрудничество с местными структурами Добровольной пожарной охраны.

Дополнением к представленной выше модели «кресового воспитания» является деятельность Союза польских учителей (СПУ) и Общества опеки над детьми и молодёжью (ООДМ), которые довольно динамично развивались в это время в Тернопольском воеводстве. Большое значение для формирования культурной жизни имело возобновление в 1933 г. деятельности «По-

дольского общества друзей науки»³. Упоминания о многогранной просветительской деятельности на Тернопольщине этих организаций мы находим, прежде всего, в отчётах воеводского управления за 1930-е гг. СПУ играл важную роль, как в воспитании, так и в общественно-политической жизни. На территории воеводства имелось около 1 200 его членов. Округ Союза в Тернополе неоднократно организовал мероприятия, способствовавшие совершенствованию работы учителей на благо местного общества. ООДМ отвечало, прежде всего, за организацию опекуноско-воспитательных отделений социализационного типа, стипендии для бедных и организацию свободного времени детей, в том числе за подготовку школьных лагерей⁴.

Практика просвещения в Тернопольском воеводстве, опирающаяся на соответствующую модель воспитания, идеально вписывалась в общую ситуацию школьного образования на восточных кресах Второй Республики. Однако политика центральных властей основывалась на воспитании идеалов «польскости» за счёт украинского просвещения. Уже в 1923 г. Управление учебного округа во Львове приняло решение о закрытии частных украинских школ в Бучаче и Злочеве. Украинцы упрекали польские органы просвещения в дискриминационной кадровой политике по найму на работу учителей. Разумеется, это вело к эскалации этнических конфликтов на территории всего Тернопольского воеводства.

Особым проявлением отрицательного отношения к польской политике выступила антишкольная кампания, организованная в августе 1933 г. ОУН. В её рамках поощрялся демонстративный уход из школ и создание препятствий в работе учителей польского языка⁵. Украинское население оказалось не в состоянии принять противоречивые решения польских властей. Защитить права украинской школы в её соперничестве со школьной политикой польских центральных и воеводских властей попыталась самая значимая на тот момент украинская политическая партия «Украинское национально-демократическое объединение». Украинцы

³ Blicharski Cz. Tarnopol w latach 1809–1945 (od epizodu epopei napoleońskiej do wypędzenia). Biskupice, 1993. S. 265.

⁴ AAN. Zesp. 1180. Sygn. 9. K. 87.

⁵ Sanojca K. Op. cit. S. 244–245.

¹ AAN. Zesp. 1180. Sygn. 8. K. 305.

² AAN. Zesp. 1180. Sygn. 9. K. 52.

могли рассчитывать только на собственные фонды, которые дали бы им возможность в ограниченных масштабах развивать школьное обучение. Противовесом польской политики просвещения выступила деятельность украинских обществ: «Луг», «Сокил», «Пласт», «Ридна хата», «Ридна школа» и «Просвита». Культурно-просветительскую и общественную жизнь украинцев характеризовала деятельность по активизации самых широких слоёв общества посредством организации ряда локальных и региональных мероприятий, праздников и юбилеев упомянутыми организациями.

В результате модель воспитания в «кре-совом духе» оказалась непреодолимым барьером для польско-украинских отношений во всём межвоенном двадцатилетии. В 1930-е гг. предпринимались попытки выработать компромисс в вопросах просвещения, который имел своим следствием ещё больший рост недовольства значительной части украинцев. Деятельность созданной ими параллельной просветительской структуры успешно сдерживалась воеводскими властями, которые реализовали собственную ассимиляторскую политику.

РАЗДЕЛ IV ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИИ

И. В. Крючков

МАТЕРИАЛЫ ТОРГОВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА СССР В ГЕРМАНИИ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПОЛЬШИ В 1924 г.

В первой половине 20-х гг. Торговое представительство СССР в Берлине стало ведущим центром сбора информации для Москвы об экономическом развитии стран Европы. Одной из стран, к партнёрству с которой Торгпредство проявляло особое внимание, являлась Польша. Интерес к состоянию дел в народном хозяйстве страны подогревался двумя обстоятельствами. С одной стороны, Польша могла выступить в качестве внешнеэкономического партнера СССР. С другой стороны, в Москве внимательно следили за военным и экономическим потенциалом Польши на случай нового военного конфликта между двумя странами.

1924 г. оказался примечательным для экономики европейских стран, они постепенно преодолевали тяжёлые экономические последствия Первой мировой войны, вступая в полосу нового экономического подъёма. Экономические последствия войны для стран Центральной и Восточной Европы имели свою специфику, связанную с потерей ими ёмкого рынка сбыта продукции после распада Российской и Австро-Венгерской империй. До войны значительная часть промышленной продукции российской половины Польши находила сбыт на бескрайних просторах империи и за её пределами. После войны эти рынки были потеряны.

По мнению Торгпредства, ключевым моментом в экономическом развитии Польши в 1924 г. становится введение независимой денежной единицы – злотого. В отчёте отмечалось, что Варшаве удалось стабилизировать курс злотого практически без помощи внешних кредиторов за счёт болезненной мобилизации внутренних ресурсов. К концу 1924 г. злотый обеспечивался запасами золота и иностранной валюты на 68 %. Это был очень высокий показатель, поскольку, согласно законам Польши, он должен был составлять 35 %. Грамотная политика Центрального банка Польши привела к росту за-

пасов золота с 67,9 млн злотых в конце 1923 г. до 103 млн злотых в конце 1924 г., а валютных резервов – с 22,9 млн до 269,1 млн злотых¹. Правда, Торгпредство по данному поводу не испытывало большого восторга, полагая, что такие сбережения правительство Польши получило в результате жёсткой фискальной политики и выкачивания средств из народного хозяйства².

Введение твёрдой валюты, по мнению советских дипломатов, имело несколько серьёзных последствий для Польши и её экономики. Оно привело к росту стоимости жизни в стране, цен на товары широкого потребления и сырьё для промышленности. Поэтому от данного процесса пострадали как широкие слои населения, так и польская индустрия. В январе 1924 г. индекс цен продуктов первой необходимости, в сравнении с довоенным показателем, составлял 120 %, а в декабре – 151,6 %³. В декабре 1924 г. цена на уголь и металл к уровню 1914 г. составила 127 %, на сырьё для текстильной промышленности – 155,1 %⁴. Ниже в сравнении с довоенным уровнем отмечалась стоимость строительных материалов (93 %), продукции химической промышленности (79,4 %) и кожи (88,7 %).

Материально-техническая база промышленности страны существенно уступала основным конкурентам в Европе, и в условиях роста цен на сырьё польские товары оказались неконкурентоспособными даже на внутреннем рынке⁵. В ответ правительству Польши в срочном порядке пришлось вво-

¹ Материалы для изучения мирового хозяйства. Приложение к Торговому Бюллетеню. Январь-апрель 1925. Берлин, 1925. С. 158.

² Правительству В. Грабского пришлось поднять налоги и прежде всего на наиболее состоятельные слои населения: Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши / пер. с польск. В. Н. Ковалёва, М. А. Корзо, М. В. Лескинена. М., 2004. С. 411.

³ Материалы для изучения мирового хозяйства. С. 158.

⁴ Приводится индекс оптовых цен.

⁵ Материалы для изучения мирового хозяйства. С. 158.

дить заградительные таможенные пошлины. От их введения выиграли и бюджет страны, получив дополнительные средства, и ряд второстепенных отраслей промышленности. В то время как флагманы польской индустрии – тяжёлая и текстильная промышленность – понесли большие потери, практически полностью лишившись внешних рынков. В этих условиях правительство пошло на создание «Бюро для исследования цен». Оно должно было изучать динамику ценообразования и вносить свои предложения по их снижению.

Второй важной проблемой для Польши, по мнению представителей Торгпредства, становится значительная разница цен («ножницы») на промышленные и сельскохозяйственные товары. Правительство, находившееся под контролем аграриев, вводит стимулирующие меры для увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции из Польши. Эта политика совпала с ростом цен на аграрную продукцию на мировом рынке и неурожаем в самой Польше в 1924 г., когда валовой сбор зерновых культур сократился в сравнении с 1923 г. на 35 %. До марта 1924 г. польский экспорт неуклонно рос, что сопровождалось ростом цен на сельскохозяйственную продукцию внутри страны почти на 100 %¹.

Падение покупательной способности золотого в 1924 г. не привело к снижению его курса к основным мировым валютам, особенно к американскому доллару, несмотря на то, что золотый испытывал большую нагрузку, прежде всего, из-за пассивного торгового и платёжного баланса², дефицита государственного бюджета Польши. В 1922–1923 гг. страна имела положительный внешнеторговый баланс. Однако с введением золотого ситуация начала приобретать неблагоприятный поворот, и с марта 1924 г. Польша столкнулась с отрицательным сальдо. Если в 1923 г. она завершила с положительным сальдо в 79,1 млн злотых, то уже в 1924 г. дефицит составил 212, 2 млн злотых³. Экспорт в 1924 г. составил всего 85,6 % от объемов импорта. Кроме этого Польше приходилось погашать внешние

долги, проценты по иностранным инвестициям, оплачивать морской фрахт, страховать грузы⁴. Все это ввело к оттоку средств за пределы страны. Анализируя внешнюю торговлю Польши, Торгпредство отметило один важный факт. Варшаве удалось заключить временное торговое соглашение (о введении автономных тарифов) с Германией, согласно которому, договаривающиеся обязались не применять друг против друга исключительные меры, способные навредить одной из сторон⁵. Берлин и Варшава трудно шли к данному соглашению. Тем более, 10 января 1925 г. завершался срок действия договора о беспошлинной торговле между двумя странами.

Основной статьёй, обеспечивающей приток средств в Польшу, согласно отчёту Торгпредства, стали внешние займы. В 1924 г., по данным премьер-министра Владислава Грабского, страна получила 250 млн злотых в виде государственных займов и ещё 177 млн злотых – в виде займов польским банкам и промышленным предприятиям: в итоге 427 млн злотых⁶. Второй статьёй притока средств являлись иностранные инвестиции. Ещё одним важным пунктом пополнения финансовыми ресурсами становятся для Польши отчисления польских эмигрантов, проживавших в США и в других государствах. Так, в 1924 г. они перечислили на родину более 2 млн долл.⁷

Общий государственный долг Польши к концу 1924 г. составил 420 млн долл. В декабре 1924 г. правительству Польши удалось реструктуризировать в результате переговоров с американскими кредиторами сумму долга на 178,5 млн долл. в целом на выгодных условиях. По данным советских дипломатов, Варшава была близка к заключению аналогичного соглашения с британскими кредиторами, которым Польша задолжала 20 млн долл.

Большое внимание Торгпредства вызвал государственный бюджет Польши за 1924 г. Правительству не удалось ликвидировать его дефицит, поэтому ему пришлось утверждать через сейм новые займы. Отчасти данная ситуация объяснялась не оправдав-

¹ Материалы для изучения мирового хозяйства. С. 158.

² Торгпредство не могло утвердительно ответить на вопрос, Польша имела положительный или отрицательный платёжный баланс в 1924 г.

³ Материалы для изучения мирового хозяйства. С. 159.

⁴ В 1924 г. Польша ещё не имела собственного грузового флота.

⁵ Материалы для изучения мирового хозяйства. С. 161.

⁶ Там же. С. 159.

⁷ Там же.

шимися планами польского правительства на сборы прямых налогов. Поэтому в 1925 г. большие надежды возлагались на поступления от табачной, спиртовой и спичечной монополии. В структуре расходов Польши в 1925 г. обращало на себя внимание выделение более 40 % бюджета страны на военные расходы.

Серьёзным подспорьем для бюджетной политики Польши в 1924–1925 гг., по мнению советских дипломатов, стало улучшение ситуации на железных дорогах страны. В 1924 г. они впервые закончили год без убытков, не считая 64 млн злотых, выделенных правительством в виде инвестиций. Более того, оно принимает принципиальное решение о приватизации железных дорог с передачей их частному капиталу¹.

Объектом пристального внимания Торгпредства становится тяжёлая промышленность Верхней Силезии, полученной Польшей от Германии по условиям Версальского мирного договора. Положение дел выглядело удручающе. Чёрной металлургии региона катастрофически не хватало железной руды, которую до войны она получала из Германии. В 1923 г. только 15,1% (82,3 тыс. тонн) переработанной руды имело польское происхождение. Поэтому Польше пришлось ввезти её в количестве 227,4 тыс. тонн из Швеции, 173,2 тыс. тонн из Германии, 46 тыс. тонн из СССР². В небольших объёмах руда ввозилась также из Турции, Югославии и Испании. Проблемы промышленности Верхней Силезии усложнялись отсутствием разветвлённой системы каналов, которая могла бы обеспечить дешёвую перевозку грузов и высоким тарифом польских железных дорог.

В то же время, на взгляд Торгпредства, регион долгое время имел одно существенное преимущество в сравнении с европейскими конкурентами – это наличие дешёвой рабочей силы. Для иллюстрации положения дел приводились следующие данные: в 1913 г. добыча одной тонны вестфальского угля обходилась в 11,85 марок, а верхнесилезского – в 9,35 марок³. Однако введение золотого и рост уровня жизни привели к увеличению заработной платы, превысившей довоенный уровень на 38 %. В результате тонна верхнесилезского угля подорожала на 22 %.

Главным тормозом для развития тяжёлой промышленности Верхней Силезии, по мнению Торгпредства, стало отсутствие необходимых рынков сбыта продукции. Польский рынок она быстро заполнила, но внутри страны можно было реализовать только часть продукции. Отрасли требовалось расширение сбыта за пределами страны. В 1923 г. примерно 49 %⁴ продукции чёрной металлургии уходило за границу, включая Германию (37,2 %) ⁵. В 1924 г. экспорт сокращается, что ведёт к спаду производства стали и чугуна почти вдвое. По мнению советских дипломатов, прекращение соглашения с Германией о свободной торговле нанесло ещё больший урон тяжёлой промышленности Верхней Силезии. В результате её перспективы оценивались довольно пессимистично. На территории Польши, ранее входившей в состав России, положение дел в чёрной металлургии выглядело еще хуже. В Келецком районе из 12 доменных печей не работала ни одна. Выходом из сложившейся ситуации, на взгляд польских предпринимателей, могли стать концентрация тяжёлой промышленности в виде трестов, получение дешёвых кредитов, привлечение иностранного капитала, увеличение рабочего дня, ограничение социального законодательства⁶.

Положение дел в добыче каменного угля также не выглядело радужно. Рост стоимости продукции существенно ограничивал экспорт. Польское правительство стремилось помочь отрасли с помощью введения льготных железнодорожных тарифов, в том числе и за пределами Польши. Варшава смогла договориться с Румынией о льготной перевозке польского угля по железным дорогам страны. Аналогичные соглашения Польша планировала заключить с Австрией, Югославией и Венгрией, надеясь увеличить вывоз угля в эти государства. Однако Торгпредство сомневалось в успехе данных проектов, поскольку рурский уголь быстро распространялся в странах Центрально-Восточной Европы и на Балканах⁷.

Потребление угля внутри страны в 1924 г. сокращается с 55 % от всей произведённой продукции в первом квартале, и до 46 % – в третьем квартале. Причина заключалась в

¹ Материалы для изучения мирового хозяйства. С. 160.

² Там же. С. 161.

³ Там же.

⁴ В основном сталь.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 163.

общей нестабильности в польской промышленности и в спаде производства в большинстве секторов индустрии. Одновременно падают объёмы экспорта, прежде всего, за счёт сокращения поставок угля в Германию. В 1923 г. сюда вывозится 40 % всего добытого в Польше угля, а в 1924 г. этот показатель упал до 27,8 %. В 1923 г. в среднем в Польше добывали 3 млн тонн угля, в 1924 г. – всего 2,6 млн тонн. Отрасли срочно требовались техническое переоснащение и модернизация, но в 1924 г. в этом направлении ничего не было сделано¹.

При создании Польской республики в её состав вошёл один из мировых центров добычи нефти – Галиция. До Первой мировой войны Австро-Венгрия смогла не только с её помощью удовлетворить внутренние потребности, но даже экспортировать часть нефти и нефтепродуктов за пределы империи². Однако во время боевых действий данной отрасли был нанесён колоссальный ущерб³, и после войны с этим наследством пришлось разбираться Варшаве. Многие польские экономисты и политики полагали, что нефть Галиции сможет принести стране хорошие дивиденды. Однако катастрофическая нехватка средств на восстановление отрасли и потеря традиционных рынков сбыта не позволили вывести нефтяную промышленность Галиции из кризиса. В 1923 г. добывается лишь 737 тыс. тонн нефти, за первое полугодие 1924 г. – 387 тыс. тонн⁴. Для сравнения: в последние предвоенные годы в Галиции добывалось около 2 млн тонн. Кризис затронул и нефтеперерабатывающую промышленность. Польские предприятия могли переработать только 1,2 млн тонн. В этих условиях польское правительство принимает закон, запрещающий вывоз сырой нефти за пределы республики. Половину продукции нефтеперерабатывающих предприятий (610 тыс. тонн, в том числе 199,5 тыс. тонн керосина. – *И. К.*) Польша потребляла сама, а остальная часть шла на экспорт. Главными потребителями польской продукции в 1923 г.

являлись Чехословакия (102 тыс. тонн), Германия (81,1 тыс. тонн), Австрия (51,3 тыс. тонн), Венгрия (18,1 тыс. тонн), Швейцария (14,7 тыс. тонн), Франция (4,3 тыс. тонн) и т. д. (кстати, 500 тонн продукции ввозилось в СССР⁵).

В 1924 г. Польша теряет рынки Австрии, Венгрии, Чехословакии, Югославии и балканских государств для сбыта своих нефтепродуктов. Основная причина заключалась в высокой цене польской продукции. Американские и румынские производители теснили позиции польских экспортеров. Более того, даже на польский рынок стали активно проникать американские нефтяные монополии. В этих условиях польские производители в срочном порядке создают нефтяной картель, регулирующий условия сбыта продукции и ценообразования.

Введение твёрдой валюты ещё больше, по мнению советских дипломатов, усугубило кризисные явления в текстильной промышленности страны. В наиболее тяжёлом положении оказался Лодзинский район. В сентябре 1924 г. недозагрузка производственных мощностей на его хлопчатобумажных предприятиях достигла 26,1 %, на шерстяных – почти 25 %. В то же время текстильные предприятия Бяла-Бельского района, благодаря заказам для польской армии, работали в нормальном ритме.

После денежной реформы заработная плата в отрасли выросла в 2–3 раза, приближаясь к среднеевропейскому показателю, что привело к росту цен на польскую продукцию. Более того, в отчёте Торгпредства отмечалось, что бизнес столкнулся с острой нехваткой оборотных и кредитных средств, что ещё больше усугубило положение дел в текстильной промышленности. Предприниматели отказывались принимать долгосрочные векселя, требуя немедленной оплаты поставки товаров наличными средствами⁶. Кризисные явления привели к спаду экспорта польского текстиля. В то же время, советские дипломаты признавали появление первых признаков выхода отрасли из кризиса, начиная с июля-августа 1924 г. Об этом говорил и незначительный рост экспорта с лета 1924 г.

Исторически столпом польской индустрии являлась текстильная промышлен-

¹ Материалы для изучения мирового хозяйства. С. 163.

² Весов Я. Россия на международном нефтяном рынке // Торгово-промышленный Юг. 1913. № 15. С. 35.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 292. Л. 12.

⁴ Материалы для изучения мирового хозяйства. С. 164.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 165.

ленность. Темпы экспорта заставили Торгпредство прибегнуть к анализу ситуации в довоенной текстильной промышленности части Польши, входившей в состав России. По его данным, до войны «российская Польша» производила текстиля на 200 млн руб. в год. Примерно 2/3 продукции направлялось в Россию. Польша в границах Версаля не могла компенсировать потерю огромного российского рынка для текстильной промышленности страны¹. Выходом из ситуации могло стать наращивание экспорта в другие регионы мира, в том числе – в европейские государства. Но как уже отмечалось, экспорт, наоборот, сокращался, прежде всего, в Австрию и Чехословакию, являвшихся крупными потребителями польского текстиля. Спасение отрасли власти и представители бизнеса видели в интенсификации труда и в получении значительных иностранных кредитов на модернизацию производства.

Торгпредство предвещало экономике Польши трудные времена в будущем. Картелизация промышленности, спад производства, старение оборудования самым негативным образом сказывались на состоянии дел в народном хозяйстве². Ещё одной негативной тенденцией, напрямую связанной с состоянием дел в экономике Польши, являлось наступление властей и предпринимателей на права рабочего класса, особенно в Верхней Силезии³. Сокращение заработной платы, увеличение рабочего дня, безработица стали нормой жизни польского общества в 1924 – начале 1925 гг. Польские предприниматели ставили под сомнение деятельность страховых и больничных касс, полагая, что социальные платежи ложатся тяжёлым бре-

менем на польскую экономику. Кроме этого, они выступили против большого количества праздников: так, с 1925 г. им удалось добиться введения рабочих дней на второй день Рождества, Пасхи и Троицы.

Правительство Польши, обеспокоенное ростом социальной напряжённости срочно предпринимало антикризисные меры. Они сводились к следующим положениям: ограничение численности рабочих подлежащих увольнению; стимулирование трудовой эмиграции за границу (прежде всего, во Францию); выплата пособия по безработице⁴. Последнее обстоятельство особо привлекло внимание Торгпредства, поскольку показывало, как правительство В. Грабского, экономившее на всём, готово было выделять значительные средства на пособия для безработных, боясь роста социальных протестов трудящихся⁵.

Общий вывод, сделанный советскими дипломатами, относительно состояния дел в экономике Польши, не был утешительным для её правящих кругов. С одной стороны, промышленность Польши, сложившаяся в период её нахождения в составе трёх империй (Россия, Австро-Венгрия, Германия), была органично включена в их народнохозяйственный комплекс, и ей было сложно адаптироваться к новым реалиям. С получением независимости польская индустрия лишилась гарантированных рынков сбыта готовой продукции и дешёвого сырья. С другой стороны, в стране росла социальная напряжённость, особенно в рядах рабочего класса, имевшего высокий уровень сознательности и образования⁶. Данные факторы ставили польский капитализм в сложную ситуацию.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Б. П. Маркс

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСЛЕДНЕМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XX В.*

В 90-х гг. XX в., как в Польше, так и в России произошли принципиальные политические и социально-экономические изменения. Процесс политической и экономической трансформации происходил в сложных внутренних и международных политических условиях. Преимущественно он заключался в переходе от централизованно управляемой тоталитарной к демократической системе. В экономической сфере целью перемен являлось изменение системы экономики: от централизованно направляемой и управляемой к рыночной. Начавшиеся процессы децентрализации власти и приватизации имели одной из своих целей изменения структуры собственности. Доминирующую ранее государственную и кооперативную собственность должна была заменить более эффективная, как считали политические власти того времени, форма собственности – частная¹.

В данной статье предпринимается попытка анализа польско-российских торговых отношений в вышеуказанный период. Ограниченный объём текста не позволяет представить все аспекты этих отношений, в частности, дать подробный анализ обмена отдельными товарами.

На рубеже 80–90-х гг. XX в. произошли основополагающие изменения в сфере внешней торговли Польши и России². Ре-

* Пер. с польск. И. К. Кима. – *Прим. ред.*

¹ См.: Balcerowicz L. Socjalizm, kapitalizm, transformacja. Szkice z przełomu epok. Warszawa, 1997. S. 23–24; Między państwem a rynkiem. Dylematy polityki gospodarczej Polski / pod red. M. Okólskiego. Warszawa, 1994. S. 11; Balcerowicz L. 800 dni – szok kontrolowany. Warszawa, 1992. S. 69 et present; Wilczyński W. Ekonomia i polityka gospodarcza okresu transformacji. Wybór prac z lat 1991–1995. Poznań, 1996. S. 17 et present; Łaptos J., Prażuch W., Pytlarz A. Historia Unii Europejskiej. Kraków, 2003. S. 145–147; Żukowska K. Instytucjonalizacja stosunków WE/UE – Rosja. Możliwości, osiągnięcia, interesy // Rosja. Ambicje i możliwości w XXI wieku / red. K. A. Kłosiński. Lublin, 2010. S. [139].

² См.: Marks B. Rada Wzajemnej Pomocy Gospodarczej (RWPG). Przyczyny utworzenia, doświadczenia, konsekwencje // Integracja europejska. Podręcznik / pod red. A. Marszałka. Łódź, 1997. S. 388 et present; Łaptos J.,

формы во внешней торговле СССР и других государств-членов СЭВ были интенсифицированы ещё в период проводимой М. Горбачёвым политики «перестройки»³. Процесс системной трансформации нёс с собой огромные социально-экономические издержки: например, растущую зависимость от мировой экономики⁴. Серьёзной проблемой сделалась т. н. «серая зона», в том числе и во внешней торговле (например, контрабанда товаров без оплаты акцизов, операции криминального характера в торговле сырьём, нелегальный вывоз валюты и так далее)⁵. Тесно связанным с ней явлением неизбежно выступала коррупция⁶.

В Польше благодаря новому правовому регулированию⁷ наступила либерализация экономического сотрудничества с иностранными государствами. Имущественные и организационные изменения охватили 70 центральных учреждений внешней торговли, которые были преобразованы в акцио-

Prażuch W., Pytlarz A. Op. cit. S. 145–147; Żukowska K. Op. cit. S. [139]; Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej (далее – DURP). 1994. № 129 (załącznik). Poz. 637; Kisiel-Łowczyc A. B. CEFTA. Środkowoeuropejska Strefa Wolnego Handlu. Gdańsk, 1996.

³ См.: Havlik P. Foreign Trade System and Joint Ventures in the CMEA Region // Economic Reforms in Eastern Europe and the Soviet Union / ed. by H. Gabrisch. San Francisco-London, 1989. P. 201 et ctr. Havlik P. Gorbachev's Reform Course Confirmed // Economic Reforms. S. 89 et ctr.; Głowacki A., Stępień-Kuczyńska A. Rosja Putina. Leksykon. Łódź, 2004. S. 11 et present; Bossak J. W. Instytucje, rynki i konkurencja we współczesnym świecie. Warszawa, 2008. S. 310 et present. Ср.: Pęciak R. Rosja jako emerging market // Rosja. Ambicje. S. 52; Правда. 1986. 24 сентября. Известия. 1987. 28 января. 1988. 24 июля.

⁴ Об оценках российской трансформации см., напр.: Żukowska H. Rozważania o gospodarce Rosji na przełomie XX i XXI wieku // Rosja. Ambicje. S. 39–41; Stiglitz J. Globalizacja. Warszawa, 2004. S. 127.

⁵ См.: Isprawnikow W., Kulikow W. Szara strefa w Rosji. Warszawa, b/d. S. 22–23.

⁶ О негативных явлениях в России см.: Żukowska H. Rozważania o gospodarce Rosji na przełomie XX i XXI wieku. S. 32 et present.

⁷ О деятельности государственной // DURP. 1988. № 41. Poz. 324; Prawo celne // DURP. 1989. № 75. Poz. 445; Prawo dewizowe // DURP. 1989. № 6. Poz. 33.

нерные компании, компании с ограниченной ответственностью или вошли в состав холдингов. Доля участия государства в их деятельности значительно уменьшилась¹. Характерным явлением выступало быстро растущее участие частного сектора в польской внешней торговле. Если в 1990 г. оно составило около 5 %, а в импорте – около 14 %, то в 1998 г. оно достигло уровня 63 % и 72 % соответственно². Число субъектов, действующих в сфере внешней торговли в конце XX в., оценивалось показателем около 100 тыс. Они происходили главным образом из сектора малых и средних предприятий (МСП). С течением времени всё большую роль в торговле начали играть компании с участием иностранного капитала: например, *Fiat Auto Poland* (автомобилестроение), *Philips Lightning Poland* (электротехника), *International Paper Kwidzyn* (производство бумаги), *Thomson Polcolor* (производство кинескопов). Изменилась и географическая структура торговли, обозначив перемещение акцента товарооборота с Востока на Запад³.

На рубеже 80–90-х гг. XX в. Польша выступила с предложениями расчёта с социалистическими странами в конвертируемой валюте и по мировым ценам. Соглашение о переходе к указанным величинам было подписано на 45-й сессии Совета Взаимной Экономической Помощи (СЭВ) в 1990 г. Более того, руководство обоих государств решило, что уже в 1990 г. именно таким образом будет совершаться 10–15 % польско-советского торгового оборота⁴. Здесь следует упомянуть, что доля европейских государств СЭВ в польской внешней торговле являлась тогда относительно небольшой: в 1989 г. оборот Польши с этими странами составил 36 %, а годом позднее упал до 29 % (для СССР этот показатель в 1990 г. без учёта ГДР составил 44 %)⁵.

Однако вскоре в одностороннем порядке СССР принял решение об отказе от расчё-

тов в переводных рублях с начала 1991 г., что и было оформлено двусторонним соглашением 13 ноября 1991 г. До 31 марта 1991 г. отрицательное сальдо в торговле Польши с Советским Союзом составило более 7 млрд руб. В последующие годы это обстоятельство представляло собой серьёзную проблему в торговых отношениях обоих государств. Уже в начале 1991 г. значительно уменьшился экспорт многих польских товаров. Однако уже в середине этого года партнёр выразил согласие на финансирование польского импорта по согласованному списку товаров в рамках валютного клиринга и смягчил ограничения в бартерном обороте. Несмотря на это, экспорт из Польши в СССР упал в 1991 г. по сравнению с предыдущим на 48 %, а импорт из СССР уменьшился на 46 %⁶.

Спад взаимной торговли в значительной степени отразился на польской промышленности. По оценке, около 300 фирм зависело от советского рынка, многие из них отправляли в СССР более половины своей продукции. Для большинства из них важными были также советские поставки сырья и компонентов для производства⁷.

В итоге 3 сентября 1991 г. обе страны заключили межправительственное соглашение об экономическом сотрудничестве, а 24 декабря того же года подписали протокол о торговом обороте сроком на один год. Это был последний документ такого рода, охватывавший, по сравнению с предыдущими, относительно небольшой список товаров. В соответствии с достигнутой договорённостью, Россия должна была доставить Польше 6,9 млрд куб. м газа и 5 млн т нефти (общая стоимость поставок оценивалась в 1,5 млрд долл.), Польша же обязалась поставить партнёру 2 млн т угля, 100 тыс. т серы, лекарства на сумму 134 млн долл. и продовольствия – 88 млн долл. (всего на сумму около 0,5 млрд долл.). Вышеуказанные решения, однако, не были реализованы, поскольку российская сторона отказалась от получения угля и серы. Однако возобновились контракты на польские строительные услуги на сумму около 100 млн долл. После такой рода корректировки реальные постав-

¹ См.: Analiza wyników handlu zagranicznego. Warszawa, 1999. S. 11.

² Informacja GUS o sytuacji społeczno-gospodarczej w kraju. Warszawa, 1999. S. 74.

³ Подробнее см., напр.: Misala J. Dylematy polityki ekonomicznej Polski w stosunkach gospodarczych z Niemcami. Warszawa, 1996. S. 99.

⁴ Polityka traktatowa Polski w latach 1990–1993 // Rocznik Polskiej Polityki Zagranicznej. 1993/1994. Warszawa, 1994. S. 33.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Сильная зависимость России от экспорта энергоносителей породила много угроз, например, появление т. н. «голландской болезни». См. подробнее: Żukowska H. Rozważania o gospodarce Rosji na przełomie XX i XXI wieku. S. 36–37.

ки составили сумму 1,2 млрд долл. с российской и около 0,4 млрд долл. – с польской стороны¹.

В следующем году 22 мая обе страны подписали в Москве, наряду с «Соглашением о дружбе и добрососедском сотрудничестве», договоры об избегании двойного налогообложения доходов и имущества и о сотрудничестве между Калининградской областью и соседними с ней польскими воеводствами. А 2 октября 1992 г. в Варшаве были заключены межправительственные соглашения о продвижении и взаимной охране инвестиций и о сотрудничестве Ленинградской области с воеводствами Польской Республики. Торговый обмен в этом году, по данным польской статистики, составил: экспорт Польши из России достиг 0,7 млрд долл., а импорт – более 2 млрд долл.; по российской – 1,75 млрд долл. и 1,35 млрд долл. соответственно².

В 1993 г. обе страны подписали ряд важных экономических соглашений. В сентябре, во время визита Президента России Б. Н. Ельцина в Польшу, было заключено соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве, которое после продолжительного процесса ратификации в российском парламенте вступило в силу лишь 13 февраля 1995 г. и заменило советско-польский договор от 1945 г. Одновременно был подписан межправительственный договор о строительстве сети транзитных газопроводов на территории Польши.

Эти соглашения, однако, не способствовали оживлению польско-российской торговли. Её взаимный оборот упал тогда до рекордно низкого уровня. Стоимость российского экспорта (главным образом топлива и сырья) составила 1,3 млрд долл., а импорта (особенно продуктов питания) – лишь 0,5 млрд долл.³ Польша для компенсации высокого отрицательного сальдо оборота старалась создать механизм, который позволил бы направлять большую часть валютных поступлений от российского экспорта на закупку товаров на польском рынке. Эти действия не принесли, однако, желае-

мых результатов, главным образом, из-за отсутствия интереса со стороны российских импортёров. Вероятно, на это повлияла необходимость внесения предоплаты за закупаемые в Польше товары.

С 1994 г. произошёл незначительный рост взаимного торгового оборота. В 1995 г. стоимость российского экспорта в Польшу достигла 1,7 млрд долл. а импорта – на 1,3 млрд долл.⁴ Несмотря на рост оборота в 1995–1997 гг., его темпы из года в год уменьшались и составили соответственно 30 %, 23 % и 14 %. Неудовлетворительными правительства обеих стран считали как уровень, так и структуру товарообмена. В структуре российского экспорта доминировала доля топлива и сырья, которая достигала 78 % (в том числе нефти и нефтехимических продуктов 73 %). Отправляемые в Польшу химические продукты и искусственные материалы составили 9 %, а машины и транспортные средства – только 3 % стоимости российского экспорта. В свою очередь, в польском экспорте в Россию более 40 % его стоимости составляли продукты сельского хозяйства и пищевой промышленности, 17 % – изделия химической промышленности и искусственные материалы, 16 % – машины и оборудования и 8 % – мебель⁵.

На польском рынке функционировали лишь несколько самых важных российских экспортёров. К самым главным можно отнести Газпром. Из доминировавших ранее своё значение потеряли фирмы военно-промышленного комплекса, а также российские экспортёры железной руды, алюминия и изделий проката⁶.

Предпринимаемые в то время попытки расширения производственно-инвестиционного сотрудничества и создания зоны свободной торговли не принесли ожидаемых результатов. В апреле 1996 г. Польша выдвинула ряд предложений по развитию сотрудничества в оборонной, машиностроительной, фармацевтической, текстильной и обувной промышленности. Эти предложения, однако, не были преобразованы в практические действия. Неким исключением может оцениваться начало строительства в

¹ Jerszow A. P. Rozwój polsko-rosyjskich stosunków handlowo-ekonomicznych w latach 1991–1996 // Nowy kształt stosunków Polski z jej wschodnimi sąsiadami. Kraków, 2000. S. 131.

² Jerszow A. P. Rozwój polsko-rosyjskich stosunków handlowo-ekonomicznych w latach 1991–1996. S. 116.

³ Ibid.

⁴ Jerszow A. P. Rozwój polsko-rosyjskich stosunków handlowo-ekonomicznych w latach 1991–1996. S. 117.

⁵ Ibid. S. 116.

⁶ Kobryńska I. Stosunki Polski wobec Rosji w latach 1991–1996 // Nowy kształt stosunków Polski z jej wschodnimi sąsiadami. Kraków, 2000. S. 149.

Польше сети бензоколонок «ЛУКойл». Усилия по созданию зоны свободной торговли принесли плоды лишь в либерализации взаимной торговли после подписания в ноябре того же года заявления обоим государствам. К достижениям следует отнести решение проблемы взаимной задолженности (по т. н. нулевому варианту) и открытие польского отрезка газопровода Ямал – Западная Европа.

Россия осталась важным торговым партнёром Польши, несмотря на то, что только в 1998 г. экспорт в неё значительно упал. Это падение могло быть большим, если бы не была достигнута договорённость о поставке Россией газа в обмен на потребительские товары¹. Она стала третьим партнёром вслед за Германией и Италией с точки зрения польского экспорта (5,7 %)². Импорт же вырос на 9 %. Польский рынок являлся важным для российского экспорта топлива и органического сырья (5–8 % всего российского экспорта). В том году Россия доставила в Польшу 12,2 млн тонн нефти и 6,9 млрд куб. м газа. В то время как топливо и сырьё составили тогда около 80 % стоимости российского экспорта в Польшу, то на машины, оборудование и транспортные средства пришлось только 4 %, а на химические продукты и искусственные материалы лишь 3 %. В свою очередь, в структуре польского экспорта в Россию более 40 % составляли поставки сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров, 22 % – химической продукции и искусственных материалов и 15 % – машин и оборудования. Экспорт польских товаров народного потребления имел большое значение, прежде всего, для нескольких российских областей (особенно Калининградской) и Москвы (он составлял около одной десятой всего импорта российской столицы)³. Августовский финансовый кризис 1998 г. в России показал, однако, насколько сильно экспорт продовольствия чувствителен к колебаниям валютных курсов и покупательной способности населения. Снизилось также участие польских поставщиков

(«чемоданных торговцев» или «челноков») в пользу азиатских в т. н. неорганизованной торговле.

Значительно хуже выглядела ситуация с точки зрения польских инвестиций в России. По данным конца 1998 г. их объём достиг 42,1 млн долл. (лишь 0,1 % объёма инвестиций в России), в том числе непосредственных 29,1 млн долл., что ставило Польшу на 32 место среди стран-инвесторов в России⁴.

Не оправдались надежды партнёров на то, что катализатором развития двусторонних торговых отношений станет сотрудничество российских областей с польскими воеводствами. Убедительным примером этого служила Калининградская область, которая не стала «окном» ни на российский рынок, ни также на польский, несмотря на то, что, например, в 1997 г. стоимость двустороннего торгового обмена достигла почти 250 млн долл.⁵

В конце XX в. Польша, принимая во внимание объём оборота, находилась на восьмом месте во внешней торговле России. Доля последней в польской внешней торговле в 1992–1999 гг. достигала уровня соответственно (в процентах): 7,2; 5,9; 6,2; 6,2; 6,8; 6,1; 5,3; 4,3⁶. Для увеличения торгового обмена правительства обеих стран готовили, в частности, новую концепцию финансовых расчётов. В Польше была разработана система страхования экспортных кредитов.

Сводные данные об объёме и динамике польско-российской торговли в 1992–1999 гг. представлены в таблице⁷.

В целом в 1992–1999 гг. Польша имела отрицательное сальдо в торговле с Россией, за исключением 1996 г. (+94,0), самое низкое в 1995 г. (–182,8 млн долл.), а самое высокое в 1999 г. (–1 965,5 млн долл.)⁸.

В рассматриваемый период происходило постоянное ухудшение баланса текущего

⁴ Kobryńska I. Stosunki Polski wobec Rosji w latach 1991–1996. S. 151.

⁵ Nowosad A. Polska a obwód kaliningradzki // Nowy kształt. S. 96.

⁶ Rocznik Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. GUS. Warszawa, 1996. S. 458–461. 1999. S. 441–451. Другие данные сообщаются в: Misala J., Siek E. Ilościowe i jakościowe mankamenty handlu między Polską i Rosją // Rosja. S. 163.

⁷ Подсчитано автором на основании: Rocznik Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. GUS. Warszawa, 1996. S. 458–461. 1999. S. 441–451.

⁸ Misala J., Siek E. Op. cit. S.174.

¹ Cp.: Misala J., Siek E. Ilościowe i jakościowe mankamenty handlu między Polską i Rosją // Rosja. Ambicje. S. 165–166.

² Rocznik Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. 2000. GUS. Warszawa, 2000. S. 420.

³ Kobryńska I. Stosunki Polski wobec Rosji w latach 1991–1996. S. 148–149.

торгового оборота Польши. В 1999 г. отрицательное сальдо составило 11,2 млрд долл., что составило 7,6 % ВВП. В свою очередь в России самая низкая динамика роста во внешней торговле на протяжении нескольких лет была отмечена в 1997 г.¹ Более 70 % российского экспорта приходилось только на три отрасли промышленности: топливную, электроэнергетическую и металлургическую. Отсутствие инвестиций и недостаточный интерес к инновациям привели к существенному падению производства товаров, которые могли бы успешно конкурировать с анало-

гичными на мировых рынках. Для сравнения: на США приходилось 36 % этого рынка, а на Японию – 30 %. Отток капитала из России в 1997–1998 г. привёл к серьёзному экономическому кризису². Несмотря на рост с октября 1998 г. экономических показателей, Россию обременяла необходимость уплаты огромной внешней задолженности в размере 15–17 млрд долл. в год. В 2000 г. предполагалось достигнуть положительного сальдо во внешней торговле в размере 28 млрд долл. Однако это позволяло опла-

Таблица

Год	Экспорт из Польши в Россию (в млн долл.)	Импорт из России в Польшу (в млн долл.)	Оборот в целом (в млн долл.)	Динамика оборотов (предыдущий год – 100)
1992	728	1353	2081	–
1993	655	1279	1934	93
1994	935	1453	2388	123
1995	1274	1960	3234	135
1996	1464	2522	4168	129
1997	2154	2685	4839	116
1998	1597	2372	3969	82
1999	710	2675	3385	85

тить задолженности на сумму не более чем 10,5 млрд долл.³

На внешнюю торговлю Польши и России сильно влияли политические и экономические проблемы трансформации экономики обоих государств. В результате в первые годы последнего десятилетия XX века СССР, а затем Россия утратили ведущее место во внешней торговле с Польшей в пользу западных государств (Германии, Нидерландов, Италии). Несмотря на то, что в товарной структуре взаимного оборота не произошли более су-

щественные изменения, весь рассматриваемый период времени сохранялась отчётливая асимметрия в количественных показателях обмена. Следствием этого был перманентный дефицит торгового баланса Польши с Россией, который после 1998 года превысил объём 2 млрд долл.⁴ Экономика Польши была сильно зависима именно от российских поставок сырья. Следует подчеркнуть, что обе страны торговали главным образом товарами с низкой степенью переработки и незначительной добавленной стоимостью.

¹ Biuletyn Ekonomiczny Ambasady RP w Moskwie. 1998. Styczeń. S. 5.

² Żukowska H. Rozważania o gospodarce Rosji na przełomie XX i XXI wieku. S. 35.

³ BOSS-EXPORT-IMPORT. 1999. № 26.

⁴ Guzek M., Kuźniar A. Prognoza rozwoju obrotów towarowych Polski z Rosją z uwzględnieniem głównych grup towarowych // Polska – Rosja. Stosunki gospodarcze 2000-2020. WSE-I. Warszawa, 2009.

РАЗДЕЛ V

ПОЛЬСКИЕ ИСТОРИКИ ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИЮ

А. П. Беликов

ЛИДИЯ ВИННИЧУК – ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПОЛЬСКОЙ НАУКИ

Среди широко известных польских историков Лидия Винничук (1904–1993) занимает совершенно особое место. Знаменитый филолог-классик и антиковед, автор многих книг по культуре древних Греции и Рима, она известна и популярна в России даже намного больше, чем в современной Польше.

Лидия Винничук прожила долгую и насыщенную событиями жизнь, и в её личной и научной судьбе причудливо переплелись Австро-Венгрия, Польша, Россия и Украина.

К сожалению, даже Интернет даёт очень скудную информацию об этой выдающейся женщине, прославившей польскую историческую науку, – только короткую сухую биографию. До обидного мало и специальных печатных работ о ней. Сложно найти даже качественные фотографии последнего периода её жизни. А мемуары, изданные в Кракове в 1988 г.¹, давно уже стали библиографической редкостью. Материал для статьи пришлось собирать буквально по крупицам.

Спорным является даже вопрос о самом происхождении фамилии Винничук. Возможно, она ведёт свое начало от прозвища Винник. Тогда в его основе лежит существительное «винник», которое в переводе с украинского означает «винокур». Прозвище Винник в таком случае содержит указание на профессию предка. Скорее всего, он производил вино, т. е. изготавливал этот напиток

¹ Winniczuk L. Nad Zbruczem, Stryjem, Wisłą. Wspomnienia 1905–1927. Kraków, 1988.

способом перегонки из сахаристых и крахмалистых веществ. По другой версии, фамилия означает «уроженец города Винница». Исходя из обеих версий, как представляется, можно предположить, что предки Лидии имели украинские корни.

Лидия Винничук (*Lidia Winniczuk*) родилась 17 сентября 1904 г.² в небольшом городе Подволочиск, Королевство Галиции и Лодомерии, Австро-Венгрия. Сейчас это посёлок городского типа, районный центр Подволочисского района Тернопольской области Украины. Находится на правом берегу реки Збруч, напротив города Волочиск Хмельницкой области. Тернопольцы гордятся тем, что на территории их области родилась эта женщина, так много сделавшая для польского антиковедения, и считают её своей землячкой. Во всех материалах о видных представителях земли Тернополья, о знаменитых уроженцах Подволочисска обязательно упоминает-

ся Лидия Винничук, польский классический филолог и историк, с 1963 – профессор Варшавского университета, с 1982 г. – член Варшавского научного общества³.

Однако, к сожалению, во всех современных украинских изданиях, упоминающих Л. Винничук, фигурирует одна и та же ошибка – неверно указанная дата рождения – 17

² Nowa encyklopedia powszechna PWN / red. B. Petrosolin-Skowrońsk. T. VI. 1997. S. 797.

³ См.: Видатні земляки. URL: <http://pidvolochysk.info/about/prominent-natives.html>.

Лидия Винничук.
Фотография 1930-х гг.

сентября 1905 г.¹ Закралась эта досадная неточность даже в Википедию². Пора внести ясность в этот вопрос и восстановить исторически бесспорную дату её рождения – именно 17 сентября 1904 г.

Общеизвестно, насколько большое значение для формирования личности и характера человека имеют детские годы. Детство и юность Лидии пришлись на очень беспокойное и переломное время: Первая Мировая война, распад Австро-Венгрии, трудное становление независимой Польши, экономическая разруха и лишения послевоенного периода.

Тем не менее, она всегда с большой теплотой вспоминала эти нелёгкие годы. Не случайно одна из глав её мемуаров так и называется: «Счастливое, прекрасное детство». Конечно, исторические потрясения не пощадил ни саму юную Лидию, ни её семью. Но она с детства отличалась твёрдым характером, а перенести все тяготы военного и послевоенного времени очень помогала сама атмосфера её дружной интеллигентной семьи: родители обожали свою непоседливую дочь, а она их просто боготворила.

Девочку воспитывали в уважении к разным культурам и в стремлении понять особенности культурных различий. Две её самые близкие подруги детства носили одинаковое имя – Розы: одна из них была еврейкой, другая – польской католичкой. Возможно, как раз это обстоятельство и стало отправной точкой глубокого интереса Лидии именно к вопросам культуры и искусства, что потом и воплотилось в её интереснейшие

книги о быте, искусстве и культуре древних Греции и Рима.

Родители всегда прилагали усилия по развитию любознательности и независимости дочери, что заметно отразилось на её характере. Позже прекрасно воспитанная, общительная и доброжелательная, профессор Варшавского университета Лидия Винничук имела своё собственное мнение по всем вопросам как науки, так и бытия и всегда горячо отстаивала свою позицию, даже в том случае, если не встречала понимания и поддержки со стороны руководства университета. Порой это серьёзно осложняло ей жизнь.

Огромное внимание родители маленькой Лидии уделяли её образованию. Мемуары Винничук – настоящий клад знаний о довоенной школе. Но начальное обучение она получила дома. Девочка не посещала начальную школу, её мама учила дочь дома сама. Такое индивидуальное, «штучное» образование во многом объясняет тот факт, что ещё в детстве она великолепно знала латынь и всерьёз заинтересовалась античной историей. Домашнее обуче-

ние тогда было достаточно популярно. Лидия относилась к категории т. н. *prywatystka*, и в этом качестве в школе сдавала только экзамены за каждый класс, самостоятельно пройденный дома.

Затем она стала посещать школу. И позже в её жизни случилось знаменательное событие, которое окончательно и определило всю её дальнейшую и личную, и научную судьбу – родители перевели её в школу-интернат для девочек в Варшаве, в которой большое внимание уделяли именно классическому образованию.

Правда, об этой школе-интернате Лидия сохранила не только приятные воспоминания – в 7 классе училось пятьдесят девочек! –

Л. Винничук с родителями
Фотография предпол. 1909–1910 гг.

¹ Видатні діячі та почесні громадяни Підволочисьщини (укр.). URL: <http://archive.is/e16Ya>.

² Лидия Винничук. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Винничук,_Лидия.

что существенно мешало самому процессу обучения, и, видимо, заставляло её с ностальгией вспоминать своё домашнее индивидуальное образование. Для школьниц было обязательно ношение униформы фиолетового цвета, который в итоге она просто возненавидела, и всю оставшуюся жизнь любой другой одежде предпочитала чёрные платья с длинными рукавами.

После окончания школы-интерната для Лидии не было никаких сомнений, какую стезю избрать, – и она стала студенткой кафедры классической филологии Варшавского университета. Здесь произошло её первое косвенное соприкосновение с российской наукой и Россией, в которой впоследствии стали так популярны её книги – она стала ученицей выдающегося русского и польского филолога-классика, антиковеда с мировым именем Фаддея Зелинского¹.

Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944) в 1918 г. был приглашён профессором и заведующим кафедрой классической филологии в Варшавский университет. Он возглавлял кафедру до 1935 г., с перерывом на возвращение в Россию в 1920–22 гг., затем до 1939 г. являлся почётным профессором той же кафедры.

Именно под благотворным влиянием этого признанного специалиста классической филологии и произошло окончательное формирование Лидии Винничук как исследователя античности. С большой благодарностью она всегда вспоминала своего Учителя. В мемуарах, в которых в полной мере проявился и столь свойственный ей литературный талант², она изобра-

зила красочные и яркие портреты учёных, преподавателей Варшавского университета. В том числе она вспоминает и трагикомичный эпизод, связанный с её любимым Учителем. Зелинский был человеком, горячо увлечённым своей профессией, это был настоящий большой энтузиаст изучения древности. Однако порой он становился несколько рассеянным, «был далёк от прозы жизни». Об этом

свидетельствует история таинственного исчезновения магистерской диссертации Лидии, которую она представила на рассмотрение профессора. После отчаянных поисков текст рукописи был найден на кухне в шкафу с вареньем.

Путь от магистерской диссертации к докторской был непростым, как и время, в которое Лидии Винничук выпало жить, и судьба не баловала своей благосклонностью талантливого учёного. Она неустанно подчёркивала преимущество методов именно домашнего обучения для самых младших школьников, безусловно, вспоминая, как её саму учили дома её родители. Достаточно критично отзывалась о некоторых представителях «сегодняшней молодёжи», не приученных к упорному систематическому труду, имеющих явные пробелы в воспитании, что профессор Винничук воспринимала довольно остро, невольно сравнивая их с носителями старого высококультурного «шляхетского воспитания». Такая требовательность серьёзно осложняла ей не только преподавание, но и саму научную деятельность, так как отнимала слишком много сил.

Но стремление к знаниям и выработанный ещё в детстве крепкий характер имели закономерным итогом блестящую научную карьеру Лидии Винничук. В 1963 г. она становится профессором своей родной кафе-

Л. Винничук
в школьные годы

¹ Подробнее о нём см.: Фролов Э. Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. 2-изд. СПб., 2006. С. 312–318.

² См. рецензию на них: [Recenzja] // Acta Poloniae Historica. 1990. № 62. S. 278.

дры классической филологии Варшавского университета и одним из самых уважаемых и авторитетных преподавателей¹.

Впечатляет список крупных работ Лидии Винничук: 14 объёмистых монографий, учебников, польско-латинских словарей². Только две из вышедших в свет книги она написала в соавторстве с коллегами, и дважды выступила редактором фундаментальной научной работы – Словаря античной культуры.

Если посмотреть на список работ Л. Винничук, сфера её научных интересов была очень широка: латинский язык и его преподавание, положение женщины в античности, античная культура, быт и повседневность древней Греции и Рима.

Особняком стоит ещё одна её интереснейшая работа – книга воспоминаний *Nad Zbruczem, Stryjem, Wisłą. Wspomnienia* (1905–1927) («Над Збручем, Стрыем, Вислой. Воспоминания»), изданная в Кракове в 1988 г.³

Остаётся лишь сожалеть, что эти мемуары обрываются, не доходя до самых драматичных событий польской истории, непосредственным очевидцем которых был автор.

В России Лидия Винничук стала широко известна благодаря переводу на русский язык её учебника-самоучителя латыни в

1980 г.⁴ В оригинале название учебника звучит так – *Lingua Latina. Łacina bez pomocy Orbiliusza* – «Латинский язык. Латынь без помощи Орбилия». В самом названии ярко проявились два характерных качества автора: свойственное чувство тонкого юмора и ещё более присущее возмущение, когда она слышала, что латынь – язык сложный, скучный и «несовременный», постигаемый лишь нудной зубрёжкой под жёстким контролем строгого ментора.

Здесь необходимо небольшое пояснение. Луций Орбилий Пупилл (около 113 г. до н. э. – 13 г. до н. э.) – учитель грамматики, отличался большой суровостью и часто прибегал к телесным наказаниям. Гораций, бывший его учеником, называет Орбилия *plagosus* (*Ep.* 2, 1, 70) – «драчливый». Имя его стало синонимом педантичного школьного тирана, олицетворением «палочной педагогики», но при этом известно, что он был автором сатир.

Главным источником биографических сведений об Орбилии является девятая глава сочинения «О грамматиках и риториках» римского историка Светония. Там указывается, что он родился в конце II века до н. э. в городе Беневенте (Беневенто) в регионе Кампания и с детства имел склонность к грамматике.

Его родители умерли насильственной смертью в один день, вероятно, во время Союзнической войны (91–88 годы до н. э.), сам же он в детстве получил тяжёлую травму. Орбилий занимал мелкие чиновничьи должности в своём городе, а затем поступил на службу в армию. После увольнения из её рядов он возобновил занятия наукой (известный антиковед М. Е. Сергеевко считала, что и во время службы в армии он их не прекращал) и длительное время преподавал в родном городе.

На 50-м году жизни (то есть в 63 г. до н. э.) Орбилий переехал в Рим, где открыл свою грамматическую школу. Всего в ней обучалось около 60 учеников. Благодаря «Посланиям» Горация, известно, что он часто применял к ним телесные наказания для поддержания дисциплины. Несмотря на свою известность и славу, жил в крайней бедно-

¹ См.: Wykaz profesorów i docentów Uniwersytetu Warszawskiego. Dane biograficzne // Roczniki Uniwersytetu Warszawskiego. T. 10 / red. L. Bazylow. Warszawa, 1971. S. 139–140.

² Winniczuk L. Kobieta w starożytności. Lwów, 1932. Eadem. Epistolografia. Łacińskie podręczniki epistolograficzne w Polsce w XV–XVI wieku. Warszawa, 1953; Eadem. Twórczość poetek greckich. Warszawa, 1956. Eadem. Mały słownik kultury antycznej. Warszawa, 1962. Słownik kultury antycznej / red. L. Winniczuk. Warszawa, 1962. 2-nd ed.: Warszawa, 1989; Jurewicz O., Winniczuk L. Starożytni Grecy i Rzymianie w życiu prywatnym i państwowym. Warszawa, 1968; Winniczuk L. Słowo jest cieniem czynu. Warszawa, 1972; Eadem. Kobiety świata antycznego. Warszawa, 1973; *Lingua Latina. Łacina bez pomocy Orbiliusza*. Warszawa, 1973. 2-nd ed.: Warszawa, 1989 (Винничук Л. Латинский язык / предисл. А. Ч. Козаржевского. М., 1980. 2-е изд.: М., 1985); Eadem. Od starożytności do współczesności. Warszawa, 1981; Eadem. Ludzie, zwyczaje i obyczaje starożytnej Grecji i Rzymu. Warszawa, 1983 (Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / пер. с польск. В. К. Ронина. М., 1988); Eadem. Pliniusz Młodszy w świetle swoich listów i mów. Warszawa, 1987; Eadem. Mały słownik polsko-łaciński. Warszawa, 1994; Język łaciński. Podręcznik dla lektoratów szkół wyższych / red. O. Jurewicz, L. Winniczuk, J. Żuławska. Warszawa, 1997.

³ Winniczuk L. *Nad Zbruczem, Stryjem, Wisłą*. Kraków, 1988.

⁴ Латинский язык: Самоучитель для студентов гуманитар. фак. ун-тов и пед. вузов / пер. с польск. Предисл. А. Ч. Козаржевского. М., 1980.

сти (жилищем ему служила мансарда), что сделало его мрачным и раздражительным. Дожил якобы до ста лет, но под конец жизни полностью потерял память (*Syef. Gramm. 9*)¹.

Таким образом, самым оригинальным названием своего учебника Лидия Винничук хотела подчеркнуть, что изучение латыни может быть делом интересным, приятным и даже весёлым, при котором можно легко обойтись без «драчливого» преподавателя.

Для этого она применила совершенно неожиданный методологический приём, о котором хорошо сказал советский филолог-классик А. Ч. Козаржевский: «По-латыни можно выразить всё», – этими словами Л. Винничук вводит воспроизведённое в книге выступление на латинском языке Ж. Жореса в парижском университете. С интересом воспринимает читатель рассказ «Космическая эра». К тому, что русское слово «спутник» прижилось во многих языках мира, мы давно уже привыкли. Но чтобы можно было на древнем языке описать полёты Гагарина, Леонова, американских космонавтов!.. Это для нас удивительно! Приятной неожиданностью выглядят латинское объявление о потерянных часах, приглашение к путешествию, заметка о вреде курения².

В этом необычном учебнике классической латыни содержатся короткие, в две-три строчки, забавные рассказы на житейские темы. Часто к ним приложены юмористические рисунки³.

Такое «осовременивание» древней латыни делает её ближе и понятнее, поэтому неудивительно, что учебник сразу же стал чрезвычайно популярным в России, выдержав два издания.

Но самую широкую общероссийскую известность Лидии Винничук принесла публикация в России одного из главных трудов всей её жизни, обобщающего результата многолетних исследований – замечательной книги «Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима»⁴. Она вышла в свет огромным даже для СССР тиражом в 100 тыс.

¹ Подробнее см.: Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. Очерки быта. М. – Л., 1964. С. 316–318.

² Козаржевский А. Ч. Предисловие // Винничук Л. Латинский язык. Самоучитель для студентов гуманитарных факультетов и пед. вузов / пер. с польск. Предисл. А. Ч. Козаржевского. 2-е изд. М., 1985. С. 8.

³ Там же. С. 7.

⁴ Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима.

экземпляров. Сейчас в букинистических магазинах она стоит больших денег, поскольку остаётся одной из самых востребованных работ по проблемам античного быта, несмотря на то, что за последние годы появилось достаточно много очень добротных переводных изданий на эту тему.

Книга Л. Винничук – это по-настоящему научная работа, но написанная увлекательно, интересно, местами с тонким юмором. Её отличает такой стиль изложения фактов, который позволяет даже не специалисту что-то узнать, запомнить, не утопая в массиве научных, часто противоречивых сведений, накопленных археологами и историками. И не просто узнать, а увидеть цельную картину античной цивилизации во всём её величии и разнообразии. В том числе уделяется внимание таким малоизвестным вещам, как коммуникации, путешествия, связь, календарь, распорядок дня и приёма пищи, забота о здоровье и медицина и т. д.

Несколько глав специально посвящены подробному и очень интересному рассказу о свитках, копиистах, торговле книгами, библиотеках и привычках книголюбителей и собирателей рукописей в античности. Здесь полностью воплотилась характерная для автора любовь к книге, её личная высокая интеллектуальная культура.

Монография изобилует цитатами из античных сочинений: мастерски подобранные, они дают звучать голосам самих героев, передавая нам то неповторимое очарование документа, то «удовольствие от подлинности», которое так ценят историки⁵.

Именно благодаря этой книге, получившей чрезвычайную популярность среди школьников, студентов, преподавателей, научных работников и любителей, просто интересующихся античной историей, и её автор стала очень популярна в России. Настолько, что некоторые читатели часто считают Лидию Винничук русской исследовательницей – благо её имя и фамилия позволяют это – и очень удивляются, когда узнают, что она иностранка, представитель польской науки. Ведь для благодарных читателей она давно уже стала «своей».

Да и сейчас в России она более известна и популярна, чем в современной Польше.

⁵ Ронин В. К. От переводчика // Там же. С. 6.

Однако и соотечественники высоко оценили научные заслуги Лидии Винничук. К её 90-летию и годовщине смерти коллеги подготовили несколько статей, в которых отмечается и её огромный вклад в подготовку молодых филологов-классиков¹, и выдающиеся заслуги в деле популяризации польской исторической науки².

Лидия Винничук скончалась в Варшаве 31 октября 1993 г., почти год не дожив до своего 90-летнего юбилея.

До последних дней она занималась своим любимым делом – читала в оригинале произведения латинских авторов.

С. С. Казаров

ПРОФЕССОР АЛЕКСАНДР МАРТЫНОВИЧ ПРИДИК В ВАРШАВЕ (1904–1915 гг.)

118

Имя профессора древнегреческой словесности Александра Мартыновича Придика (1864–1936), к сожалению, сегодня оказалось забытым отечественными антиковедами – как историками, так и филологами-классиками. Одной из причин этого может являться то обстоятельство, что в отличие от большинства своих коллег – профессоров Варшавского университета – он окончил свои дни, не находясь на пенсии и перебиваясь с хлеба на воду в большевистской России, а в качестве уважаемого профессора ставшего тогда зарубежным Дерптского (Тартуского) университета.

Его *curriculum vitae* до переезда в Варшавский университет вкратце представляется в следующем виде. Он родился 24 января 1864 г. в г. Ревеле. Скорее всего, происходил из прибалтийских немцев. Архивные документы фиксируют его «евангелическо-лютеранское вероисповедание»³. Отцом его был отставной унтер-офицер Мартин Придик. В родном Ревеле он окончил гимназию, после чего с 1882 по 1887 обучался в Дерптском университете, а затем ещё год (1888–1889) продолжал своё образование в уни-

верситете Берлина. Советом Дерптского университета он был утвержден в степени кандидата древне-классической филологии 5 июля 1889 г., а после публичной защиты диссертации под названием *De Ce iinsula erebus* удостоен учёной степени магистра 4 сентября 1892 г. После этого Советом университета он был допущен к чтению лекций в качестве приват-доцента древнеклассической филологии.

Там же, в Дерпте, в 1902 г. он успешно защитил докторскую диссертацию «Шестая речь Исея. Исследование в области аттической генеалогии и аттического гражданского права». По словам автора, стимулом к подобному исследованию послужил тот факт, что речи ораторов, в том числе Исея, хотя и являются важнейшими источниками аттического гражданского права, но до его времени так и не стали предметом детального исследования. В качестве объекта изучения была взята именно шестая речь Исея, поскольку она содержала ответы на важнейшие вопросы семейного и наследственного права⁴. Написанию диссертации предшествовала титаническая работа учёного, связанная с предварительным изучением греческого, римского и современного ему гражданского права, а также всех речей Исея и Демосфена.

⁴ Придик А. М. Шестая речь Исея. Исследования в области аттической генеалогии и аттического гражданского права. Юрьев, 1902.

¹ Jerzy A. Szczegóły. Lidia Winniczuk – filolog klasyczny, nauczyciel // Meander. 1994. T. 49. № 9–10. S. 447–452.

² Grzesiowski M. Profesor Lidia Winniczuk // Ibid. S. 415–418.

³ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). ФР. 46. Оп. 3. Д. 619. Л. 2.

Важным этапом педагогической и научной деятельности А. М. Придика стало назначение его 9 октября 1904 г. экстраординарным профессором Императорского Варшавского университета по кафедре греческой словесности. Возникла проблема переезда из Юрьева (Дерпта) в Варшаву. На этот счёт сохранилось его прошение на имя ректора Варшавского университета о подъёмных деньгах на покрытие издержек по случаю переезда его и его семьи в виду этого нового назначения. Его прошение было удовлетворено, в итоге чего выданы подъёмные в сумме 600 руб.¹ Нельзя также не отметить, что работа в учебных заведениях некоторых окраин Российской империи предусматривала наличие существенных льгот и надбавок. Так, за службу в губернии Царство Польское А. М. Придику по истечении первых 5 лет службы было прибавлено жалованье в размере 20 % из штатного оклада 2000 тыс. руб. в год, т. е. 500 руб. в год с 9 октября 1909 г.

Сохранились сведения об учебной нагрузке профессора А. М. Придика в 1914–1915 учебном году. В весеннем семестре, наряду с лекциями по греческой словесности, он вёл практические занятия, заключавшиеся в толковании I книги Фукидида со студентами классического отделения и первых двух курсов исторического отделения; в толковании «Афинской политики» Аристотеля – со студентами классического отделения (некоторыми студентами были представлены подробные рефераты о Драконте, Солоне, Писистрате и т. д.), которые читались и разбирались в аудитории. В осеннем семестре на лекциях, которые сочетались с практическими занятиями, производились чтение и разбор VII–IX книг Геродота со студентами классического отделения и первых двух курсов исторического отделения (некоторыми студентами были представлены рефераты по истории Греко-персидских войн), а также со студентами классического отделения производились чтение и разбор важнейших греческих надписей, найденных на Юге России².

Пребывание А. М. Придика в Варшаве совпало с периодом его интенсивных командировок за рубеж. Так, в 1905 г. «с Высочай-

шего соизволения» он был командирован «с учёной целью за границу» с 1 июня по 1 сентября 1905 г. Из специальных средств Университета на эту командировку ему было выдано пособие в сумме 100 руб.³ Приведён перечень полный зарубежных командировок учёного, который представляется нам весьма солидным. Затем последовали командировки на пасхальные вакации на время 1906 г., на летнее вакационное время – по 1 сентября 1906 г., на зимнее вакационное время – с 1 декабря 1906 г., на пасхальное вакационное время – с 24 марта 1908 г., на летнее вакационное время – с 1909 г. (с выдачей ему пособия в размере 250 руб. из специальных средств университета), на зимнее вакационное время – в 1910 г., на летнее вакационное время – в 1911 г. (с выдачей пособия 150 руб.), на летнее вакационное время – в 1912 г., на летнее вакационное время за границу – в 1914 г.

В этот период его научные связи были целиком связаны с Германией. В одном из своих писем, адресованных руководству университета 11 мая 1905 г., он пишет: «... мои научные занятия требуют моего скорейшего возвращения в Берлин ...», – и просит исходатайствовать ему заграничный отпуск на 28 дней⁴.

Во время летней поездки в Германию в 1908 г. с ним произошёл неприятный эпизод, который вносит свои штрихи в наши представления о быте и условиях жизни русских профессоров. Сохранилось заявление А. М. Придика, направленное в правление Варшавского университета 1 сентября 1908 г. Приведём его целиком.

«Лето текущего года у меня было очень тяжёлое. Лечение старшей дочери от малокровия в Фрейлнвальде, затем вся семья заболела дифтеритом – длительное лечение при весьма неблагоприятных обстоятельствах. Пришлось даже нанимать особую сестру милосердия за особую плату (впрыскивание сыворотки Беринга). По выздоровлении семьи я сам заболел неврозом сердца и желудка. При этом пришлось прибегнуть к хирургическому вмешательству из-за травмы дочери в Берлине после несчастного случая. Лечение в Берлине вообще очень дорогое, и с нас, русских профессоров берут

¹ ГАРО. ФР. 46. Оп. 3. Д. 619. Л. 66–67.

² Краткий отчет о деятельности Варшавского университета за 1914 г. // Варшавские Университетские известия. 1916. Кн. VI. С. 37.

³ ГАРО. ФР. 46. Оп. 3. Д. 619. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 78.

весьма высокую плату. Лечение малокровия, дифтерита, и моей болезни уже стоили мне более 200 руб. Счёт за лечение и дезинфекцию в Берлине мне ещё вообще не представлен. Прошу Правление Университета о пособии для покрытия издержек. 28 августа 1908 г.».

Однако на это прошение последовал суровый вердикт Правления: в настоящее время руководство университета не находит возможным назначить такое пособие¹.

Весной 1912 г. профессор А. М. Придик, согласно постановлению историко-филологического факультета и Совета Варшавского университета, был командирован в Афины с двойной целью: во-первых, для выступления на XVI Международном конгрессе ориенталистов, и, во-вторых, как представитель Варшавского университета, он должен был принять участие в праздновании 75-летия Афинского университета. Юбилей и конгресс удачно совпадали по времени: с 25 марта по 1 апреля. По решению Совета Варшавского университета, на профессора была возложена почётная обязанность вручить приветственный адрес ректору Афинского университета. На основании изданного А. М. Придиком отчёта мы можем судить о реализации этих планов. По его словам, решение организаторов совместить оба мероприятия, было связано с их желанием придать больше помпезности юбилею, что и было достигнуто. Однако если юбилей праздновался широко, то сам конгресс потерпел полное фиаско, ибо действительных ориенталистов собралось немного. Кроме того, уже к моменту приезда гостей число юбилейных торжеств было ещё более увеличено, а сама программа конгресса значительно сужена². В своем отчёте А. М. Придик приводит на этот счёт интересные примеры. Так, известный немецкий учёный А. Дёрпфельд, доклад которого *Die Kultur der homerischen Achaier* с интересом ожидался многими участниками, не прибыл на конгресс, а англичанин Бейнс с важным докладом *On the origin of the alphabet* после ряда переносов в конце концов был вынужден читать свой текст перед тремя случайными слушателями³. Особую обиду у автора отчёта вызвал тот факт, что

официальным языком заседаний конгресса был признан французский, но были разрешены выступления на немецком, английском, итальянском, греческом и арабском языках. Однако использование докладов на русском языке не было допущено, и, по словам Александра Мартыновича, «тем более поразительно и обидно то, что допускались такие мало распространенные языки, как ново-греческий и даже арабский»⁴. Свою отрицательную оценку работы конгресса учёный дополняет сообщением о том, что в день закрытия многие участники подчёркивали, что «такого конгресса быть более не должно», и разъехались, даже не выбрав место проведения следующего мероприятия.

В своем отчёте учёный не раз подчёркивает свои обиды, вызванные отношением к русским коллегам. Ни один из них не удостоился чести выступить на открытии юбилейных торжеств, не был назначен ни председателем, даже секретарём одной из секций конгресса⁵. Что же касается юбилейных торжеств, то, по словам А. М. Придика, они были организованы великолепно, в чём он видит немалую заслугу греческого короля и его супруги Ольги Константиновны, а также супруги королевича Николая Елены Владимировны, которые при общем нерасположении греков к русским тепло встретили российскую делегацию и даже общались с её членами на русском языке. С особым удовольствием учёный описывает экскурсии в Элевсин, Эгину, Делос, Феру, Крит, концерт в залах литературного общества «Парнасс», приём, устроенный вдовой Г. Шлимана в её дворце. Попутно А. М. Придик собрал некоторые материалы для своих дальнейших научных изысканий и для чтения лекций.

В Варшаве вошли в обычай выступления профессоров университета перед широкой аудиторией с публичными лекциями. Как вновь прибывший, подобной чести был удостоен и А. М. Придик. Летом 1907 г. он выступил с речью на тему «Греческие папирусы», которая вскоре была опубликована. А. М. Придик начал её с тех изменений, которые произошли во взглядах на развитие Древней Греции. Исследование Эллады перестало быть монополией филоло-

¹ ГАРО. ФР. 46. Оп. 3. Д. 619. Л. 104.

² Придик А. М. Отчет о командировке в Афины весной 1912 года. Варшава, 1913. С. 2.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Придик А. М. Отчет о командировке в Афины весной 1912 года. С. 6.

гов-классиков, ею активно стали заниматься историки. В немалой степени это было обусловлено открытием нового вида источников – надписей и папирусов¹, что привело к появлению новой науки – папирологии. Именно этот вид источника, по словам учёного, отражающий вопросы хозяйственной и социальной жизни, позволил прийти к мысли о том, что вся древнегреческая культура двигалась вперёд тем же самым путём, по которому идет современная цивилизация. И эта культура, благодаря такому виду источника, «... становится всё более понятной и знакомой, и это доходило даже до того, что мы неоднократно забываем, что имеем дело с древней, а не с современной жизнью»². Обосновывая актуальность выбранной темы, профессор отмечал, что к настоящему моменту в России нет ни одного труда, посвящённого папирологии. Исключив из своего обзора литературные папирусы, он сосредоточился исключительно на папирусах «документальных».

Свое повествование А. М. Придик начал с рассмотрения того материала, на котором писали папирусы. Он остановился на особенностях самого растения, указал на ареал его распространения, описал даже сам способ изготовления папируса. Затем сделал переход к основной, самой важной части повествования – анализу содержания документальных папирусов. Он рассмотрел официальные акты: сводки и докладные, переписку административного характера, списки чиновников, финансовые и экономические документы, документы, связанные с храмовыми делами. Отдельно изучил юридические документы и частные письма. Сухое академическое изложение у него порой перемежается с интересными фактами, например, о гибели во время пожара на корабле партии папирусов, отправленных в Германию профессором У. Вилькеном; о том, какие именно условия позволили папирусам пролежать нетронутыми целые столетия и т. д. Сегодня сложно предположить, насколько эта речь профессора заинтересовала публику, но то, что он сделал всё возможное, чтобы сделать её доступной и интересной, не вызывает никаких сомнений. Нам известно

также ещё об одном цикле лекций Александра Мартыновича по истории архитектуры, который он прочитал для студентов историко-филологического факультета, а затем и для слушательниц Высших Женских курсов во время пасхальных каникул 1914 г.³

Время пребывания А. М. Придика в Варшаве отмечено рядом интересных и важных публикаций, изданных на основе преподаваемых им курсов. Прежде всего, это «Лекции по греческим древностям», которые он читал для студентов Варшавского университета в 1911–1912 учебном году. Это очень важное учебное пособие, которое, в отличие от общих курсов по истории Древней Греции, охватывает цивилизационные компоненты, впоследствии долгое время игнорируемые советской исторической наукой об античности. Прежде всего А. М. Придик даёт краткий обзор источников, разделяя их на «древних писателей» и «вещественные памятники». При этом автор, как это ни удивительно, ставит вещественные источники гораздо выше письменных: «...Вещественные памятники – материал документальный, поэтому само собою разумеется, что вещественные памятники несравнимо выше литературных. Авторы могли ошибаться, могли писать пристрастно, могли даже искажать факты. О документальном материале ничего этого сказать нельзя»⁴. В центре внимания автора оказываются важные проблемы, которые он характеризует как «физические условия» Древней Греции. К ним он относит климат, рельеф, море и особенности береговой линии, геологические условия (металлы, минералы, вулканические явления и землетрясения), растительный мир (леса, луга, пастбища, фруктовые деревья, овощи). Важное место отведено роли наличествующих в Греции полезных ископаемых. По мнению автора, в экономической жизни каждой страны важную роль играют металлы. Самым важным из них является золото, но в Греции его было чрезвычайно мало. Однако в целом, «страна, обладающая металлами, если умеет пользоваться ими, не может не процветать»⁵, – резюмирует профессор.

³ Краткий отчет о деятельности Варшавского Университета за 1914 г. // Варшавские Университетские Известия. 1916. Кн. VI. С. 35.

⁴ Придик А. М. Лекции по греческим древностям. Варшава, 1911. С. 7.

⁵ Там же. С. 22.

¹ Придик А. М. Греческие папирусы. Актовая речь профессора Варшавского университета А. М. Придика. Варшава, 1907. С. 7.

² Там же. С. 8.

Особое место А. М. Придик отводит анализу понятия «полис», опираясь при этом на известную концепцию Аристотеля о социальном развитии Древней Греции: семья, селение, государство. Как мы можем понять, автор не разделяет понятия «город» и «государство», которые у него объединены одним общим понятием «полис». В качестве наиболее характерных «моделей» греческих городов-государств учёный берёт Афины, Спарту и Крит. Остаётся загадкой, почему в качестве третьего образца взят Крит, тем более, что в одном месте указывается: «... Крит во времена Эгейской культуры имел первенствующее значение»¹, но в другом месте, напротив: «в течение всей классической эпохи греческой истории Крит никакой роли не играл»².

Важнейшие события древнегреческой истории А. М. Придик объясняет экономическими факторами. Так, афинская экспедиция на Сицилию во времена Пелопоннесской войны была вызвана экономическими соображениями: народ стремился к господству над этим островом, чтобы иметь возможность пользоваться его богатствами, Другой приводимый им пример – политика Филиппа II, который, прежде чем приступить к завоеванию Греции, решил лишиться её всего того, что она получала извне, в частности хлеба из Фракии³. Оценка экономического состояния Афин даётся им с позиций известной политики меркантилизма: оно было неважным потому, что «будучи вынужденно много ввозить из-за границы, – особенно хлеба, и мало вывозить за границу, тогда как для каждого государства важен обратный порядок – мало ввозить и много вывозить»⁴.

Через год на основе читаемых Придиком лекций о древнегреческом историке Ксенофоне учёный издал о нём новое учебное пособие, начиная, по традиции, с зарождения греческой историографии, поэтапно рассматривая поэтов, логографов, от Геродота и Фукидида переходя к Ксенофону. Последнего, правда, он не считал «первоклассным писателем»: «... все писатели Греции занимались каким-то одним литературным родом, Ксенофонт писал обо всем, но ни в чём особенно не прославился; он не был ни

выдающимся философом, ни оратором, ни историком – везде он был только дилетантом». С другой стороны, А. М. Придик отметил и важность значения его исторического труда: если бы не было Ксенофонта, то мы не знали бы, что происходило в период с 411 по 362 г. до н.э. Отмечается и высокий слог греческого автора – он признаётся весьма образованным человеком, учеником Сократа. Непосредственно свою работу А. М. Придик начал с биографии Ксенофонта и её источников, в числе которых он назвал самого греческого историка, а также Диогена Лаэртского. Далее автор перешёл к личности Ксенофонта, которого характеризует как человека «набожного, стоящего на стороне врагов демократии аристократа, который не мог оставаться в Афинах после восстановления демократии. Но, по словам автора, только за одно деяние историк не заслуживает оправдания: за его участие в Коронейской битве, хотя он и находился в штабе Агесилия»⁵.

Основное внимание в пособии автор уделяет сочинениям Ксенофонта. Опираясь на указание Диогена Лаэртского, он называет их примерное количество – около 40 книг (*Diog. Laert. II. 56*). При рассмотрении сочинений возникают две основные проблемы: 1) когда было написано каждое сочинение; 2) ввиду появления множества подложных сочинений, им ли оно было написано или кем-то другим под его именем.

Все труды Ксенофонта А. М. Придик разделил на пять категорий. К числу первых он относит его *исторические сочинения*, среди которых выделяет «Анабасис». Обстоятельства его появления таковы: во время работы Ксенофонта над «Греческой историей» появился «Анабасис» некоего Софайнета из Стимфала, в котором были описаны все обстоятельства похода греков, но о Ксенофонте и его заслугах ничего не было сказано. Последний, прочитав его, рассердился и начал писать свой. Взявшись за написание «своей версии» «Анабасиса», автор преследовал двоякую цель: 1) указать на свои подвиги; 2) оправдать свой поступок. Все сообщаемые в работе сведения – географические, археологические, этнографические – достоверны. Что касается исторических фактов, то достоверность их сложно проверить, по-

¹ Там же. С. 106.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 113.

⁵ Там же. С. 46.

сколькo сочинение Софайнета не сохранилось. При этом Придик предполагает, что писал он его не по памяти, а вёл дневник, которым затем и воспользовался¹.

Ко второй категории трудов именитого грека Придик относит его «Греческую историю», в которой описываются события 411–362 гг. до н.э. и которую он писал отчасти на основе своих мемуаров. В этом произведении Ксенофонт якобы подражает Фукидиду, его сочинение оценивается как «цельное и связанное»².

К третьей категории произведений Ксенофонта относится «Киропедия», которая названа «историческим тенденциозным романом», к четвёртой – произведение «Агесилай», панегирик памяти только что умершего друга.

Следующая группа работ объединила сочинения *философского содержания*, среди которых учёный выделяет: «Апологию Сократа», «Пир», «Экономику». К категории «*небольшие историко-политические трактаты*» А. М. Придик относит «Лакедемонскую политику», «О доходах», «Герон». В группу *разные мелкие статьи* входят сочинения «О лошадях», «Об охоте». В завершении, характеризуя творчество рассматриваемого им автора, учёный отмечает простоту и естественность его стиля, отмечая и то, что многое из подробно описанного Ксенофонтom, он видел сам лично³.

Пособие содержит необходимый список литературы, среди которой мы находим работы К. В. Крюгера⁴, А. Рокетта⁵ и ряда других зарубежных авторов.

Другое пособие, также «родившееся» из практических занятий профессора, было посвящено «отцу истории» Геродоту. Эту свою работу А. М. Придик начинает с рассказа о культурном развитии Ионии и зарождении здесь научных знаний. Затем, уже по традиции, автор рассказа переходит к логографам, которых А. М. Придик характеризует как лиц, «которые за деньги писали для других судебные речи»⁶. Их произведения, со-

ставлявшие первые образцы греческой прозы, затрагивали историю не только Греции, но и иноземного варварского мира. Именно логографы и были предшественниками Геродота. «Отцом истории» Цицерон назвал Геродота потому, что у него, по словам учёного, «... впервые является понимание истинных задач истории в связи с художественным изложением богатого исторического материала ...»⁷. Характеризуя труд Геродота, А. М. Придик указывает, что историк делает первым решительный шаг от простого пересказа преданий к научно-критической разработке исторического материала, и как ни примитивна эта критика источников, всё-таки она ставит Геродота неизмеримо выше всех его предшественников⁸. Другая, не менее важная заслуга Геродота заключается в том, что весь свой собранный во время путешествий материал – исторический, географический и этнографический – он сгруппировал вокруг одного грандиозного сюжета – рассказа о борьбе эллинов с варварами. Другая, отмеченная А. М. Придиком заслуга Геродота заключается в том, что он излагает историю древнейших народов, о которых мы без него ничего бы не знали. Что же касается упреков в его адрес относительно легкомысленного отношения к собранному им материалу, то его можно объяснить тем, что эллин много путешествовал по тем странам и общался с представителями тех народов, языки которых он не знал. Характеризуя мировоззрение Геродота, автор указывает на то, что он верит в чудеса, в оракулы, предсказания, в видения и сны, и вообще в предзнаменования событий. Однако всё это сочетается у него с зачатками рационализма и скептицизма. В качестве источников Геродота называются не только личные наблюдения, заключения и разыскания, но и письменные данные, самым любимым из которых для него являлись изречения оракулов.

Сравнивая Фукидиду с Геродотом, в качестве оправдания последнего, учёный указывает на то, что если первый описывает современные ему события, то второй говорит о давно минувших временах; даже со времени Греко-персидских войн к тому времени прошло не менее 50 лет⁹. В работе приво-

¹ Там же. С. 51.

² Там же. С. 60.

³ Там же. С. 72.

⁴ Kruger K. W. De Xenophontis vitae. Halle, 1822.

⁵ Roquette A. De Xenophontis vita. Königsberg, 1884.

⁶ Придик А. М. Объяснение Геродота. Курс, читанный студентам Историко-филологического факультета в 1914–1915 академическом году. Варшава, 1915. С. 6.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Там же. С. 22.

дится солидный список рекомендованной литературы, содержащий труды Э. Майера¹, К-Ф. Дальманна², В. П. Бузескула³ и других авторов. Завершает пособие VI книга Геродота, в которой содержится перевод и комментарии к 94–120 главам данной книги. Комментарии содержат объяснение наиболее сложных выражений, встречающихся в главах.

Известно также о том, что А. М. Придик написал подробную статью «К вопросу о Килоновой смуте», которую планировали опубликовать в одном из номеров Варшавских Университетских известий, однако, к сожалению, обнаружить её нам удалось⁴.

23 сентября 1912 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству № 62 А. М. Придик был назначен исполняющим обязанности директора ординарного профессора Варшавского университета по занимаемой им кафедре.

Начало Первой мировой войны застало врасплох Александра Мартыновича и его семью. В телеграмме от 2 августа 1914 г., адресованной руководству Варшавского университета, он пишет: «Вернувшись через Торнео в Петербург, прошу сообщить по телеграфу, как можно получить неполученное мною июльское жалование и выдаваемый трёхмесячный оклад, разрешается ли и безопасен ли немедленный личный приезд в Варшаву за вещами, или уполномочить кого-нибудь выслать вещи и сколько можно вывезти багажа»⁵. Однако, как известно, эвакуация Варшавского университета произошла лишь через год после начала войны. Известно, что ещё в июле 1915 г. А. М. Придик со сво-

ей семьей отдыхал на курорте Усть-Нарва, откуда он, получив известие о предстоящей эвакуации университета из Варшавы, обратился к руководству, прося известить его телеграммой, где писал: «... куда нас переведут, чтобы знать сейчас, куда отдать дочь в гимназию?»⁶.

Но даже в тяжелейших условиях эвакуации А. М. Придик не терял голову и проявлял удивительную педантичность. Так, сохранилось его заявление на имя ректора университета, в котором он сообщает: «При выдаче эвакуационного пособия в размере двухмесячного жалования была удержана 1/5 часть такого в виду неправильного толкования Варшавской Казённой Палатой о том, что жалование профессоров Варшавского университета составляет содержание. Вследствие разъяснения Департамента Общих Дел МНП ... имею честь возбудить ходатайство о доплате удержанной 1/5 части из двухмесячного жалования, выданного мне эвакуационного пособия ...»⁷. В итоге эта незаконно удержанная из его оклада сумма была ему возвращена.

Во время службы в Варшаве А. М. Придик был награждён орденом св. Анны 3-й степени (1909 г.) и орденом Св. Владимира 4-ой степени (1914 г.). Здесь же, в Варшаве 1 января 1906 г. он получил чин статского советника.

Осенью 1915 г. А. М. Придик в составе профессорско-преподавательского состава Варшавского университета прибыл на Дон, в г. Ростов-на-Дону. Начался новый, ростовский период его научно-педагогической деятельности.

¹ Meyer E. Forschungen zur alten Geschichte. Bd.2. Halle, 1899.

² Dahlmann K. Herodot. Altona, 1824.

³ Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Харьков, 1904.

⁴ Краткий отчёт о деятельности Варшавского университета за 1914 г. // Варшавские Университетские известия. 1916. Кн. VI. С. 26.

⁵ ГАРО. ФР. 46. Оп. 3. Д. 619. Л. 115.

⁶ Там же. Л. 119.

⁷ Там же. Л. 107.

А. Н. Птицын

АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ-ИММИГРАНТЫ НА ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Воссозданный в 1869 г. Варшавский университет остро нуждался в квалифицированных преподавателях. Их активно приглашали из других российских университетов, а также из-за границы. В частности, двое чешских ученых – Ф. И. Иезбера и И. И. Первольф – были приняты на кафедру славянской филологии.

Приглашением этих специалистов лично занимался ректор университета, профессор-славист П. А. Лавровский. Ещё на рубеже 1850–1860-х гг., находясь в научной командировке в чешских землях, он обратил внимание на тот факт, что чешские специалисты зачастую оказывались невостребованными на родине и вынуждены эмигрировать в страны Европы и Америки. В итоге родилась идея приглашения чешских специалистов, в первую очередь университетских преподавателей, в Россию. Именно они, по мысли русского учёного, содействовали бы развитию российско-чешских контактов и «способствовали бы благотворной взаимности»¹.

Во время своей работы в Харьковском университете в 1860-е гг. П. А. Лавровский выступал в качестве посредника при приглашении в Харьков профессоров и гимназических учителей из числа чехов и словаков. Став в 1869 г. ректором возрождённого Варшавского университета, он продолжил свою деятельность по привлечению в нашу страну чешских специалистов.

3 ноября 1869 г. на должность доцента кафедры славянской филологии Варшавского университета был принят *Фёдор Иванович (Франтишек Ян) Иезбера (Езбера)* (1829–1901). Он родился в Брезнице в Чехии и происходил из крестьянской семьи. Образование Ф. И. Иезбера получил в Пражской академической гимназии и на философском факультете Пражского университета, где большое влияние на него оказал известный

¹ Лавровский П. А. Мысли русского о значении службы чехов при университетах русских // День. 1865. № 16.

чешский филолог и деятель Национального Возрождения В. Ганка. Как и его учитель, Ф. И. Иезбера стал горячим сторонником идеи славянского единства, причём в большей степени склонялся к панславизму, мечта об объединении всех славянских народов под главенством России. Он изучил русский и другие славянские языки, а также стремился как можно лучше изучить жизнь России.

После окончания университета Ф. И. Иезбера работал в различных учебных заведениях Праги учителем чешского языка и литературы, затем занимал должность экстраординарного профессора Пражского политехнического института, где преподавал русский и сербский языки. Своих слушателей он агитировал переезжать для работы в Россию, где имелось много свободных мест для квалифицированных специалистов. Одновременно Ф. И. Иезбера организовал агитационную кампанию с целью привлечь внимание российских работодателей к чешским специалистам, опубликовав в 1861 г. соответствующее «Письмо к сельским хозяевам, помещикам, купцам, фабрикантам, промышленникам и т. д. в Российской империи». Первоначально это письмо было издано в виде прокламации, а затем перепечатано в заграничной революционной газете А. И. Герцена «Колокол» (1861, № 122–123). Этот факт вызвал обсуждение в российской печати. Для прояснения своей позиции Ф. И. Иезбера в 1864 г. опубликовал на чешском и русском языках небольшую брошюру, где развил свои идеи о желательности приглашения чешских специалистов в Россию, но при этом отмежевывался от «Колокола», говоря о том, что данное письмо было опубликовано там без его согласия².

В 1862–1864 гг. Ф. И. Иезбера издавал в Праге газету «Словенин», которая пози-

² Иезбера Ф. И. Как приняли в России рекомендацию чешских техников, промышленников, экономов и т. д. Прага, 1864.

ционировалась как «первая газета для всех славян» и печаталась вначале латинской азбукой, а затем кириллицей. Он предложил проект введения общеславянского языка и единой азбуки на основе кириллицы. В 1863 г., во время Польского восстания, Ф. И. Иезбера стал одним из немногих чехов, публично выступивших на стороне России, что вызвало нападки на него на родине, но обеспечило благосклонное отношение со стороны российских правящих кругов¹.

В 1864 г. Ф. И. Иезбера впервые совершил поездку в Россию, стремясь изучать её на практике. Он вспоминал об этом времени впоследствии: «Думал я часто о России, этом единственном славянском, независимом на свете государстве; пылал желанием изучить её и наглядно познакомить с нею других»². В последующие пять лет учёный предпринял несколько путешествий по Российской империи с целью сбора этнографических материалов. Он хотел познакомить чешское общество с жизнью «великой славянской империи», для чего планировал открыть в Праге Русский этнографический музей. Ф. И. Иезбере удалось собрать несколько тысяч различных экспонатов – часть их ему подарили, другие же он приобрёл на собственные средства или выменял. Некоторую материальную помощь ему оказывал Московский славянский благотворительный комитет.

Окончательно Ф. И. Иезбера поселился в России в 1869 г., заняв должность в Варшавском университете. Примечательно, что он стал одним из первых чешских эмигрантов, принявших православие, что отражало его панславистские взгляды (торжественная церемония принятия православия группой чешских эмигрантов прошла 1 октября 1870 г. в петербургской Александро-Невской Лавре)³.

Ф. И. Иезбера проработал в должности доцента кафедры славянской филологии Варшавского университета 32 года (1869–1901), вплоть до своей смерти. Он преподавал славянские языки в их различных

аспектах (грамматику, фонетику, историю языка) студентам славяно-русского и исторического отделений историко-филологического факультета. Деятельность чешского преподавателя способствовала развитию славяноведения в Варшавском университете, однако магистерскую диссертацию Ф. И. Иезбера так и не защитил, довольствуясь в итоге доцентским жалованием в размере 1200 руб. в год. За годы службы педагог был награждён орденами Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Станислава 2-й степени⁴.

Свой этнографический музей, экспонаты для которого он собирал много лет, Ф. И. Иезбера смог открыть в 1874 г. при Варшавском университете под названием «Всероссийский музей, или собрание предметов, касающихся познания Российской империи». Он включал несколько тысяч экспонатов по этнографии русского народа и других народов империи (одежду, предметы быта, орудия труда, модели жилищ, а также изобразительные материалы, фотографии, литературу и т. д.). Кроме того, в экспозиции были собраны разнообразные материалы по истории (документы, карты, портреты, монеты и т. д.), а также имелись отделы по минералогии, ботанике и зоологии. В 1879 г. Ф. И. Иезбера опубликовал подробный, почти 500-страничный каталог своего музея⁵.

Помимо работы в университете и музее, Ф. И. Иезбера активно занимался встречами переводами литературных произведений на чешский и русский языки. Он опубликовал также несколько публицистических брошюр и стихотворений панславистской направленности. Ф. И. Иезбера был женат на православною, затем овдовел и воспитывал двоих детей. Его сын Иосиф Фёдорович Иезбера в начале XX в. жил в Москве, работал в товариществе «Р. Келер и К^о», производившем фармацевтические и медицинские товары, и являлся секретарем Гимнастического общества «Сокол». Потомки Ф. И. Иезберы живут в Москве до сих пор.

¹ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского (40–80-е гг. XIX века). М., 1975. С. 533.

² Иезбера Ф. И. Всероссийский музей, или собрание предметов, касающихся познания Российской империи. Варшава, 1879. С. III.

³ Чешское торжество православия. К тридцатилетию воссоединения с православием первой группы чехов. СПб., 1901.

⁴ Список лицам, служащим в Министерстве народного просвещения. 1870. СПб., 1870. С. 247. Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1880/81 учебный год. СПб., 1880. С. 713; Список лицам, служащим по ведомству министерства народного просвещения на 1900 г. СПб., 1900. С. 698; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / под ред. В. А. Дьякова, Д. Ф. Маркова. М., 1988. С. 213.

⁵ Иезбера Ф. И. Всероссийский музей. 1879.

Крупным учёным-славистом являлся чех *Иосиф Иосифович Первольф* (1841–1891), приглашённый в Варшавский университет в 1871 г. Он родился в местечке Чимелице близ Писека в Чехии, в семье управляющего поместьем, обучался в гимназии г. Писека, и тогда же под влиянием любимого учителя впервые заинтересовался славянством и Россией. В 1858–1861 г. И. И. Первольф учился на философском факультете Пражского университета, где изучал историю под руководством корифея чешской исторической науки Ф. Палацкого, славянские наречия – у профессора М. Гатталы, русский язык – у В. В. Ганки. С 1861 г. в течение 10 лет молодой учёный состоял в редакции первой чешской энциклопедии – «Научного словаря». Всего было издано 11 томов этого словаря, многие статьи там принадлежали перу И. И. Первольфа (в том числе статьи по славянской истории и этнографии – о России, Польше, балтийских славянах, сербах, казаках и др.)¹.

В 1864 г. И. И. Первольф был приглашён служить в Чешский национальный музей в Праге, который являлся одним из главных научных центров страны. Его часто посещали российские ученые и путешественники, что позволило молодому учёному установить контакты с ними. Русский язык он начал изучать ещё в университете, а теперь в общении с русскими визитёрами усовершенствовал свою разговорную речь. Одновременно Первольф публиковал свои исследования в различных изданиях и быстро завоевал репутацию квалифицированного слависта. В 1867 г. он издал брошюру «О развитии идеи взаимности у народов славянских», которая определила главную тему его будущих исследований.

Впервые И. И. Первольф получил предложение поступить на службу в конце 1860-х гг., когда известный историк М.П. Погодин, неоднократно бывавший в Праге, предлагал хлопотать о предоставлении ему места в Императорской Публичной библиотеке в Петербурге, однако чешский коллега на переезд тогда не решился².

В 1871 г. И.И. Первольф получил приглашение занять должность доцента Варшав-

ского университета от его ректора П. А. Лавровского. Последний был знаком с чешским учёным лично и видел в нём перспективного кандидата на преподавательскую должность, «успешного уже приобрести почётную известность в науке славянской истории»³. Блестящие рекомендации дали И. И. Первольфу видные чешские учёные Ф. Палацкий и К. Я. Эрбен. Протоиерей российской посольской церкви в Вене М. Ф. Раевский, курировавший приглашение австро-венгерских преподавателей, сначала отозвался о И. И. Первольфе сдержано, а затем дал ему рекомендацию для работы в России.

3 февраля 1871 г. И. И. Первольф был зачислен на российскую службу и занял должность доцента кафедры славянской филологии Варшавского университета. С апреля того же года он начал читать лекции по курсу славяноведения. В университете И. И. Первольф, главным образом, вёл курсы по славянским древностям (раннему периоду развития славянских народов), исторической этнографии славян, славянскому фольклору⁴. По отзывам современников, он «был самым добросовестным преподавателем и руководителем своих слушателей, русских и поляков, и неутомимым тружеником в области своей науки»⁵. Среди его учеников были будущие профессора российских университетов Н. В. Крушевский, Ф. Ф. Вержбовский, В. В. Качановский. Благодаря работе И. Первольфа, Ф. Иезберы и их коллег Варшавский университет стал ведущим славяноведческим центром Российской империи, куда командировались кандидаты на профессорское звание по славяноведению из других российских университетов⁶.

Параллельно с преподаванием И. И. Первольф интенсивно занимался научной работой. В 1874 г. он защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию на тему «Славянские взаимности с древнейших времён до конца XVIII века» (опубликована в 1873–1874 гг. в «Журнале министерства народного просвещения»). В следующем году

³ Лаптева Л. П. Профессор Варшавского университета И. И. Первольф и его концепция славянской взаимности // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Вып. 5. Брянск, 2003. С. 67.

⁴ Славяноведение в дореволюционной России. С. 213.

⁵ Грот К. Указ. соч. С. 145.

⁶ Славяноведение в дореволюционной России. С. 216.

¹ Грот К. И. И. Первольф (Некролог) // Журнал министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1892. Ч. CCLXXIX. С. 141–142.

² Там же. С. 144.

он был утвержден экстраординарным профессором кафедры славянской филологии. В 1876 г. И. И. Первольф издал в Петербурге монографию «Германизация балтийских славян», за которую Совет Варшавского университета присвоил ему докторскую степень. В декабре 1878 г. он стал ординарным профессором той же кафедры с жалованием 3 тыс. руб. в год, а после выслуги 10 лет стал получать добавочное жалование в размере 750 руб. в год. В декабре 1889 г. И. И. Первольф получил высокий чин действительного статского советника¹.

Помимо своих диссертаций и монографий, И. И. Первольф опубликовал в российской и чешской печати целый ряд статей о проблемах славянской взаимности, чешско-русских отношениях, восточном вопросе, австрийских славянах и их национальном движении и других².

Главным трудом И. И. Первольфа стало сочинение «Славяне, их взаимные отношения и связи» (Варшава, 1886–1893; вышло 3 тома, последний из которых – в 2 частях). Эта работа из-за смерти автора не была окончена, её последнюю часть подготовил к печати и издал К.Я. Грот, коллега и друг И.И. Первольфа. В ней рассмотрены проблемы взаимодействия славянских народов и их культур с глубокой древности до эпохи Нового времени. Первый том посвящён, главным образом, проблемам политической истории и быта славянских народов, во втором томе рассматривается отражение славянской идеи в литературе, а третий том освещает славянскую идею в политических и культурных связях славянских народов до XVIII в. Славянскую взаимность И. И. Первольф понимал широко и рассматривал её в научном, культурном, литературном и других ракурсах. И хотя учёный преувеличивал степень данного взаимодействия, его работы, содержащие большой фактический материал, основанный на неизданных источниках, не утратили своей ценности до наших дней.

¹ Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1875/6 учебный год. СПб., 1875. С. 506; Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1880/81 учебный год. С. 708; Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1884/5 учебный год. СПб., 1884. С. 492; Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1890/91 учебный год. СПб., 1890. С. 606.

² Лаптева Л. П. Указ. соч. С. 69–70.

Каждый год во время каникул И. И. Первольф выезжал за границу для изучения архивов и библиотек в славянских землях или же работал в книгохранилищах Петербурга и Москвы. По оценке крупнейшего современного специалиста по истории славяноведения Л. П. Лаптевой, «в результате долголетней систематической работы над источниками Первольф собрал огромное богатство материала, редко встречающегося в исследованиях XIX века. Он изучил всю литературу по своей теме, а также печатные и архивные материалы типа старых грамматик, словарей, хроник, летописей, художественных произведений и т. д. в варшавских, московских, петербургских, краковских, львовских, парижских, венских, загребских, люблинских библиотеках и архивах, а также в некоторых частных хранилищах. Из этих архивов он извлек тысячи документов и других сведений, чем стремился доказать существование славянского самосознания и славянской политики в прошлом и подтвердить существование славянской взаимности реальными историческими фактами»³. Кроме того, достоинство работ И. И. Первольфа заключалось в использовании не только письменных источников, но и лингвистического и этнографического материала. Значительный научный вклад он внёс в изучение славянского этногенеза и ранней истории славян⁴.

Сущность представлений И. И. Первольфа о славянской взаимности, согласно К. Я. Гроту, сводилась к следующему: «Констатируя созданный историей факт разрозненности и разобщенности славянских племён и невозможность слияния их в один народ, автор выдвигает из истории же идею славянской взаимности, то есть сознания племенного родства и общности интересов славян, следит за её историческим развитием и проявлением в политической и духовной жизни славянства, наконец, рекомендует её своим соплеменникам, как якорь спасения, и в настоящем»⁵.

В то же время И. И. Первольф являлся панславистом весьма умеренного толка, его идеи были близки панславизму словацкого мыслителя Я. Коллара. И. И. Первольф

³ Там же. С. 70.

⁴ Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 263–264.

⁵ Грот К. Указ. соч. С. 143.

выступал сторонником создания демократической славянской федерации, основанной на принципах равноправия и солидарности, в то время как отечественные панслависты во главе с Н. Я. Данилевским отстаивали идею о доминировании в ней России. Чешский учёный также проводил мысль о том, что зарубежные славяне даже в составе федерации должны сохранить свою самобытность и свою особую культуру. Примечательно, что в отличие от российских панславистов И. И. Первольф отрицал славянскую общность как отражение религиозной идеи (православия) и психического склада народов, её основой он видел лишь общее происхождение славян. Сам учёный оставался католиком, при этом считал все религии равноправными и осуждал всякий религиозный фанатизм¹.

И. И. Первольф удачно интегрировался в российскую науку и адаптировался в нашей стране. Его основные работы были написаны на русском и чешском языках. Известный исследователь российской общественной мысли А. Н. Пыпин считал, что Первольф «равно принадлежит чешской и русской литературе»².

Сам И. И. Первольф называл Россию своим новым отечеством и принял российское подданство. В своей преподавательской деятельности он был строго лоялен правительственному курсу. Попечитель Варшавского учебного округа, давая характеристику профессору, отмечал, что И. И. Первольф «всецело предан русскому делу ... в нравственном влиянии на слушателей удовлетворяет задачам русского просвещения польских уроженцев в своих учёных исследованиях, и на лекциях в аудитории проводит здравые и согласные с русскими интересами идеи о международных отношениях среди разных племён славянской расы»³.

В своей личной жизни И. И. Первольф не стремился сохранять приверженность к чешской нации. Он был женат на русской женщине, Наталье Никандровне, падчерице писателя Д. Мордвинова. Будущие супруги познакомились в 1864 г., когда юная Наталья в сопровождении друга своего отца — знаменитого историка Н. И. Костомарова — совершила зарубежную поездку. В Праге

русские путешественники посетили Чешский музей и библиотеку, где в то время работал молодой И. И. Первольф. Встреча произвела на обоих такое сильное впечатление, что семь лет спустя, в 1871 г. И. И. Первольф, только что получивший должность в Варшавском университете, отправился в Саратов, где проживала Наталья, с предложением руки и сердца, которое и было принято⁴. У них родились двое детей, примечательно, что они не знали чешского языка. Сын Вячеслав Иосифович Первольф (1876–1941), окончивший Петербургский университет, в дореволюционные годы служил чиновником Управления водных путей и шоссейных дорог министерства путей сообщения и одновременно выступал в качестве поэта-сатирика, писавшего под псевдонимом Иван Пересветов⁵.

Скончался И. И. Первольф в 50-летнем возрасте от удара, прямо на рабочем месте. Его коллега К. Я. Грот в некрологе отмечал, что «Варшавский университет и русско-славянская наука потеряли в нем большую крупную силу и неутомимого труженика, а славянство – видного деятеля, горячо преданного его интересам, с любовью и самоотвержением служившего ему на скромном поприще учёного и профессора»⁶. В целом, научное и педагогическое творчество И. И. Первольфа внесло весомый вклад в развитие российского славяноведения.

Ещё один австро-венгерский иммигрант – *Филипп Никитич Дьячан* (1831–1906) – в течение четырёх десятилетий являлся профессором кафедры греческого языка и словесности Варшавского университета. При этом место в университете он занял не сразу, первоначально работая преподавателем в духовной семинарии и гимназиях.

Ф. Н. Дьячан, русин из Галиции, сын священника, получил образование в Венском университете. Затем он принял духовный сан, став священником Греко-униатской Церкви в Галиции. В середине 1860-х гг. его, наряду с другими представителями галицийского духовенства, пригласили на службу в Холмскую епархию Греко-униатской Церкви в Царстве Польском. Ф. Н. Дьячан занял

¹ Лаптева Л. П. Указ. соч. С. 75–77.

² Там же. С. 76.

³ Там же. С. 76.

⁴ Мордвинов Д. Поминки по Костомарову // Русская старина. 1885. Т. 46. С. 634.

⁵ Чуйкина С. А. Дворянская память: бывшие в советском городе (Ленинград, 1920–30-е гг.). СПб., 2006. С. 163.

⁶ Грот К. Указ. соч. С. 141.

должности ассессора епархиальной консистории и младшего соборного протоиерея в г. Холм, и одновременно стал профессором богословских наук в Холмской Греко-униатской семинарии¹.

С ноября 1867 г. протоиерей Ф. Н. Дьячан, не оставляя своих церковных должностей, служил учителем древних языков в Холмской мужской гимназии². Со временем педагогическая стезя показалась ему более привлекательной, и он полностью переключился на преподавание в гимназии. Этому способствовали и внешние обстоятельства – развернувшаяся в первой половине 1870-х гг. кампания по присоединению униатов Царства Польского к православию, которая привела к ликвидации там Греко-униатской епархии.

В Холмской гимназии Ф. Н. Дьячан зарекомендовал себя как отличный преподаватель древнегреческого языка. В январе 1874 г. его перевели в Варшаву, где он одновременно занял должности учителя древних языков в 1-й мужской гимназии и доцента кафедры греческого языка в Варшавском университете³.

В Варшаве Ф. Н. Дьячан серьезно занялся наукой, зарекомендовав себя как один из крупнейших в нашей стране знатоков Геродота. Во второй половине 1870-х гг. на страницах «Журнала министерства народного просвещения» он опубликовал две работы: «Исследование о родине, родных и годе рождения Геродота» и «Геродот и музы». Последняя из них также вышла в 1877 г. отдельным изданием. За исследования о Гомере Ф. Н. Дьячан получил степень магистра греческой словесности. В 1881 г. он издал учебное пособие для старших классов гимназии «Основы и времена греческих неправильных глаголов с указанием корней происходящих от них слов», которое было рекомендовано для использования Учёным комитетом Министерства народного просвещения⁴.

4 октября 1878 г. Ф. Н. Дьячан был утвержден экстраординарным профессором по

кафедре греческого языка и словесности Варшавского университета, а 10 июня 1882 г. – исправляющим должность ординарного профессора той же кафедры. В университете он вёл курсы греческого языка, словесности и греческих древностей. Отличаясь замечательной работоспособностью, Ф. Н. Дьячан одновременно со службой в университете продолжал преподавать и в 1-й Варшавской гимназии, получая за это двойное жалование. Его заработок был, по тем временам, огромным, составляя в 1880-х гг. 5 840 руб. в год (в том числе 3 000 руб. профессорского жалования, 1 500 руб. учительского жалования, 1 025 руб. – дополнительной платы за выслугу 15 лет в Царстве Польском, 160 руб. – оплата за дополнительные уроки в гимназии и 160 руб. – за должность классного наставника)⁵.

Несмотря на возраст, Ф. Н. Дьячан продолжал работать в гимназии вплоть до лета 1895 г., а в университете – до своей смерти в январе 1906 г. За годы службы он был награжден орденами Св. Анны 1 степени, Св. Владимира 3 степени и другими. Вскоре после переезда в Россию он принял российское подданство, а в 1875 г. присоединился к православию. Его жена также была православной, у них было 5 детей (3 сына и 2 дочери). Старший сын – Владимир Филиппович Дьячан – получил известность как юрист и историк, автор нескольких книг по истории славянских законодательств и германского права⁶.

Таким образом, на историко-филологическом факультете Варшавского университета в последней трети XIX – начале XX в. служили трое преподавателей, являвшихся выходцами из Австро-Венгрии – Ф. И. Иезбера, И. И. Первольф и Ф. Н. Дьячан. Они внесли свой вклад в становление и развитие в университете славянской и греческой филологии, славянской истории и этнографии. Ученые-иммигранты содействовали становлению и развитию возрожденного Варшавского университета и вписали свои имена в его историю.

¹ Холмский греко-униатский месяцеслов на 1868 год. Варшава, 1868. С. 41–42.

² Список чиновников и преподавателей Варшавского Учебного округа. 1871. Варшава, 1872. С. 248–249.

³ Список чиновников и преподавателей Варшавского Учебного округа. 1884. Варшава, 1884. С. 21.

⁴ ЖМПН. 1881. Июль. Т. ССХVI. С. 16.

⁵ Список чиновников и преподавателей Варшавского Учебного округа. 1884. С. 21.

⁶ ЖМПН. 1895. Сентябрь. Т.СССI. С. 53; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1902 г. СПб., 1902. С. 724.

МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

В. В. Волобуев

ПОЛЬША 1956–1989 гг. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (ОСНОВА ДЛЯ СПЕЦКУРСА)

Часть первая

XX съезд КПСС и «Секретный доклад» Н. С. Хрущёва запустили процесс десталинизации в Польше. После смерти первого секретаря ЦК Польской объединённой рабочей партии (ПОРП) Б. Берута, последовавшей 12 марта 1956 г., в ПОРП выявились два течения, спорившие между собой за глубину и направление реформ. Основным критерием, по которому прошёл водораздел, был взгляд на взаимоотношения с КПСС. Консерваторы, получившие название «натолинцев» (в честь особняка в варшавском районе Натолин, где они собирались), были слепо привержены советской модели социализма, отличались при этом выраженными антисемитскими настроениями (в связи с чем атаковали, например, таких влиятельных деятелей предыдущего периода как Я. Берман и Р. Замбровский). Реформаторы, в просторечии именовавшиеся «пулавянами» (в честь Пулавской улицы в Варшаве, где многие проживали), требовали большей самостоятельности ПОРП от КПСС и весьма болезненно воспринимали всплеск антисемитских чувств в стране и в партии.

На первом этапе, т. е. до октября 1956 г., преимущество было у консерваторов, пользовавшихся благосклонностью советского руководства. С подачи Н.С. Хрущёва новым лидером ПОРП стал близкий «натолинец» Э. Охав, при котором были несколько «отпущены вожжи» в области цензуры, однако сохранялся прежний курс в отношении «гомукловщины» (бывший лидер Польской рабочей партии В. Гомулка ещё продолжал находиться не у дел, поскольку прежние обвинения в «правонационалистическом укло-низме» ещё не были с него сняты). Тем не менее, Польша стала единственной страной советского блока, в которой центральная печать опубликовала «Секретный доклад» Н. С. Хрущёва о культе личности, зачитанный в конце работы XX съезда.

Между тем, нарастало недовольство среди людей науки и искусства. Писатели, художники, учёные требовали свободы самовыражения и научного поиска, не скованного догмами сталинизма. Как грибы после дождя, по всей стране возникали клубы интеллигенции (самым известным стал варшавский «Клуб Кривого колеса»). Начали проявлять себя и представители некоммунистической интеллигенции (светские католики, националисты, христианские демократы, социалисты и т. д.), пытавшиеся вернуться к общественной деятельности – пока ещё также в форме клубов. Власть, следуя курсу, взятому ещё в 1955 г., смотрела сквозь пальцы на не всегда «благонадёжные» выступления марксистских интеллектуалов, но жёстко пресекала попытки немарксистской интеллигенции создать какие-либо самостоятельные организации.

Другой проблемой, с которой пришлось столкнуться партийному руководству в 1956 г., стали волнения рабочих, вызванные удручающим материальным положением. Всю весну и лето члены Политбюро вынуждены были ездить по промышленным центрам и «гасить страсти». Но ярче всего вспыхнуло там, где не ждали – в Познани, которая не являлась крупным средоточием тяжелой индустрии. 28 июня здесь вышли на манифестацию протеста металлурги, к которым присоединилась молодёжь и рабочие других предприятий. Экономические требования быстро сменились политическими («Долой русских из Польши!»), а протестующие начали громить административные здания. В город были введены войска, через два дня бунт был подавлен. В его результате погибло более 7 десятков человек.

Расправа над участниками протеста и пропагандистское прикрытие этой акции, выдержанные в лучших традициях сталинизма, серьёзно дискредитировали правящую элиту в глазах общества. Взоры поляков

всё чаще обращались в сторону Гомулки как единственного, кто, по мнению многих, мог демонтировать сталинскую систему в стране. В первичных парторганизациях начали раздаваться призывы снять с Гомулки прежние обвинения в антигосударственной деятельности и вернуть его в состав руководства партии и страны. В сентябре этот призыв поддержали и высокопоставленные реформаторы, в частности, член Политбюро Р. Замбровский.

Перелом произошёл в октябре. Его двигателем стали студенты, вернувшиеся с летних каникул. Подталкиваемые популярным молодёжным еженедельником «По просту», студенты на массовых митингах потребовали создания новой, независимой от ПОРП, молодёжной организации, возвращения Гомулки на пост лидера партии и завоевания Польшей полноценного государственного суверенитета (т. е. избавления от назойливого опекуинства со стороны СССР). Повсеместно начали возникать «революционные комитеты» молодёжи, обращавшиеся к наследию раннего большевизма, в котором искали альтернативу сталинизму. Активизировалось неподконтрольное властям рабочее движение, особенно в столице, где молодой глава парторганизации автомобильного завода в Жерани Л. Гозьдзик, действуя в сепке с реформаторами из партаппарата, в многочисленных речах перед трудовыми коллективами призывал перенести на польскую почву югославскую концепцию заводского самоуправления. Чрезвычайно популярный в массах, Гозьдзик вошёл в историю как «трибун варшавского люда».

19–21 октября прошёл переломный, VIII пленум ЦК ПОРП, в ходе которого лишь незадолго до этого восстановленный в партии В. Гомулка был избран первым секретарём, а в состав Политбюро кооптировали нескольких его соратников, до того пребывавших вне общественной жизни. Встреченные развитием событий, советские руководители (Н. С. Хрущёв, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, В. М. Молотов) 20 октября прибыли в Варшаву. Главной целью визита было не допустить исключения из правящей верхушки консерваторов, коих московские гости громко именовали «выразителями польско-советской дружбы». Одновременно были приведены в движение советские тан-

ковые части, расквартированные в Лигнице. Сложилась крайне драматическая ситуация, осложнённая ещё и тем, что Министром обороны ПНР являлся советский маршал К. К. Рокоссовский, во всём поддерживавший консерваторов. Командующие родами войск и флотом вышли из-под контроля министра обороны, сформировав свой штаб. Возникла реальная опасность советско-польской войны. Благодаря взаимным уступкам ситуацию удалось разрядить. Н. С. Хрущёв дал, в конце концов, добро на избрание Гомулки, а последний в свою очередь гарантировал, что Польша останется членом Организации Варшавского договора. Не последнюю роль, как полагают, сыграла в этот момент позиция китайского руководства, которое открыто выразило симпатии к Гомулке и грозило Компартии СССР охлаждением отношений в случае советской интервенции.

Гомулка вернулся на пост лидера партии, выдвинув концепцию «польского пути к социализму». Её суть сводилась к признанию права граждан исповедовать иное мировоззрение, нежели марксистское (при условии добросовестной работы на благо страны и существующей госсистемы), повышению роли Сейма, разделению функций партийных и государственных органов, установлению рабочего самоуправления на предприятиях, неприятию принудительной коллективизации деревни. В области внешней политики декларировались равноправие всех стран социалистического лагеря и признание многовариантности путей к социализму.

Руководствуясь концепцией мирного сосуществования в духе идеологем XX съезда КПСС, 2 октября 1957 г. Министр иностранных дел ПНР А. Рапацкий выступил в ООН с инициативой создания безъядерной зоны в Центральной Европе. Поляков подталкивала к этому неурегулированная проблема западной границы и постоянные опасения того, что ФРГ, находясь во враждебном Польше лагере, попытается с помощью американцев вернуть потерянные после войны земли. План Рапацкого встретил холодный приём со стороны НАТО, поскольку ставил его в невыгодное положение относительно СССР, имевшего преимущество в обычных вооружениях. Польский МИД пытался лавировать, предлагая на втором этапе реализации плана сокращение и обычных воору-

жений тоже, но ничего не добился. В 1962 г. план был отвергнут окончательно.

Во вспыхнувшем тогда же, в конце 1950-х гг., советско-китайском конфликте Гомулка поддержал Москву, поскольку именно Советский Союз выступал главным гарантом удержания Польшей выгодных западных границ. Польский лидер на разных партийных форумах не жалел резких слов по адресу китайских «раскольников» и примкнувших к ним албанцев. В свою очередь, иные из оставшихся в Польше немногочисленных партийных консерваторов с надеждой устремляли взоры на Мао Цзедуна и получали деньги из китайского и даже албанского посольств на свою «антигомулковскую» деятельность. Ряд бывших партфункционеров даже создали в подполье новоявленную «Компартию Польши» и вели пропаганду против Первого Секретаря. Служба безопасности быстро разоблачила этих «заговорщиков» и приговорила их к различным срокам заключения. Один из них – бывший секретарь Б. Берута К. Мияль – в 1966 г. сбежал в Албанию и начал оттуда посредством «Радио Тираны» вести агитацию среди соотечественников с призывом свергнуть господство «ревизионистов и сионистов». Эти его призывы, однако, не находили ни малейшего отклика в массах, хорошо помнивших сталинские времена.

Признание Гомулкой мировоззренческого плюрализма выразилось, прежде всего, в освобождении из места интернирования главы польского епископата кардинала Стефана Вышинского. Вскоре также было выдано разрешение создать пять клубов католической интеллигенции, которые затем приняли участие в парламентских выборах и сформировали в Сейме немногочисленную, но активную фракцию «Знак» (по имени своего теоретического журнала, издававшегося в Кракове). Был возобновлён в старом составе своей редакции еженедельник светских католиков «Тыгодник повшехны» (распущенный в 1953 г.), к которому в 1958 г. добавился ежемесячник «Вензь», представлявший левое крыло светского католицизма (его деятели в 1955 г. были исключены из проправительственной организации светских католиков «Пакс» за критику лидера этой структуры Б. Пясецкого).

«Оттепель» в Польше имела свои пределы. Так, весной 1957 г. были свёрнуты все

начинания некоммунистической интеллигенции (кроме упоминавшихся выше светских католиков) сформировать какие-либо платформы совместной деятельности. Клубное движение было поставлено под строгий контроль, всем «подозрительным» клубам отказано в регистрации. Ещё раньше, в январе 1957 г., был распущен немарксистский Союз молодых демократов, возникший в момент распада официальной молодёжной организации и объединивший в своих рядах до десяти тысяч человек – главным образом, учащихся католических учебных заведений. Все прочие молодёжные структуры, появившиеся в 1956 г., были сведены в четыре организации (городскую, сельскую, студенческую и харцерскую, т. е. бой-скаутскую), действовавшие под патронажем ПОРП. Устав рабочего самоуправления в декабре 1958 г. дополнился статьёй о партийном руководстве, что превратило эту инициативу в фикцию, прикрывавшую всевластие директора и секретаря первичной парторганизации на предприятии.

После краткого всплеска свободомыслия вновь началось «закручивание гаек» в области идеологии. Уже в мае 1957 г. на IX пленуме ЦК ПОРП Гомулка, покритиковав для порядка «догматизм» (т. е. взгляды консерваторов-сталинистов, которых в тот период активно удаляли из правящих структур), указал, что главной опасностью для партии является все же ревизионизм, чьи сторонники настаивали на дальнейших, далеко идущих реформах и подрывали политико-идеологическую монополию Политбюро. Именно на пленуме Гомулка остановился на трёх «ревизионистах»: философе Л. Колаковском (превратившемся к тому времени в интеллектуального вождя данного течения), публицисте «По просту» Р. Зиманде (призывавшем воплотить в жизнь большевистский лозунг «Вся власть советам!») и поэте В. Ворошильском (стороннике создания независимой от партии молодёжной структуры). Их взгляды были объявлены неприемлемыми для партии.

Вскоре были «зарублены» несколько проектов по изданию литературных журналов, что спровоцировало выход из партии ряда известных писателей (А. Важики, Е. Анджеевского, Ю. Жулавского, С. Дыгата и др.). Осенью 1957 г. была проведена боль-

шая «чистка» в средствах массовой информации (в газетах, журналах, на радио и телевидении) с целью устранения каких бы то ни было отклонений от генеральной линии партии. Политбюро поручило Центральной комиссии партийного контроля рассмотреть личные дела ряда теле- и радиожурналистов. Всего за 1957 г. с работы было уволено около 150 журналистов. Пиком кампании по «наведению порядка» в прессе явилось закрытие «По просту» 2 октября 1957 г. Редакцию еженедельника обвинили в том, что она развивала деятельность, вредную для политики партии и правительства, противоречащую решениям VIII и IX пленумов ЦК. Это решение вызвало волну студенческих демонстраций в Варшаве, продолжавшуюся до 7 октября. Во время столкновений с органами правопорядка пострадало 79 манифестантов и 95 милиционеров, 536 человек было задержано. Бывший главный редактор «По просту» Э. Лясота был исключён из ПОРП (оставшись, правда, депутатом Сейма). Предвосхищая возможное повторение эксцессов, власть создала особые подразделения для противодействия массовым беспорядкам – «Механизированные отряды гражданской милиции» (ZOMO), не раз проявившие себя в будущем.

В декабре 1958 г. с протестом против ужесточения цензуры выступил Союз польских литераторов, что повлекло за собой замену председателя этой организации А. Слонимского на более склонного к компромиссу с властями Я. Ивашкевича. В феврале 1962 г. был распущен «Клуб кривого колеса», тон в котором уже с 1956 г. задавала некоммунистическая интеллигенция. К этому же времени относится и окончательный расчёт Гомулки с реформаторами, которых он понемногу отодвигал от власти, заменяя своими выдвинутыми. Венцом этой линии стало исключение из Политбюро Р. Замбровского, произошедшее на XIII пленуме в июле 1963 г. Откликаясь на сигналы из Москвы, Гомулка выступил на этом пленуме с установочной речью, в которой призвал перейти в решительное наступление на ревизионизм. Именно XIII пленум считается концом польской «оттепели».

В марте 1964 г. тридцать четыре заслуженных представителя польской науки и литературы обратились к премьер-министру

Ю. Циранкевичу с протестом против засилья цензуры и ограничения количества бумаги на выпуск книг, что, по их мнению, создавало угрожающую для польской культуры ситуацию. Озвученное радио «Свободная Европа», это обращение вызвало волну преследований и кампанию травли в средствах массовой информации ПНР. В конфликт оказались вовлечены даже такие люди как член Политбюро З. Клишко (де-факто – второй человек в партии) и живой классик польской литературы М. Домбровская. Власти инициировали написание контрписьма, направленного против «вмешательства радио Свободная Европа во внутренние дела Польши».

С этого времени польские власти начали строже следить за контактами своих граждан с «враждебными центрами» за рубежом, что вылилось в аресты ряды известных литераторов некоммунистического толка (М. Ваньковича, С. Цат-Мацкевича и др.), уличённых в пересылке своих статей в редакцию парижского польскоязычного еженедельника «Культура» и другие органы эмиграции. Одновременно в 1965 г. состоялся громкий процесс над диссидентами-марксистами Я. Куронем и К. Модзелевским, распространявшими «Открытое письмо к партии», в котором на основе экономических выкладок пророчили новую революцию, направленную против господства «центральной политической бюрократии» (как они называли партийно-административный аппарат). Спустя год разгорелись страсти вокруг выступления Л. Колаковского на собрании учащихся Варшавского университета, созданном фрондирующими студентами (в том числе будущей видной фигурой оппозиционного движения А. Михником) в честь десятой годовщины «польского Октября». В своей речи философ заявил, что завоевания 1956 г. попораны, и страна скатывается обратно в пучину тоталитаризма. Эта речь окончательно развела Колаковского с партией, из рядов которой он был немедленно изгнан. Исключение Колаковского вызвало два коллективных письма в его защиту со стороны польских литераторов, закончившихся «чисткой рядов» в учреждениях науки и культуры.

1967 г. ознаменовался началом т. н. «антиссионистской кампании». Эта кампания, начало которой положила речь Первого Секретаря ЦК ПОРП 19 июня 1967 г. перед

делегатами конгресса профсоюзов, явилась выражением карьерных амбиций нового поколения партаппаратчиков, сплотившихся вокруг фигуры Министра внутренних дел М. Мочара. Их называли «партизанами» в память о том, что многие из них участвовали в подпольной борьбе против фашистов. Представители этой группировки всячески выпячивали патриотические традиции польского народа и раздували антисемитские настроения, акцентируя внимание на «еврейском засилье» в берутовский период. В силу того, что все высокопоставленные евреи оказались в лагере отодвинутых от власти реформаторов, «партизаны» направляли огонь своей критики, прежде всего, против них, подогревая застарелую неприязнь Гомулки к этим лицам (поскольку они участвовали в его шельмовании в период разоблачения в конце 1940-х – начале 1950-х гг. «правонационалистического уклона»). Арабо-израильский конфликт 1967 г. явился для «партизанов» долгожданным предлогом, чтобы под видом избавления от «скрытых сионистов» освободить для себя места на руководящих постах.

Дополнительный драматизм ситуации придали мартовские волнения студентов в 1968 г., вызванные скандальным снятием со сцены Национального театра спектакля по поэме А. Мицкевича «Дзяды». Постановку обвинили в чрезмерной религиозности и антирусских настроениях. По Варшаве ходили слухи, будто за исключением спектакля из репертуара стоял советский посол А. Б. Аристов. 29 февраля 1968 г. прошло чрезвычайное заседание варшавского отделения Союза польских литераторов, которое после острых дискуссий приняло обращение к властям с протестом против снятия спектакля. Студенты Варшавского университета провели свой митинг протеста, после жестокого разгона которого учащиеся всех вузов страны начали забастовку. Акция в защиту национальной культуры быстро преобразилась в массовое общепольское движение молодёжи с требованием подлинной, а не декларативной, демократии. Бастующие студенты с воодушевлением смотрели на пример соседней Чехословакии (которую охватили процессы общественно-политического брожения, т. н. «Пражской весны»), вывешивая лозунги вроде: «Польша ждёт

своего Дубчека» и «Нет хлеба без свободы». Характерно при этом, что среди 2725 задержанных милицией участников волнений было всего около 600 студентов и в то же время 937 рабочих, причём все схваченные не перешагнули порог тридцати лет. Таким образом, мартовские события 1968 г. были чем-то большим, чем студенческими выступлениями. По сути, это был протест молодёжи против косной системы.

Гомулка воспринял взрыв общественного недовольства как результат подрывной работы «сионистов», действующих в согласии с «враждебными центрами» за рубежом (Ватиканом, «западногерманскими реваншистами», радио «Свободная Европа», парижским журналом «Культура» и т. д.). Вследствие этого антисюнистская кампания начала приобретать явные черты «охоты на ведьм», направленной против лиц еврейского происхождения (безотносительно их лояльности существующей системе) и фрондирующей интеллигенции. В прессе муссировались имена бывших партфункционеров еврейского происхождения Р. Замбровского, Я. Бермана и С. Шашевского, которых называли «политическими банкротами» и обвиняли в стремлении на волне акций протеста вернуться во власть.

Вследствие развернувшихся гонений страну в 1967–1969 гг. покинуло (как правило, без права возврата) более 15 тысяч граждан, среди них несколько сотен учёных (в том числе Л. Колаковский), около 200 сотрудников прессы и издательств, 91 артист, 26 кинематографистов и более 300 врачей. Кроме того, была проведена большая «чистка» в руководящих партийно-государственных органах. Уже к сентябрю 1968 г. с ответственных постов только в Варшаве было снято 774 человека, в том числе 5 министров, 22 заместителя министра. Из армии было уволено около 2000 офицеров, в том числе 17 генералов. Наиболее известными жертвами «чистки» стали Председатель Государственного совета и бывший Первый Секретарь ЦК ПОРП Э. Охаб, Министр финансов Е. Альбрехт и министр иностранных дел А. Рапацкий. Кроме того, Министр обороны член Политбюро М. Спыхальский, которого негласно обвиняли в связях с сионистами, был переведён на почётную, но менее значимую должность Председателя Госсовета,

а его место занял В. Ярузельский. В целом эта волна отставок способствовала обновлению кадров в ПОРП. Проявлением этого стало то, что 82 члена руководящих органов партии не были переизбраны в их новый состав на V съезде ПОРП в ноябре 1968 г.

Между тем, Гомулка уже в мае 1968 г. почувствовал, что «антисионистская кампания» начинает выходить из-под контроля. Он призвал дать ей «задний ход», цензура предписала средствам массовой информации перестать указывать национальную принадлежность лиц, участвовавших в выступлениях или снятых со своих постов. Главный идеолог кампании, руководитель III департамента Службы безопасности Т. Валихновский, издавший две книги о связях сионизма с реваншистами из ФРГ, был отправлен в отставку, а неформальный вождь «партизан» М. Мочар, умело игравший на настроениях Первого Секретаря, вместо возделенного места в высшем партийном органе получил только пост заместителя члена Политбюро, потеряв при этом кресло Министра внутренних дел.

Мартовские волнения заставили Гомулку по-иному взглянуть на «Пражскую весну», к которой он поначалу относился в целом благожелательно (считая давно назревшей отставку сталиниста А. Новотного). Разгул свободомыслия в соседней стране, перекинувшийся на Польшу, обострил в Гомулке старый страх перед западногерманским реваншизмом. Первый Секретарь ЦК ПОРП начал опасаться, что в Чехословакии случится «мирная контрреволюция», в результате которой страна выйдет из ОВД, и тогда Польша, как в 1939 г., окажется под ударом с юга. А там уже будет «делом техники» для ФРГ отторгнуть от взбаламученной «сионистами» Польши западные земли, отошедшие к ней после войны (существование ГДР, очевидно, Гомулку не успокаивало). Поэтому польский лидер быстро пришёл к мысли о необходимости силового подавления чехословацких реформ, полагая это необходимой мерой для защиты национальных интересов своей страны. В этом духе он настойчиво воздействовал на советскую верхушку, выступая с апокалиптическими прогнозами, в том числе на совещаниях лидеров соцстран.

Наконец, 21 августа 1968 г. военная акция стала реальностью. Польский контин-

гент войск ОВД, введённых в Чехословакию, стал вторым по численности после советского. Подавление «Пражской весны» Гомулка считал такой же своей личной победой, как и расправу над оппозицией, произошедшую в ходе «антисионистской кампании». 1968 г. стал рубежом, после которого «ревизионизм», как идеологическое течение в Польше, перестал существовать. Оппозиционеры марксистского толка, потрясённые репрессиями и подавлением «Пражской весны», отказались от коммунистических убеждений и перешли на социал-демократические позиции. Значительная часть их эмигрировала из страны. Немалое число студентов оказалось за решёткой, либо было исключено из учебных заведений за участие в волнениях. Стремясь «ковать железо, пока горячо», власти лишили вузы прежней автономии и ввели поправки в уставы ряда общественных и творческих объединений (Союза польских литераторов, Союза польских харцеров и др.), облегчавшие борьбу с инакомыслящими.

Вскоре, в июне 1970 г., польская служба госбезопасности раскрыла крупную подпольную организацию «Рух», ставившую задачу подготовки антикоммунистического восстания в стране. Организация в основном объединяла людей националистических взглядов и претендовала на преемственность с Армией Крайовой времен Второй мировой войны. По делу проходило 75 человек, схваченных в разных городах. Участники «Руха» выпускали подпольный «Бюллетень» и проводили свои съезды. Опасаясь деконспирации, «руховцы» не предпринимали никаких антиправительственных акций: лишь на 100-летие со дня рождения В. И. Ленина решили сжечь его музей в Поронине. Накануне этой диверсии их и арестовали. Однако судить этих радикальных антикоммунистов довелось уже в новую эпоху.

Часть вторая

Кризис 1968 г. был кризисом, прежде всего, идеологическим. Но всего два года спустя Польше пришлось столкнуться одновременно с кризисом общественно-политическим и экономическим, который вызвал куда более глубокие потрясения в стране. Главной причиной этого кризиса стало выкачивание средств из населения на нужды индустриализации. Поскольку коллективизация в Польше не проводилась, и государство не могло про-

сто изымать зерно из деревни для продажи за границей, основными источниками дохода для строительства промышленных объектов и закупки технологий служило повышение цен и налогов в городах, а также изменение квоты продаж сельскохозяйственной продукции государству по сниженным ценам, чтобы потом эту продукцию (прежде всего, мясо) сбывать за рубежом уже по рыночной цене. Брать кредиты на Западе Гомулка упорно отказывался, полагая, что это затянет страну в долговую яму. Дабы сохранять прежние темпы промышленного роста, приходилось соблюдать в стране режим жёсткой экономии (чем, в частности, был вызван острый недостаток бумаги на издательские нужды, спровоцировавший «Письмо 34-х» в 1964 г.: бумага также шла на экспорт). Дополнительной сложностью для власти имущих стал взрывной характер роста населения в послевоенное время. По этому показателю Польша несколько лет занимала первое место в Европе. Взрослевшую молодёжь надо было трудоустроить и обеспечить жильём. С трудоустройством в условиях экстенсивной индустриализации проблем не возникало (власти даже намеренно закупали менее автоматизированные технологии, чтобы при их использовании занять как можно больше рабочих), а вот жилищный вопрос стоял очень остро. В целом картина польского быта при Гомулке напоминала время промышленного переворота в развитых странах: массы многодетных семей ютились в общежитиях или маленьких квартирах, тратя все свои заработки на одежду и еду. На прочие товары у людей редко хватало денег, что отражалось и на польской промышленности, которая в значительной мере работала вхолостую – на складах скапливалось множество нереализованной бытовой техники, мебели и т. д.

Между тем, индустриализация требовала своего, и уже в конце 1960-х гг. Польша столкнулась с проблемой нехватки средств для её продолжения на прежнем уровне. В ноябре 1968 г. на V съезде ПОРП было решено отныне выборочно развивать те или иные отрасли промышленности, а в 1970 г. ЦК принял концепцию материального стимулирования работников и предприятий, которая должна была вступить в силу в январе 1971 г. Для уравнивания положения на внутреннем рынке решено было 13 де-

кабря 1970 г. провести регулирование цен, подняв их на продовольственные товары и снизив – на промышленные. Гомулка понимал, что это вызовет резкое недовольство в обществе (тем более, что на носу были рождественские праздники), но рассчитывал на успокоительный эффект от подписания 7 декабря 1970 г. договора о границе с западногерманским канцлером В. Брандтом. В этом договоре ФРГ впервые признала нерушимость послевоенных границ, отказавшись тем самым от претензий на Силезию и Поморье. Гомулка воспринимал данный факт как личный триумф, увенчавший двадцатипятилетние усилия. Визит В. Брандта в Польшу преподносился прессой как торжество исторической справедливости и окончательное подведение итогов Второй мировой войны. Первый Секретарь ЦК ПОРП надеялся, что внешнеполитический успех искупит для многих поляков горечь массового поднятия цен на товары первой необходимости.

Но вышло иначе. 14 декабря вспыхнул бунт рабочих гданьских верфей, перекинувшийся в последующие дни на другие города Побережья: Гдыню, Щецин, Эльблонг и т. д. Происходили жестокие столкновения с милицией, протестующие жгли партийные комитеты. Особенно яростными стали выступления 17 декабря в Гдыне. Этот день вошёл в историю Польши как «чёрный четверг». В охваченные волнениями города была введена бронетехника, солдаты пускали в ход оружие. Стачные настроения были отмечены и в других промышленных центрах страны. В ряде городов были образованы забастовочные комитеты, которые выдвинули властям комплекс экономических требований. В этой ситуации вечером 18 декабря советское руководство передало польским коллегам письмо, в котором содержался намёк на необходимость отставки В. Гомулки. Значительная часть Политбюро ЦК ПОРП также склонялась к этому решению, опасаясь повторения в Польше чехословацкого (1968 г.) или даже венгерского (1956 г.) сценариев.

Собравшийся 20 декабря чрезвычайный пленум ЦК ПОРП утвердил свершившуюся днём раньше замену Первого Секретаря на популярного технократа Э. Герека, который за время руководства Катовицкой парторганизацией вывел это воеводство в лидеры по темпам экономического развития. Таким

образом, были окончательно перечёркнуты надежды М. Мочара на руководство партией. Спустя полгода он был отправлен на политическую пенсию – возглавил Высшую контрольную палату, лишившись должностей в Политбюро и ЦК. Потеряли свои места и другие лица из ближайшего окружения Гомулки (в частности, ушёл со своего поста многолетний Премьер-министр Ю. Циранкевич, уступив эту должность П. Ярошевичу). Парадоксальным образом, несмотря на потерю своих предводителей, «партизаны» в условиях наступившей кадровой «чехарды» добились заветной цели – продвинулись по карьерной лестнице, скинув прежних начальников. Сам Мочар и его соратники в этих условиях были уже никому не нужны.

Волнения в стране продолжались около двух месяцев. В январе и феврале 1971 г. массовыми забастовками были охвачены Щецин и Лодзь. Э. Герек вынужден был пойти на отмену новых цен, хотя это наносило серьёзный удар по экономическому плану. Пытаясь унять страсти, Первый Секретарь ездил по стачечным центрам и вёл переговоры с рабочими. Эти переговоры освещались в прессе как пример демократизма нового лидера. Наиболее сильный пропагандистский эффект имела его встреча с гданьскими верфевиками, которые якобы на вопрос Герек: «Поможете нам?» в едином порыве ответили: «Да!» (чего на самом деле не было).

Дальше всех в своём протесте зашли работники щецинских верфей. С подачи работавшего там социолога Л. Адамчука на верфях была создана Рабочая комиссия под руководством одного из забастовочных лидеров Э. Балуки, которая организовала выборы партийных и общественных органов, причём, следила, чтобы выборы проходили без вмешательства ПОРП, а инженеры и администрация не диктовали своей воли рабочим. В середине марта 1971 г. Рабочая комиссия самораспустилась, после чего власти понемногу вернули себе контроль над верфями, а участников протеста постепенно уволили (то же самое происходило и в других центрах забастовочного движения. В частности, в Гданьске потерял работу член местного забастовочного комитета Л. Валенса – будущий лидер «Солидарности»).

Уход В. Гомулки означал крах его концепции «польского пути к социализму». Новое

Политбюро при поддержке партийных кадров начало возрождать некоторые организационные схемы сталинского периода. Так, вновь были слиты воедино молодёжные организации, развёрнута пропаганда ударного труда с массовым принятием повышенных обязательств, проведена реформа местного управления, в ходе которой крупные воеводства разбили на множество мелких, чьи главы теперь объединяли в своих руках партийные и государственные функции (против такой практики в своё время яростно выступал Гомулка). Увенчанием этого процесса явились вынесенные на всеобщее обсуждение поправки к Конституции, три из которых вызвали многочисленные протесты со стороны неконформистской интеллигенции, Католической Церкви и простых поляков: законодательное оформление внешнеполитического союза с СССР, увязывание прав человека с выполняемыми им обязанностями и провозглашение руководящей роли ПОРП.

Кампания против вышеуказанных поправок вновь обнаружила наличие политической оппозиции в стране. Массовый сбор подписей к коллективным письмам протеста (с участием депутатов католической фракции «Знак») объединил людей самой разной политической ориентации: от бывших коммунистов до националистов. Итогом этой кампании явилось снятие с повестки дня пункта о зависимости прав человека от выполняемых им обязанностей, однако, две другие спорные поправки были утверждены Сеймом в феврале 1976 г. (воздержался лишь один депутат – глава фракции «Знак» С. Стомма). После этого католическая фракция фактически прекратила своё существование (под её именем теперь действовали депутаты, представлявшие меньшинство светского католического движения и не располагавшие поддержкой епископата).

На внешнеполитической арене Герек проводил куда более либеральный курс. Он начал совершать многочисленные зарубежные визиты, в том числе в капиталистические страны, активно приглашал к себе иностранных лидеров. Новый глава партии отошёл от конфронтации с эмигрантами, провозгласив единство всех поляков на патриотической основе. Символом этого единства стала реставрация разрушенного в ходе войны Королевского замка в Варшаве, проведённая,

в том числе, на деньги эмиграции. Герек решительно порвал с гомулковским аскетизмом и открыл Польшу для западных кредиторов, средства которых теперь направлялись не только на лихорадочно продолжавшуюся индустриализацию, но и на насыщение потребительского рынка. Первая половина семидесятых годов – время неслыханного прежде благоденствия поляков, которые тратили свои средства на закупку телевизоров, стиральных машин, автомобилей и т. д. Это было отражением сменившейся хозяйственной парадигмы властей: вместо затягивания поясов – повышение зарплат в расчёте на то, что круговорот денег принесёт прибыль и подстегнёт рост промышленности.

Однако правящая элита не соотнесла возможностей страны с получаемыми кредитами. Время выплаты по процентам наступило раньше, чем индустрия достигла необходимого уровня, чтобы окупить себя. В силу этого уже в 1976 г. власти вернулись к методу, который стоил поста Гомулке – повышению цен. Однако с учётом печального опыта шестилетней давности на этот раз регулирование решено было провести более осторожно: не зимой, в преддверии праздников, а летом, в июне, когда многие рабочие находились в отпусках. Кроме того, перед самым поднятием цен было проведено нечто вроде консультаций с общественностью (митинги, созванные с целью получить от трудовых коллективов одобрение текущей политики). Тем не менее, это не уберегло страну от новых забастовок и манифестаций протеста, окончившихся кое-где сожжением зданий парткомов. Особенно драматические события развернулись 25–26 июня в городах Радом, Плоцк и на тракторном заводе «Урсус» под Варшавой.

Ответ власти был двояким. С одной стороны, выступления рабочих были подавлены, многие участники протеста попали под арест, а в стране развернулась пропагандистская кампания с осуждением «хулиганов и смутьянов». С другой же, правительство П. Ярошевича немедленно вернуло цены на прежний уровень. При этом уже 1 июля 1976 г. были введены первые продуктовые карточки – на сахар.

Репрессии против рабочих вызвали к жизни в сентябре 1976 г. первую открытую оппозиционную организацию – Комитет за-

щиты рабочих (KOR). В него вошли представители творческой и научной интеллигенции, известные своими нонконформистскими взглядами (писатель Е. Анджеевский, экономист Э. Липиньский, педагог Я. Куронь, актриса Г. Миколайская, литературовед Я. Ю. Липский, ксёндз Я. Зея, социолог В. Зембиньский, бывший член руководства Польской социалистической партии А. Пайдак и др.). Немало известных людей наладили сотрудничество с Комитетом, не входя в него формально (например, А. Михник и Л. Колаковский). Целью организации была объявлена юридическая и финансовая помощь репрессированным, а правовой основой деятельности – Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный главами 33 государств (совещание состоялось 30 июля – 1 августа 1975 г. в Хельсинках). Этот акт провозглашал нерушимость послевоенных границ и гарантировал защиту прав человека в странах-участницах Совещания. Польское руководство, в отличие от советского, не могло отнестись к защите прав человека как к пустой декларации, поскольку зависело от западных кредитов. Оно вынуждено было смириться с появлением оппозиционной организации (чьи участники отправили в Сейм «Обращение», в котором представили свои адреса и телефоны), но использовало против её участников широкий арсенал средств подавления: увольнение с работы, аресты на 48 часов, обыски, избиения «неизвестными», отказ в выдаче загранпаспорта, шельмование в прессе и т. д. В свою очередь Комитет наладил связи за рубежом, благодаря чему обрёл достаточно стабильные источники дохода. Деньги поступали от Профинтерна и Социнтерна, от Международной Амнистии, от польской эмиграции и западных интеллектуалов (Э. Ионеску, Г. Бёлля, Ж.-П. Сартра, Г. Грасса и др.).

В июле 1977 г. все рабочие, схваченные за участие в манифестациях протеста, были амнистированы, и Комитет защиты рабочих самораспустился, преобразовавшись в Комитет общественной самозащиты (KSS – KOR), поставивший целью борьбу за права человека как таковую. Новая структура развернула свою деятельность сразу в нескольких направлениях. Во-первых, было создано Бюро интервенции, продолжившее

работу в тех же областях, что и Комитет защиты рабочих – юридическая и финансовая помощь репрессированным. Во-вторых, члены KSS-KOR начали организовывать так называемые «летучие университеты», т. е. встречи с учёными, на которых те читали лекции на различные темы: запрещённые, либо недостаточно освещаемые в ПНР (состояние экономики, сложные вопросы истории и др.). В-третьих, оппозиционные активисты налаживали связи с рабочими, втайне создавая «свободные профсоюзы» (т. е. независимые от ПОРП). Один из наиболее крепких профсоюзов возник в Гданьске при участии Л. Валенсы. В-четвёртых, было создано нецензурируемое издательство NOWA, которое до 1989 г. издало около 300 книг – в основном художественной и научно-популярной, в первую очередь исторической литературы, из числа запрещённой в Польше. Оно издавало также оппозиционную публицистику крупного формата и подпольные журналы тиражами в несколько тысяч экземпляров, такие как: общественно-политический ежеквартальник «Крытыка», двухнедельный орган свободных профсоюзов «Роботник», общественно-политический журнал «Глос», литературный журнал «Запис» и другие.

В марте 1977 г. возникла ещё одна оппозиционная организация – Движение в защиту прав человека и гражданина (ROPCiO). В отличие от Комитета защиты рабочих, вобравшего в себя главным образом социал-демократов и посткоммунистов, новая структура представляла правый, националистический фланг антиправительственной деятельности. У её истоков стояли журналист Л. Мочульский (основной геополитический мыслитель польской оппозиции вообще), юрист А. Чума (один из разработчиков программы разгромленного в 1970 г. «Руха»), адвокат К. Глоговский (в 1956 г. возглавлявший некоммунистический Союз молодых демократов), довоенный генерал М. Борута-Спехович и др. Участники Движения также выпускали свою прессу, где ожесточённо полемизировали с КОРовцами, и пытались создать в Катовицах свободный профсоюз, хотя и неудачно (он был раздвоен Службой безопасности).

Вскоре начали появляться и другие подпольные издательства («Издательство им. Конституции 3 мая», «Краковское студен-

ческое издательство», «Клин», библиотека «Глоса», библиотека «Споткань»). О размахе деятельности подпольных типографий свидетельствуют такие цифры: только в 1976–1979 гг. госбезопасность изъяла 440 000 листовок, журналов и книг, 106 пишущих машинок, 113 кг печатной краски.

Во второй половине 1970-гг. экономические трудности нарастали, как снежный ком. Появлялось всё больше долгостроев, а те объекты, что начинали работать, потребляли так много электричества, что его всё чаще не хватало для населения. Реальностью стали пустые прилавки магазинов и отключение света в квартирах. В 1979 г. уже 3/4 экспорта шло на выплату внешнего долга, а национальный продукт впервые в послевоенной истории упал по сравнению с предшествующим годом. Вдобавок зимой 1978–1979 гг. разразились неслыханные морозы, вызвавшие кое-где транспортный коллапс. Руководство страны понимало, что это чревато новым взрывом недовольства, и потому непрерывно поднимало зарплаты работникам физического труда (по этому показателю рабочие впервые в истории ПНР обогнали инженеров). Одновременно, дабы уравновесить влияние лоббистских групп на местах, при воеводских советах создавались особые органы для активизации деятельности рабочего самоуправления. В прессе была развёрнута «пропаганда успеха», игнорировавшая сложности в национальном хозяйстве. По всей стране распространялись лозунги: «Поляк сможет», «Даёшь вторую Польшу!» (т. е. удвоение ВВП) и т. д. Летом 1978 г. в космосе побывал первый поляк – М. Гермашевский, что также было использовано в пропагандистских целях.

К великой досаде правящей верхушки в октябре 1978 г. случилось событие, показавшее всю глубину мировоззренческой пропасти между властью и широкими слоями населения: краковский архиепископ К. Войтыла был избран Папой Римским и принял имя Иоанна Павла II. Это вызвало неподдельное ликование в Польше, к чему правящая элита оказалась не готова: отношения с Костёлом традиционно складывались не просто, а теперь, когда страна погружалась в пучину нового, еще более глубокого экономического кризиса, Римский Папа-поляк самим лишь фактом своего существования

грозил разрушить всю пропагандистскую конструкцию ПОРП.

Положение Римско-Католической Церкви в ПНР отличалось значительной независимостью. Правящая элита неизменно рассматривала Костёл как естественного союзника «реакционных классов» и орудие Ватикана, всегда неприязненно настроенного к социалистическому лагерю. В процессе сосуществования обе стороны вынуждены были формально пойти на уступки (власть признала право католиков участвовать в общественно-политической жизни страны, а Церковь отказалась от взгляда на социализм как на изначально враждебный религии строй). И всё же взаимоотношения государства и Костёла оставались глубоко недоверчивыми. После краткого периода оттепели в 1956–1957 гг., когда правящая коммунистическая элита в условиях кризиса освободила главу епископата кардинала С. Вышинского, а епископат, в свою очередь, по просьбе властей призвал граждан страны активно участвовать в парламентских выборах, прошедших в январе 1957 г., уже в 1958 г. наступило новое размежевание. Власти облагали налогами пожертвования в пользу Церкви, закрывали католические учебные заведения и монастыри, выносили из классов настенные кресты, сокращали количество школьных уроков Закона Божьего (восстановленных в декабре 1956 г.) и требовали регистрировать пункты катехизации, куда священники переносили свои занятия.

Ситуация усугубилась в 1965–1966 гг., когда Католическая Церковь отмечала 1000-летие крещения Польши. Правящая элита решила провести альтернативные мероприятия, но уже в честь тысячелетия образования польского государства. На протяжении года по всей стране проходили конкурирующие торжества, причём местные и центральные власти делали всё, чтобы не допустить массового наплыва людей на мероприятия, организуемые Церковью. Была также развязана пропагандистская кампания в прессе с целью показать «антинациональную» сущность Католической Церкви. Импульсом к ней послужило письмо польского епископата немецкому в ноябре 1965 г., в котором содержалась фраза: «Мы прощаем вас и сами просим прощения». Письмо это, написанное на волне проходившего

тогда II Ватиканского собора и призывавшее к примирению двух соседних народов, вызвало отторжение у В. Гомулки уже самим фактом обращения поляков к гражданам другого государства через голову официальных структур. И уж конечно, не мог он пройти мимо вышеприведённой фразы, обращённой к немцам. На головы иерархов посыпались громы и молнии, как со стороны прессы, так и официальных лиц, не устававших напоминать людям о бедствиях, причинённых гитлеровцами.

Вынужденный поступиться многим в борьбе, глава епископата примас Вышинский всё же сумел сохранить внутреннюю независимость иерархии от партии, т. е. не допустить государственных чиновников в обсуждение собственно церковных дел (хотя и должен был принять светскую «инвестицию» над духовенством, т. е. право власти утверждать или отклонять кандидатуры тех или иных лиц на занятие церковных кафедр). Коммунисты, однако, так и не смогли отвадить от Костёла молодёжь, которая в большинстве не только изучала Закон Божий, но ещё и участвовала в организуемых священниками летних походах и детских лагерях отдыха.

После ухода в отставку В. Гомулки власти устами премьера П. Ярошевича сделали примирительный жест в сторону Церкви, заявив о готовности нормализовать с ней отношения, однако переговоры Вышинского с Ярошевичем, равно как и обмен письмами между епископатом и правительством, выявили полное несовпадение точек зрения: правящая элита настаивала на подчинении Костёла властям и публичной поддержке социалистического строя, в то время как иерархи не допускали и мысли об этом, вдобавок требуя отменить запреты на строительство новых храмов и признать за Костёлом юридическое лицо. Единственное, в чём сошлись интересы власть имущих и епископов – это необходимость установления постоянной церковной администрации на бывших немецких землях (чего до сих пор не позволял сделать Ватикан, боясь ухудшить отношения с германским духовенством). Поскольку ФРГ в декабре 1970 г. отказалась от территориальных претензий к Польше, Римский Папа Павел VI теперь со спокойной душой позволил утвердить на «возвращённых

землях» новые епархии, и это было всё, чего добились власти в Варшаве. Видя несговорчивость польского епископата, правящая элита пробовала воздействовать на него через Ватикан, где в 1970-е гг. довлела умеренная позиция в отношении социалистических стран, но и там не нашла понимания.

И вот в 1978 г. главой Римско-Католической Церкви стал представитель того самого «твёрдолобого» епископата, с которым на протяжении стольких лет велась беспощадная борьба. Партийной верхушке ПНР было от чего растеряться, особенно ввиду безудержной радости, охватившей широкие слои польского народа. Получалось, что ненавистный католицизм взял верх в умах людей над марксизмом.

Новый Папа Римский тут же выразил желание посетить родину с паломнической миссией, чему власти воспротивились, опасаясь каких-либо эксцессов. Ситуацию осложняло то, что в 1979 г. отмечалось 700-летие со дня смерти святого Станислава Щепаньского, казнённого когда-то королём Болеславом Храбрым. Святой Станислав давно превратился в символ сопротивления Церкви государству, и в условиях ПНР это было особенно опасно. Вынужденные всё же дать согласие на приезд Иоанна Павла II в 1979 г., власти, однако, сумели передвинуть время его визита с мая (когда праздновался день святого Станислава) на июнь, но это не имело большого значения, так как епископат объявил весь 1979 г. годом святого.

Недельная поездка Папы в Польшу хотя и не вызвала всплеска антипартийных настроений, однако выявила тот неутешительный для властей факт, что Церковь пользуется куда большим уважением масс, чем ПОРП. Официальная польская пресса и телевидение всячески избегали показывать охваченные эйфорией толпы встречающих Понтифика, но при этом достаточно тепло отзывались о самом визитёре, который прежде был известен сложными взаимоотношениями с властями. Э. Герек вынужден был нарушить своё обыкновение не общаться с людьми Костёла и принял в Бельведере знаменитого соотечественника. Впрочем, это не изменило общего подхода власти к Католической Церкви: уже после отлёта Иоанна Павла II в Рим Первый Секретарь отверг просьбы кардинала Вышинского дать согла-

сие на создание молодёжной организации католиков, подписать конкордат с Ватиканом и допустить Костёл к официальным СМИ.

Партийный лидер чувствовал себя уверенно и был полон решимости преодолеть экономический кризис. На собравшемся в феврале 1980 г. очередном, восьмом, съезде ПОРП вся вина за экономические сбои была возложена на Премьер-министра П. Ярошевича, который был заменён малоизвестным стране Э. Бабюхом, самого же Герек депутаты славил как «вождя» партии и «отца» народа. Первый Секретарь выступил с отчётным докладом, выдержанным в духе «пропаганды успеха». Казалось, его позиции в партии крепки, но очередной социальный взрыв, случившийся летом, выявил всю иллюзорность этого впечатления.

1 июля 1980 г. была проведена очередная попытка повышения цен: ряд мясных товаров был переведён в число продаваемых по коммерческим ценам. Немедленно вспыхнули забастовки по всей стране. В отличие от предыдущих взрывов общественного негодования, теперь рабочие не выходили на манифестации, а оставались на территориях своих предприятий. Этому способствовали воззвания KOR, лейтмотивом которых звучало: «Не поджигайте комитеты – создавайте собственные!» (автором этих слов был Я. Куронь).

Особенно массовыми оказались стачки в Люблине, где железнодорожники впервые выступили с требованием создать независимый от партии профсоюз. Там же была предпринята попытка организовать межзаводской стачечный комитет.

На места выехали представители властей, которые экономическими уступками добились прекращения забастовок. К концу июля акции протеста утихли. Это настолько успокоило Э. Герек, что он немедленно уехал на отдых в Крым, а местные власти приступили к увольнению забастовочных лидеров.

Однако на этот раз репрессии не возымели действия. Напротив, именно увольнение с работы в гданьской верфи им. Ленина оппозиционной активистки А. Валентынович заставило рабочих объявить новую забастовку с требованием восстановить в должности как саму Валентынович, так и уволенного ранее Л. Валенсу. На территорию верфи

проникли представители других гданьских предприятий, а также члены KSS-KOR. При их участии в ночь с 16 на 17 августа был сформирован Межзаводской забастовочный комитет, выступивший, среди прочего, с требованием признать независимые от власти профсоюзы. Возглавил комитет Л. Валенса. Аналогичные комитеты начали возникать и в других городах.

Власти ответили на это арестами наиболее известных деятелей неформальной оппозиции. Кроме того, были проведены кадровые изменения в правящей элите, в частности, второй раз за год сменился премьер. Однако всё это не оказало никакого впечатления на протестующих. Наоборот, стачечная волна ширилась, захватывая всё новые районы. Наконец, 30 и 31 августа 1980 г. в Щецине и Гданьске представители властей вынуждены были подписать соглашения, признававшие независимые профсоюзы. 17 сентября в Гданьске делегаты из 30 городов образовали общепольский независимый самоуправляемый профсоюз «Солидарность» во главе с Л. Валенсой. Советниками при Валенсе стали деятели KSS-KOR и ROPCiO. После бурных дискуссий решено было придать «Солидарности» территориальную структуру, отвергнув деление по ветвям промышленности.

Таким образом, в стране фактически возникла вторая массовая партия. Это вывело ситуацию на новый уровень. Как всякая самостоятельная политическая сила, «Солидарность» неизбежно подрывала руководящую роль ПОРП. Однако закреплённый в Конституции общественно-политический строй лишал оппозицию возможности бороться за власть. Насильственные же действия могли спровоцировать советскую интервенцию, угроза которой (как многим казалось) дамочным мечом висела над Польшей.

Власть со своей стороны тоже не могла политическими мерами подавить самоуправляемый профсоюз, который к весне 1981 г. насчитывал уже 9 миллионов членов (в три раза больше, чем ПОРП). Возник тупик. Больше года противники «перетягивали канат», отвоёвывая друг у друга те или иные участки общественно-политического поля, но не рискуя переходить к решительным мерам. Так, в октябре 1980 г. прошли

трудные переговоры по поводу условий регистрации «Солидарности», в ходе которых оппозиция даже угрожала призвать население ко всеобщей забастовке. В ноябре произошёл эксцесс с обыском в штаб-квартире мазовецкого руководства «Солидарности» и арестом лидера регионального отделения профсоюза, причём вышла на явь инструкция Генерального Прокурора, в которой он предписывал своим подчинённым всячески подавлять деятельность независимого профсоюза на местах. В январе и феврале 1981 г. происходили выступления студентов в Лодзи и крестьян в Жешовской земле с требованием признать независимость их организаций от партии. В марте в здании Быдгоцкого совета были избиты милицией активисты тамошней «Солидарности», что вызвало острейший кризис в отношениях между профсоюзом и властью.

Одновременно ширился фронт неподцензурной прессы. Основной орган «Солидарности» – «Тыгодник Солидарность» во главе с деятелем движения «Знак» Т. Мазовецким – быстро достиг тиража в 500 тысяч экземпляров. Телевидение, однако, оставалось целиком под контролем правящей элиты.

Партию в эти дни лихорадило. 6 сентября 1980 г. был отправлен в отставку Э. Герек. Вместо него пост Первого Секретаря занял С. Каня, имевший репутацию твёрдого человека. Однако он не смог предотвратить массовый исход из рядов партии её членов (к июлю 1981 г. ПОРП покинули 350 тысяч человек) и фактический раскол руководства на фракции. Прежнюю верхушку открыто обвиняли в злоупотреблениях и nepотизме, повсеместно на всех уровнях с руководителями требовали ответа за прошлое. Герек, Ярошевич, Бабюх и ряд других высокопоставленных функционеров были исключены из ПОРП, а шеф Телерадиокомитета вместе с некоторыми своими сотрудниками в октябре 1980 г. и вовсе попал под арест за взяточничество. В феврале 1981 г. главой правительства был назначен В. Ярузельский, сохранивший за собой пост Министра обороны. Выборы на чрезвычайный, девятый, съезд ПОРП вызвали настоящую кадровую карусель: к концу августа 1981 г. свои посты потеряли 246 секретарей воеводских комитетов партии и председателей воеводских комиссий партийного контроля,

а также 2720 секретарей первичных и заводских комитетов ПОРП. Ситуацию усугублял тот факт, что немалая часть партийцев состояла в «Солидарности» (среди рабочих крупных предприятий таковых набиралось до 70 %), а значит, правящая элита не могла быть уверена в поддержке даже тех, кто пока ещё не разорвал партбилет.

В этих условиях Политбюро вынуждено было смирить гордость и обратиться за помощью к Костёлу, который всегда занимал осторожную позицию и предостерегал рабочих от провокаций. При посредничестве кардинала С. Вышинского (а после его смерти в мае 1981 г. – нового примаса Ю. Глемпа) прошло несколько встреч партийных руководителей с Л. Валенсой и его помощниками. Особых сдвигов это не принесло. При этом уже 27 марта 1981 г., в разгар быдгощского кризиса, С. Каня и В. Ярузельский подписали оперативный план по введению на территории Польши военного положения.

Из Москвы тем временем поступали угрожающие сигналы. В начале декабря 1980 г. польских руководителей вызвали на совещание государств-участников ОВД, что было воспринято как начало подготовки к интервенции. К польским границам были подтянуты войска СССР, ГДР и Чехословакии. В марте 1981 г. на территории ПНР были проведены совместные учения польских и советских войск. В ночь с 4 на 5 апреля в Бресте Каня и Ярузельский тайно встретились с советскими представителями – Ю. В. Андроповым и Д.Ф. Устиновым, обсудив вопрос военного подавления «Солидарности» (при этом оба польских лидера высказались категорически против ввода советских войск).

С 5 по 10 сентября и с 26 сентября по 7 октября, в два тура, в Гданьске прошёл съезд «Солидарности». Валенса, а вместе с ним – и советники из KSS-KOR подверглись жёсткой критике за свою уступчивость и нерешительность. Но всё же в острой борьбе Валенса был избран председателем профсоюза.

В ходе работы съезда обнаружились расхождения не только по вопросу тактики действий, но и относительно программы-максимум. Дало о себе знать то, что «Солидарность» как единственная влиятельная оппозиционная сила объединила в своих рядах людей зачастую противоположных

мировоззрений, которые очень по-разному смотрели на будущее Польши. В итоге была принята программа «Самоуправляемая Польша», разработанная группой советников во главе с Б. Геремеком и фактически стремившаяся к упразднению властной монополии ПОРП.

К этому времени общественная поддержка «Солидарности» упала с 62 % до 41 %, а поддержка ЦК ПОРП, наоборот, двукратно выросла – с 6 % до 12 %. Это свидетельствовало об усталости людей от ситуации политического пата и перманентного экономического кризиса. Население ждало стабильности. Положение начало благоприятствовать властям.

В октябре 1981 г. Каню на посту лидера партии сменил В. Ярузельский. Подготовка к установлению военного положения шла полным ходом. Последней попыткой договориться явилась встреча «большой тройки» Ярузельский – Валенса – Глемп, состоявшаяся 4 ноября. В стране не спадала забастовочная волна. Особенно активно выступали студенты.

В этих условиях в ночь с 12 на 13 декабря 1981 г. В. Ярузельский ввёл военное положение, задним числом утверждённое Государственным советом. Более 5000 активистов «Солидарности» были интернированы в лагерях, функции правительства взял на себя самопровозглашённый Военный совет национального спасения во главе с Первым Секретарём ЦК ПОРП. Все попытки стачек протеста были беспощадно пресечены. Особенно кровавой получилась акция по усмирению бастующих горняков на шахте «Вуек» под Катовицами, где погибло 9 человек и множество получило ранения. Примас Глемп выступил с обращением, в котором призвал народ сохранять спокойствие.

Военное положение в стране действовало до 31 декабря 1982 г. (хотя формально было упразднено лишь 22 июля 1983 г.). Деятели «Солидарности», избежавшие ареста, пытались создать новые органы управления запрещённым профсоюзом (официально он лишился регистрации постановлением Сейма 8 октября 1982 г.), но в условиях отсутствия налаженной связи, а также споров относительно тактики дальнейших действий (за или против всеобщей забастовки) это было крайне трудно. Наиболее влиятель-

ным органом управления профсоюзом стала Временная координационная комиссия, возникшая 22 апреля 1982 г. как результат соглашения региональных лидеров. Однако она контролировала не более трети всех оппозиционных групп.

Продолжался выпуск подпольной прессы (самым популярным стал еженедельник мазовецкого отделения «Солидарности» «Тыгодник Мазовше»), в Варшаве некоторое время даже функционировало нелегальное радио «Солидарность». На протяжении всего 1982 г. не утихали забастовки и манифестации протеста, как правило, приуроченные к памятным датам польской истории. Однако теперь милиция действовала куда более жёстко, чем раньше: временами доходило и до стрельбы. Самым трагическим в этом плане выдался день 31 августа 1982 г., когда в ходе разгона акций протеста по всей Польше было убито 5 человек и сотни ранены. Протестующих массово увольняли с работы.

Столь непреклонная позиция властей заставила остававшихся на свободе деятелей «Солидарности» осенью 1982 г. сменить тактику: вместо курса на конфликт теперь была принята линия на выживание подполья в ожидании лучших времён. Общество явно устало от борьбы: свидетельством тому были как падение числа протестующих, так и опрос, проведённый в 1984 г., согласно которому целых 56 % респондентов положительно оценили введение военного положения.

Единственным легальным местом протеста теперь оставался Костёл. Примас Глемп сразу после введения военного положения организовал Комитет помощи интернированным. Ксендзы повсеместно сотрудничали с подпольем. Широко известно стало имя капеллана варшавской «Солидарности» Е. Попелушко, проводившего 13 числа каждого месяца мессы за родину (в октябре 1984 г., после массовой атаки в прессе, он был убит сотрудниками госбезопасности). Особенно сильно прозвучал голос духовенства во время второго визита Папы Римского в Польшу летом 1983 г. Иоанн Павел II не только призвал власти к диалогу с оппозицией, но и встретился с освобождённым к тому времени Валенсой.

После упадка движения протеста обе стороны конфликта начали склоняться к

компромиссу, причём некоторые деятели оппозиции готовы были даже отказаться от лозунга восстановления «Солидарности» ради уступок власти. Правящий режим тоже не был заинтересован в продолжении репрессий: на страну были наложены санкции со стороны Запада, где на поляков смотрели как на наиболее многообещающий с точки зрения перспектив демократии народ советского блока.

На рубеже 1970–1980-х гг. поляки вообще часто попадали в центр мировых новостей: сначала выходец из этой страны сенсационно занял престол римского первосвященника, затем, спустя два года, в Польше возникло такое уникальное для советского лагеря явление как «Солидарность», а польский поэт Ч. Милош неожиданно для многих получил Нобелевскую премию по литературе. В 1981 г. фильм А. Вайды «Человек из железа» завоевал главный приз в Каннах, а в 1983 г. Л. Валенса стал лауреатом Нобелевской премии мира. На этом фоне правящий в ПНР режим, у которого со всеми перечисленными лицами были весьма натянутые отношения, выглядел очень непривлекательно.

В 1983–1984 гг. власти провели две амнистии, выпустив на свободу почти всех политзаключённых (впрочем, не отказавшись от проведения политических процессов). Костёл получил некоторые привилегии. В январе 1986 г. были осуждены убийцы Е. Попелушко. Экономическое положение несколько стабилизировалось благодаря проведённой в январе 1982 г. регуляции цен (на чём сломали зубы Гомулка и Герек), установлению всеохватной карточной системы и крупным капиталовложениям в индивидуальное сельское хозяйство (последнее явно шло вразрез с принципами социалистического строительства, но другого выхода у правящей элиты не было).

Приход к власти в Москве М.С. Горбачёва и начало Перестройки позволили смягчить режим в Польше. Если раньше польское руководство находилось под давлением советских консерваторов, недовольных даже минимальными уступками общественному мнению в ПНР, то теперь В. Ярузельский выпустил из тюрем всех оппозиционеров и свернул практику их уголовного преследования. В ноябре 1985 г. он уступил пост премьеру члену Политбюро З. Месснеру (чело-

веку охранительного склада), который начал проводить ограниченную либерализацию экономики для обуздания инфляции. Меры эти, хоть и давно назревшие, не могли повысить популярность правительства, так как вызвали дальнейшее обнищание населения из-за частичного отпуска цен. Положительным моментом оказалась отмена западных санкций в феврале 1987 г. (к чему призвали вышедшие на свободу оппозиционеры).

«Солидарность» понемногу начала выходить из подполья. В октябре 1987 г. при Валенсе образовалась Общепольская исполнительная комиссия, которая взяла на себя функции руководства нелегальным пока ещё профсоюзом (спустя год комиссия преобразовалась в Гражданский комитет при Лехе Валенсе). Однако значительная часть оппозиции по разным причинам не подчинилась комиссии: кто-то упрекал её в соглашательстве с властью, кто-то – в узурпации управленческих полномочий. Весьма активно проявил себя правый фланг, состоявший из непримиримой молодёжи и лидеров националистической Конфедерации независимой Польши (возникшей ещё в 1979 г. на обломках распавшегося ROPCiO). Власть пока тоже не рассматривала окружение Валенсы как сторону в переговорах.

Между тем, реформы кабинета Месснера не принесли быстрых результатов. Потребовалась ещё одна подвигка цен, что вызвало в мае 1988 г. массовые забастовки. И хоть с ними успешно справились, в окружении Ярузельского всё чаще слышалось о необходимости глубоких реформ и частичного допуска оппозиции к власти. В августе 1988 г. страну накрыла новая, ещё более мощная, стачечная волна.

В этих условиях со стороны лиц, близких к Валенсе, было выдвинуто предложение организовать заседания «Круглого стола», чтобы представители власти и оппозиции перешли от конфронтации к диалогу. 31 августа 1988 г. прошла встреча Валенсы с ближайшим сотрудником Ярузельского – Министром внутренних дел Ч. Кищакком. Валенса обязался призвать к прекращению забастовок в обмен на переговоры за «Круглым столом».

Лидер подпольного профсоюза выполнил своё обещание, но его встреча с Кищакком явилась импульсом для активистов «Солидарности» на предприятиях переходить к

открытой деятельности. Это вызвало гнев у властей, которые твёрдо стояли на позиции, что каждый завод должен иметь лишь одну (т. е. проправительственную) профсоюзную организацию. Одновременно правящая верхушка запретила ряду ближайших советников Валенсы (Я. Куроню, А. Михнику и др.) участвовать в грядущих переговорах и развернула психологическую атаку на оппозицию, инсценируя прорезимные собрания и выступления. Не довольствуясь этим, в сентябре 1988 г. Ярузельский поставил нового премьера – М. Раковского (бывшего долгое время главным редактором весьма солидного журнала «Политика»), который развернул глубокие рыночные реформы и предложил (впрочем, неудачно) ряд министерских постов оппозиционерам.

Диалог с оппозицией повис на волоске, и даже призыв епископата к властям продолжить переговоры не возымел действия. В этих условиях руководитель официальной профсоюзной организации А. Мёдович внезапно предложил Валенсе публичный диспут на телевидении. Этот диспут, состоявшийся 30 ноября 1988 г., закончился полным триумфом Валенсы (согласно опросу, 64 % респондентов отдало победу ему и лишь 1 % – Мёдовичу. За легализацию «Солидарности» высказалось 73 % опрошенных, против – 3 %). Власти невольно должны были согласиться на переговоры, для чего провели «чистку» ЦК – из его состава исключили всех консерваторов. На X пленуме, прошедшем в два этапа (20–21 декабря 1988 г. и 16–17 января 1989 г.) был утверждён пакет политических реформ, допускавший наличие независимых профсоюзов.

Переговоры за «Круглым Столом» (6 февраля – 5 апреля 1989 г.) фактически открыли дорогу к мирному демонтажу всей системы власти в ПНР и переходу к демократии. Однако в тот момент ни оппозиция, ни власть не мыслили ни о чём подобном. Ближайший советник Валенсы, историк и будущий Министр иностранных дел Б. Геремек в начале 1989 г. перечислил требования оппозиции к власти: реформа судопроизводства и права (прежде всего – реальная независимость судов), свобода собраний и местных выборов; демократизация СМИ. Экономическая программа оппозиции была весьма умеренна и совсем не походила на

план «шоковой терапии», внедрённый позднее. В целом преобладающая часть руководства «Солидарности» удовлетворялась реформированным социализмом с частной собственностью и более широкой областью гражданских свобод, гарантированных легализацией профсоюза. «Демократия» связывалась главным образом с местным самоуправлением.

Переговоры за «Круглым Столом» собрали 57 участников (примерно поровну со стороны властей и оппозиции плюс три представителя епископата, игравших роль посредников). Они проходили в центре Варшавы, в бывшем дворце наместника Царства Польского (ныне там располагается резиденция Президента страны). В ходе драматичных дискуссий был выработан следующий компромисс: восстанавливался Сенат как Высшая палата польского парламента (его члены избирались в ходе свободных выборов); на 4 июня 1989 г. назначались частично свободные выборы в Нижнюю палату парламента – Сейм (65 % мест изначально гарантировалось ПОРП и его союзникам, за остальные места оппозиция могла бороться с властью); восстанавливался пост Президента страны, избираемого обеими палатами парламента сроком на 6 лет; разрешалось регистрировать независимые от партии организации (прежде всего – саму «Солидарность»); оппозиция получала легальный доступ к СМИ (специально к выборам была создана «Газета выборча» во главе с А. Михником, существующая по сей день); расширялись компетенции Конституционного трибунала и Уполномоченного по правам человека.

Но даже после таких подвижек население пребывало в скептицизме. Согласно апрельскому опросу 1989 г., 65,3 % респондентов не верили, что «Круглый Стол» будет способствовать реальному влиянию масс на власти, а 44 % совсем не считали, будто он явился преддверием слома системы.

Выборы 4 июня 1989 г. всё перевернули. По результатам первого тура оппозиция сразу получила 160 из 161 места в Сейме, на которое могла претендовать, и 92 из 100 мест в Сенате. Во втором туре, прошедшем 18 июня, оппозиция получила ещё 7 сенаторских мест и последнее из разыгранных в свободных выборах место в Сейме. Таким образом, выборы показали полную утрату

партией поддержки со стороны общественно активной части народа (в первом туре на участки явилось около 62 % избирателей, во втором – около 25 %). Вне парламента – впервые – оказался целый ряд представителей правящей элиты. Теперь уже речь шла не о сохранении прежней системы, а о путях её замены. Здесь своё веское слово сказал Запад. Тамошние политики призывали оппозицию к умеренности, боясь, как бы поспешный выход Польши из советского блока не привёл к падению М. С. Горбачёва в СССР и к свёртыванию Перестройки. К примеру, президент США Д. Буш-старший во время визита в Польшу поддержал кандидатуру В. Ярузельского на президентский пост.

Зато некоторые влиятельные западные экономисты, напротив, полагали, что пришло время обрушить всю систему. Именно в этом смысле высказались Д. Сорос и Д. Сакс, прибыв в Польшу 18 июня 1989 г. Они гарантировали щедрые финансовые вливания в польскую экономику, если оппозиция возьмёт власть. Л. Валенса упоминал об этих предложениях (не называя, однако, конкретных авторов) в интервью от 24 июня 1989 г. Говорил он и о предостережениях западных политиков, явно склоняясь в их пользу. «Мы – не остров, не можем делать всё, что нам вздумается». Это интервью вызвало громкую статью А. Михника «Ваш президент, наш премьер», в которой он спорил с Валенсой.

Действительность сложилась так, как представляли её радикалы. Президентом, правда, выбрали всё же Ярузельского (большинством всего в один голос), но выдвинутый им на пост премьера Ч. Кищак не нашёл поддержки в Сейме, и тогда бывшие «младшие» партии (Демократическая и Объединённая крестьянская) создали коалицию с депутатами от «Солидарности». Премьером стал советник Валенсы Т. Мазовецкий, чьё правительство приняло к руководству план «шоковой терапии» (т. н. «план Бальцеровича»), очень близкий к тем предложениям, которые внёс Д. Сорос во время очередного визита в Польшу в сентябре 1989 г. По сути это был конец социалистического строя. На смену огосударствленной экономике пришла рыночная, на смену безраздельному владычеству одной партии приходило соперничество многих партий.

В этих условиях Валенса и ряд его сторонников из Гражданского комитета выступили за пересмотр договорённостей, достигнутых на переговорах, поскольку выборы, как они считали, перечеркнули всё, что там было подписано. Другая же часть (прежде всего, премьер Мазовецкий) отстаивали неизблемость достигнутого за «Круглым Столом» компромисса.

Валенса настоял на сокращении срока полномочий Ярузельского и досрочных президентских выборах, причём на этот раз выборы должны были стать всеобщими. Победу на них предсказуемо одержал лидер «Солидарности», однако ему пришлось выдержать жёсткую борьбу с никому ранее неизвестным

миллионером С. Тыминьским, приехавшим из Канады и подкупившим сердца многих поляков демагогическими обещаниями. 22 декабря 1989 г. состоялась церемония присяги нового главы государства, в которой участвовал и Президент Польши в эмиграции Р. Качоровский, передавший Валенсе хранившиеся до тех пор у него регалии власти. В январе на X съезде ПОРП последний глава партии М. Раковский объявил о её роспуске. На полученные из Москвы деньги посткоммунисты создали новую партию – Социал-демократию Польской республики – и основали газету «Трибуна», ставшую наследницей органа ПОРП «Трибуна люду».

Так началась история Третьей республики.

НЕКРОЛОГИ

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ОРЕХОВА (3 июня 1933 г. – 26 ноября 2013 г.)

26 ноября 2013 г. на 81-м году жизни скоропостижно скончался выдающийся историк-славист, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН Александр Михайлович Орехов.

А. М. Орехов родился в Новосибирске, рано потерял отца, репрессированного в конце 1930-х гг. Школьные годы провел в г. Ессентуки, где стал свидетелем нацистской оккупации Кавказских Минеральных Вод.

Выпускник Московского историко-архивного института, ученик Н. В. Устюгова, А. М. Орехов в студенческие годы специализировался на истории (главным образом, экономической) России XVII в., однако судьба распорядилась так, что свой более чем полувековой путь в науке он посвятил, в первую очередь, изучению истории Польши и российско-польских отношений. С 1958 г. А. М. Орехов работал в Институте славяноведения РАН и заслуженно считался одним из крупнейших российских специалистов по истории польского общественного и революционного движения XIX в., по истории Польской Народной Республики и взаимоотношений СССР и ПНР, а также по новейшей истории Польши рубежа XX–XXI вв.

В Институте славяноведения основным направлением исследований А. М. Орехова на долгие годы стало изучение польского национально-освободительного движения XIX в., польского рабочего движения и русско-польских революционных связей второй половины XIX – начала XX вв. во взаимосвязи с российским рабочим движением. Результаты этой работы воплотились в кандидатской диссертации «Русско-польские революционные связи в период возникновения марксистских рабочих организаций в России. 1887–1893 гг.» (1971 г), и в монографиях «Социал-демократическое движение в России и польские революционеры. 1887–1893 гг.» (М., 1973), «Становление польского социалистического движения. Структура, программные концепции, деятели (1874–1893)» (М., 1979), «Первые марк-

систы в России. Петербургский «Рабочий союз» 1887–1893» (М., 1979).

А. М. Орехов принимал участие в работе над совместной советско-польской публикацией «Восстание 1863 года. Материалы и документы», в написании коллективных трудов: «Исследования по истории польского общественного движения XIX–XX вв.», «Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX– начале XX вв.», «Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917», «Комплексные проблемы истории культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований», «Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в.», «СССР и Польша. Интернациональные связи: история и современность», «Рабочее движение в Центральной Европе и пролетарский интернационализм (1871–1904)» и других.

В 1987 г., в составе исследовательской группы Института славяноведения по изучению современной культуры, Александр Михайлович положил начало разработке ещё в то время малоизученной в культуроведении, истории и политологии проблематики, связанной с динамикой идеологических структур польского общества после Второй мировой войны. В особенности его внимание привлекали развивавшиеся в польском обществе идеологические процессы в контексте общественно-политических кризисов в ПНР 1956, 1968, 1980–1981 гг. Однако существенные перемены в направлении научных изысканий не помешали Александру Михайловичу продолжать разработку традиционной проблематики, о чём свидетельствует его непосредственное участие в коллективных трудах: «Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864–1914 гг.» (М., 1988), где он выступал в качестве ответственного редактора, а также «Социальная структура и общественно-политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (середина XIX в. – 1918 г.)».

В 1980–1990-е гг., многократно посещая Польшу, Александр Михайлович проделал незаурядную работу по собиранию материалов и формированию корпуса исторических источников по новейшей польской истории. Он стал признанным знатоком польских архивов XX в. Им были собраны ценнейшие коллекции материалов польской прессы самых различных общественно-политических направлений, в том числе уникальные неофициальные и подпольные издания. Большое значение А. М. Орехов придавал личным беседам со свидетелями и участниками исторических событий, как с видными политическими и общественными деятелями, так и с представителями самых широких общественных кругов.

Другим важнейшим направлением работы Александра Михайловича в эти годы стало изучение российских архивных фондов новейшего времени, относящихся к польской проблематике. В этой области им были достигнуты выдающиеся успехи, что получило признание в профессиональном научном сообществе историков и архивистов, когда А. М. Орехов был приглашён в качестве одного из составителей и комментаторов к подготовке фундаментальной трёхтомной публикации материалов Президиума ЦК КПСС 1954–1964 гг. (М., 2003–2008). Работая над этим крупномасштабным проектом РГАНИ и Отделения историко-филологических наук РАН в узком коллективе коллег (историков и архивистов), Александр Михайлович теперь уже, конечно, не ограничивался только проблемами Польши и советско-польских отношений. Широкий профессиональный кругозор, скрупулезность и богатый личный жизненный опыт позволили ему внести большой вклад в комментирование документов, отражавших самые разнообразные аспекты как внутренней политики СССР (в том числе экономической), так и международных отношений. Не удивительно, что коллектив РГАНИ и его директор Н. Г. Томилина среди первых (наряду с польскими коллегами) откликнулись на известие о кончине А. М. Орехова, блестящего историка, участие которого в работе над проектами РГАНИ в немалой мере помогло обеспечить высокий научный уровень целого ряда важных документальных публикаций по новейшей истории.

Плодами трудов А. М. Орехова в области новейшей истории Польши и россий-

ско-польских отношений стали мастерски написанные главы «Краткой истории Польши» (М., 1995); получившая немалый отклик в профессиональной среде монография «Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений» (М., 2005); разделы в опубликованной в 2012 г. в соавторстве с ведущими российскими историками-полонистами коллективной монографии «Польша в XX веке. Очерки политической истории» (ответственный редактор А. Ф. Носкова). Благодаря подготовленным А. М. Ореховым публикациям архивных документов и публикациям, выполненным с его участием, в научный оборот были введены и широко используются исследователями многочисленные ценнейшие исторические источники по новейшей истории Польши, а также стран и народов Центральной и Восточной Европы второй половины XX в. Можно упомянуть, например, запись этапной по своему значению беседы советской и польской делегаций в Бельведерском дворце Варшавы в октябре 1956 г., в условиях глубокого внутривнутриполитического кризиса в Польше и кризиса в двусторонних отношениях.

Только за последнее десятилетие ряд работ А. М. Орехова был опубликован не только в России, но также в Польше и в Германии, что убедительно свидетельствует о международном признании научных достижений и заслуг их автора. В последние годы жизни А. М. Орехов работал над монографией «Экономические отношения СССР и ПНР. Очерки истории. 1944–1957 гг.», завершённой им незадолго до кончины и готовящейся в настоящее время к публикации.

В целом научные труды А. М. Орехова отличались не только основательностью источниковой базы, детальным знанием историографии, но и строгостью методологии и точностью анализа, безупречной логикой изложения материала, стилистической отточенностью (за этим стоял и богатый опыт работы в качестве научного редактора). А. М. Орехов имел склонность и к педагогической работе, охотно консультировал научную молодёжь, указывая на новые источники, руководил успешно защищёнными кандидатскими диссертациями.

Александр Михайлович Орехов вёл большую научно-организационную работу: с 1962 по 1965 гг. – в качестве учёного секре-

таря комиссии по международным научным связям Института славяноведения; с 1974 г. – исполнял обязанности ученого секретаря Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики; с 2006 г. – будучи членом Комиссии историков России и Польши. В 1991–2000 гг. А. М. Орехов заведовал лабораторией информации и документации Института национальных проблем образования Министерства образования Российской Федерации. В этот непростой период 1990-х годов в силу стечения жизненных обстоятельств полонистика временно отходит на второй план в его штудиях, однако связей с родным Институтом славяноведения он не терял, активно продолжал участвовать в институтских проектах.

Многолетняя плодотворная научная работа А. М. Орехова дала убедительные свидетельства его незаурядного творческого потенциала. Однако в научном сообществе, среди российских и польских коллег, друзей и учеников А. М. Орехов пользовался заслуженным авторитетом и уважением не только как талантливый исследователь, как

уникальный знаток российских и польских архивов. Его научные заслуги: монографии, коллективные труды, в которых он выступил соавтором, подготовленные с его участием публикации архивных документов, – не заслонят ото всех близко знавших Александра Михайловича людей его подлинных человеческих достоинств: искренности, душевной прямоты, научной принципиальности, доброжелательности и неподдельного внимания к окружающим, готовности оказать всестороннюю и бескорыстную помощь. Его внешняя сдержанность и немногословность в общении стала свойственной Александру Михайловичу формой выражения доброты и участия, требовательности и доброжелательности – всех его так высоко ценимых достоинств. С его кончиной российская полонистика понесла тяжелую потерю. Восполнить утрату способно только творческое продолжение дела служения науке, чему полностью посвятил свою жизнь Александр Михайлович Орехов.

Коллеги и друзья

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- AAN – Archiwum Akt Nowych (Архив новых актов, г. Варшава, Польша).
AdDSAP – Archiv der Deutschen Sozialistischen Arbeitspartei Polens (Архив немецкой социал-демократической партии Польши, г. Бонн-Бад Годесберг, Германия).
APmsW – Archiwum Państwowe miasta stołecznego Warszawy (Государственный архив столичного города Варшавы, г. Варшава, Польша).
BA – Bundesarchiv: Abteilung Reich und DDR zusammen mit Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR. Berlin (Федеральный архив: отдел немецкого государства и ГДР вместе с Фондами Архива партий и массовых организаций ГДР, г. Берлин, Германия).
DURP – Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej (Вестник Польской Республики).
MPH – Monumenta Poloniae historica (Акты польской истории).
PA – Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Политический архив МИД Германии, г. Берлин, Германия).
WIP – Wolność i Pokój («Свобода и мир»).
- АВП – Архив внешней политики РФ, г. Москва, Россия.
АВРИ – Архив внешней политики Российской империи, г. Москва, Россия.
БРЭ – Большая российская энциклопедия.
ВА – Bundesarchiv (Федеральный архив Германии, г. Кобленц, Германия).
ВИЖ – Военно-исторический журнал.
ГАКК – Государственный архив Краснодарского края, г. Краснодар, Россия.
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области, г. Новосибирск, Россия.
ГАРО – Государственный архив Ростовской области, г. Ростов-на-Дону, Россия.
ДАП – Дополнения к актам историческим.
ДАТО – Державний архів Тернопольської області (Государственный архив Тернопольской области, г. Тернополь, Украина).
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ЛГИА – Литовский государственный исторический архив (г. Вильнюс, Литва).
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов, г. Москва, Россия.
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории, г. Москва, Россия.
РИБ – Русская историческая библиотека.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адамска Дагмара – кандидат гуманитарных наук, адъюнкт Исторического института Вроцлавского университета, г. Вроцлав, Польша.

Беликов Александр Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Россия.

Боголюбов Александр Александрович – доктор гуманитарных наук в области новейшей истории (учёная степень Республики Польша), ГБУК СК «Пятигорский Краеведческий Музей», зав. сектором истории культуры, г. Пятигорск, Россия.

Волобуев Вадим Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, г. Москва, Россия.

Казаров Саркис Суренович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия.

Ким Игорь Константинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград, Россия.

Ковальчик Малгожата Эва – кандидат гуманитарных наук, адъюнкт Исторического института Вроцлавского университета, г. Вроцлав, Польша.

Коровицына Наталья Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия.

Кретинин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Россия.

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Россия.

Лещинский Рафал – аспирант Исторического института Вроцлавского университета, г. Вроцлав, Польша.

Маркс Богуслав Пётр – доктор экономических наук, адъюнкт Университета Кардинала Стефана Вышиньского, г. Варшава, Польша.

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия.

Островский Леонид Казимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет», г. Новосибирск, Россия.

Польская Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Россия.

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Россия.

Цвиркун Виктор Иванович – доктор исторических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Генеральный Секретарь Организации Черноморского экономического сотрудничества, Министр образования Республики Молдова в 2005–2008 гг., Молдова.

Цихорацкий Пётр – доктор гуманитарных наук, профессор Исторического института Вроцлавского университета, г. Вроцлав, Польша.

Шафраньский Павел – магистр Исторического института Вроцлавского университета, г. Вроцлав, Польша.

Научное издание

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск VIII

На обложке: Щербец – коронационный меч польских монархов
(Фото: Michta S. Музей «Вавельский королевский замок», г. Краков, Польша)

Редактор, технический редактор Л. Г. Ерицян
Компьютерная вёрстка Н. П. Чивиджева

Подписано в печать 05.07.2016

Формат 60x84 1/8

Усл. п. л. 17,92

Уч.-изд. л. 17,38

Бумага офсетная

Заказ 121

Тираж 60 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029 г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2